

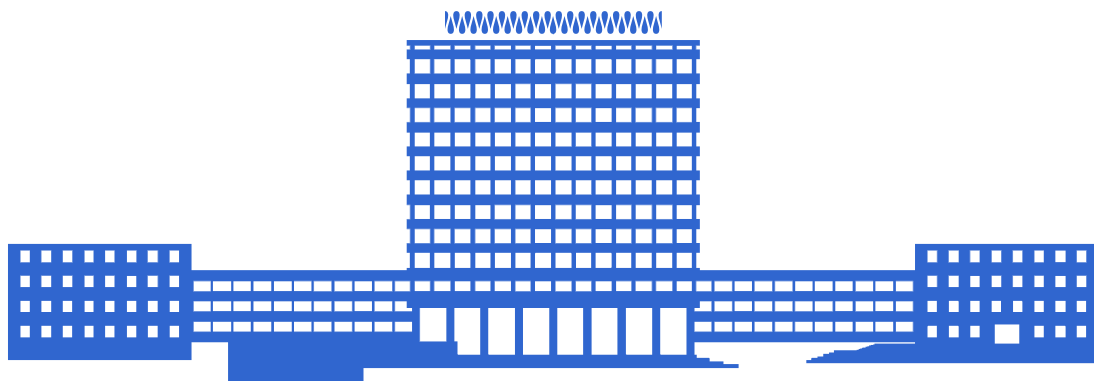
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 15 Выпуск 4 (46) 2019

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2019. – Т. 15. – Вып. 4 (46). – 134 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 9 от 29 ноября 2019 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019
© Авторы, 2019

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 15 Выпуск 4 (46) 2019

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2019

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 15 Issue 4 (46) 2019

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 15, Вып. 4 (46), 2019

Германские языки

<i>Белова В. Ф.</i> Особенности парламентской коммуникации на немецком языке.....	5
<i>Кустова А. М.</i> К вопросу о пейорации общественно-политической лексики конца XX – начала XXI вв. (на материале «антислов» года немецкого языка).....	15
<i>Федуленкова Т. Н., Глебова Д. А.</i> Виды вариантности немецких фразеологизмов с компонентом <i>haben</i> в наиболее распространенных структурных моделях.....	24

Теория языка

<i>Гришаева Л. И.</i> Факторы, обуславливающие варьирование типа текста.....	34
--	----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басова Т. А.</i> Тематическая рубрикация коммуникативной фразеологии английского и японского языков семантического поля ‘смелость’: общее и специфическое.....	60
<i>Дроздов В. А.</i> Семантическое развитие инноваций на материале тематических групп «Наименования причесок» и «Звукоподражательные наименования птиц» в карибских креолях на англоязычной основе.....	73
<i>Дроздов В. А.</i> Тематическая группа «Корабельное братство» и португализмы-архаизмы в карибских креолях на англоязычной основе.....	84
<i>Калиущенко В. Д., Ищенко Д. Д.</i> Семантика глагола «стоять» в немецком, английском и русском языках.....	94
<i>Петрищева Е. И.</i> Композиты и словосочетания, номинирующие родственников в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках.....	105
<i>Юшкова С. А.</i> Социативные конструкции в немецком, английском, русском и украинском языках.....	116

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 15, Issue 4 (46), 2019

Studies in Germanic Languages

<i>Belova V. F.</i> Peculiarities of Parliamentary Communication in German.....	5
<i>Kustova A. M.</i> On Pejoration of Socio-Political Vocabulary of the Late XX th – Early XXI st Centuries (Based on German Anti-Words of the Year).....	15
<i>Fedulenkova T. N., Glebova D. A.</i> Variation of German Phraseologisms with <i>Haben</i> in the Most Common Structural Models.....	24

Theory of language

<i>Grishaeva L. I.</i> Factors Determining Variation of the Type of Text.....	34
---	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Basova T. A.</i> Thematic Categorization of Communicative Phraseology of English and Japanese: Common and Specific Features of the Semantic Field ‘Courage’.....	60
<i>Droz dov V. A.</i> Semantic Development of Innovations in Thematic Groups «Hairstyles’ Names» and «Onomatopoetic Birds’ Names» in Caribbean English-Based Creoles.....	73
<i>Droz dov V. A.</i> Thematic Group «Ship Brother» and Portuguese Archaisms in Caribbean English-Based Creoles.....	84
<i>Kaliuščenko V. D., Ishchenko D. D.</i> Semantics of the Verb «to Stand» in German, English and Russian.....	94
<i>Petrishcheva E. I.</i> Composites and Phrases Naming Relatives in English, German, Russian and Ukrainian Substandard Languages.....	105
<i>Yushkova S. A.</i> Sociative Constructions in German, English, Russian and Ukrainian Languages.....	116

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81.13

© 2019 В. Ф. Белова

ОСОБЕННОСТИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Предмет исследования – особенности парламентского дискурса на немецком языке. Цель работы – представить результаты исследования особенностей парламентской коммуникации на немецком языке как в монологических, так и диалогических высказываниях парламентариев Бундестага. Результаты работы. Полемика при обсуждении вопросов, связанных с проблемами миграции и ситуацией на Украине, агональна не только в монологической части дискурса, но и в диалогической. Однако необходимость принятия парламентских решений, учитывающих правительственные интересы, заставляет представителей «большой коалиции» и оппозиции приходиться к консенсусу и идти на уступки. Область применения результатов – теория и практика парламентской и публицистической коммуникации.

Ключевые слова: парламентский дискурс, публицистический дискурс, немецкий язык, конфронтация, кооперация, репликативный компонент.

© 2019 V. F. Belova

PECULIARITIES OF PARLIAMENTARY COMMUNICATION IN GERMAN

The present research deals with the features of parliamentary discourse in the German language. The aim of the article is to present the results of the study of parliamentary communication peculiarities in German both in monologue and dialogue statements of Bundestag parliamentarians. The research has shown that: polemics on migration problems and the situation in Ukraine is agonical not only in monologic but also in dialogic parts of discourse. The need to make parliamentary decisions that would take into account government interests forces the Grand Coalition representatives and the opposition to arrive at the consensus. The results of the given research could be used in theory and practice of parliamentary and journalistic communication.

Key words: parliamentary discourse, journalistic discourse, German language, confrontation, cooperation, replying component.

Парламентский дискурс, как и другие составляющие политического дискурса, представляет собой единство языковой практики и экстралингвистических факторов, дающих яркое представление об участниках коммуникации (парламентариях) и их языковых и речевых особенностях. Анализ парламентского дискурса стал в последние годы очень актуальным, многие исследователи посвящают ему свои исследования [Алферов, Кустова, 2014, 2015; Алферова, Попова, 2016; Алферов, Шамугия, 2013; Белова, 2014, 2015; Белова, Матвеева, 2015; Лесняк, 2014; Ширяева, 2015; Belova, 2014] и др. В большинстве случаев

анализ является комплексным и включает в себя, кроме анализа прагматики языковых и речевых средств, исследование экстралингвистических факторов, т. е. изучение всего коммуникативно-прагматического пространства, описание ситуации общения, установление структуры составляющих дискурса, выявление роли коммуникантов, изучение семантико-прагматических особенностей речевого поведения коммуникантов, определение интенций, речевой стратегии и тактики действующих лиц, исследование лексико-грамматических и стилистических аспектов дискурса.

Целью данной статьи является изложение результатов исследования особенностей парламентской коммуникации на немецком языке как в монологических, так и диалогических высказываниях парламентариев Бундестага. Материалом исследования послужили стенографические отчеты дебатов парламента ФРГ, а также газетные и журнальные статьи, посвященные обсуждению наиболее актуальных вопросов, а именно: ситуации на Украине и ситуации с беженцами.

Парламентский дискурс зависит от политической ситуации в стране и в мире и отражает полемическую коммуникацию в обществе, для которой свойственны агональность, конфронтация и противоречивые позиции.

В статье А. В. Алферова, В. Ф. Беловой и Е. Ю. Кустовой «Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте)», опубликованной в журнале «Политическая лингвистика» [Алферов, Белова, Кустова, 2014], парламентская коммуникация характеризуется пятью интеракционными функциями – пропозициональной, иллюкутивной, аргументативной, интерперсональной и собственно дискурсивной, подчеркивается, что любой парламентский документ обладает двумя характеристиками – фактуальностью и перформативностью. Фактуальность определяет объективность парламентской коммуникации, её пропозицию, представление определенного положения дел. Перформативность выражается в реализации иллюкутивного плана, т. е. достижения некоего результата когнитивной и прагматической операции над пропозицией (анализом, оценкой, разрешением, запретом, руководством к изменению ситуации и т. д.), зафиксированного документально и институционально [Алферов, Белова, Кустова, 2014: 22].

Дебаты в парламенте осуществляются как речевое взаимодействие (интеракция) представителей разных партийных фракций в Бундестаге, имеющих различное видение обсуждаемого положения дел. Противоположные мнения высказываются, как правило, депутатами от правящей партии (в Германии: «большая коалиция» – Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз и Социал-демократическая

партия) и от оппозиции (в Германии: «Левые», «Зеленые», «Свободная демократическая партия Германии» и «Альтернатива для Германии»). Оппоненты сидят в зале и могут отреагировать на спорные суждения не только в последующих выступлениях, но и, не дожидаясь свободной дискуссии, через реплики, выкрики, вопросы, аплодисменты. В репликативном дискурсе немецкого парламента мало уточняющих, больше провокационных вопросов, а от ответов на них может зависеть не только исход дебатов, но и репутация докладчика, отношение к нему других депутатов. Референт может в случае провокации или агрессии игнорировать вопрос, но отсутствие интеракции не останавливает слушающего, так как перлокутивный эффект достигается и без нее. Через неинституциональные дискурсивные элементы происходит эмоциональное воздействие не только на оратора, но и, что особенно важно, на совокупного адресата парламентского дискурса. Однако, сложность обсуждаемой тематики и сложность и противоречивость политической реальности отражается во многих случаях на парламентском общении и приводит иногда к неожиданным союзам.

Парламентский дискурс, в частности дебаты с их репликативной составляющей (выкрики и вопросы с мест и проч.), проявляет значительное постоянство в использовании речевых стратегий и соответствующих им тактик. Стратегия в парламентских дебатах может быть определена как линия поведения оратора в намерении достичь определенную цель и оказать существенное воздействие на реципиента соответствующим выбором наиболее эффективных средств [Белова, 2014: 63].

Межличностное общение в парламенте имеет свои особенности как реальная коммуникация со своими намерениями и способами их вербализации. «Любые коммуникативные стратегии состоят из иницирующих или реагирующих тактик участников общения, которые могут быть иницирующими или реагирующими. К тактикам деструктивной стороны общения отнесем конфликтные, полемичные, ироничные (вплоть до сарказма), обвинительные, манипулятивные, насмешливые, оскорбительные, критические, негативно оценивающие, предостерегающие, угрожающие, неодобрительные, опровергающие и др. К тактикам конструктивной стороны общения отнесем кооперативные, компромиссные, одобряющие, мотивирующие, поддерживающие, коаргументирующие, урегулирующие, советующие, положительно оценивающие, аргументативно-аналитические, логические, деловые, маневренные, профессионально обусловленные и др. [Белова, Матвеева, 2015: 159].

Без конфронтации и полемики невозможно себе представить парламентские дебаты. Речевое взаимодействие парламентариев, представляющих разные партии, по своей сути конфликтно:

Meine Damen und Herren, das, was gerade hier geäußert wurde, war ein wunderschönes Potpourri aus a) Emotionen und b) Falschaussagen (Martin Hebner, AfD) [Deutscher Bundestag – 19] ‘Все, что было сказано сейчас, было прекрасным попури из а) эмоций и б) фейков’.

Для реализации тактики конфронтации используется набор приемов опровержения, упреков, обвинения, угроз, оскорблений и навешивания ярлыков, отрицания, выбор лексем, вызывающих негативные ассоциации. Часто эти приемы бывают завуалированы под заинтересованность в мнении докладчика. Вопросы также могут навязывать человеку, которому они задаются, не свойственную ему роль. Так, при обсуждении проблем с беженцами вопросы с мест касались соотнесения ответственности европейских государств и немецкого правительства и ответственности политических кругов стран, из которых прибывают беженцы, а также намерения разграничивать беженцев из районов военных действий и беженцев по экономическим причинам. Поскольку в вопросах звучали упрек, несогласие и даже обвинение в чрезмерном обобщении и незнании ситуации, доклад прерывался возгласами протеста и несогласия и нелюбезными репликами. Такую реакцию оратор предвидел и сформулировал вербально, спровоцировав реплику о намеренной провокации:

Aber, meine sehr verehrten Kolleginnen und Kollegen – da wird der Applaus nicht mehr so groß sein ... (St. Mayer, CDU / CSU) [Plenarprotokoll 18/9] ‘Но, мои глубокоуважаемые коллеги, тут аплодисменты не будут бурными’.

So war es ja wohl gedacht! (Dr. Konstantin von Notz, Bündnis 90/Die Grünen) [Plenarprotokoll 18/9] ‘Так это было, вероятно, и задумано!’.

Утверждение Ш. Майера, что Германия, выполняя обязательства, также несет ответственность за ситуацию с мигрантами, вызвало протест в рядах Партии зеленых, который был зафиксирован в протоколе без указания, как был выражен речевой акт протеста и несогласия.

Особенно яркими являются манипулятивные приемы, которые проявляются в иронических высказываниях для подчеркивания некомпетентности выступающего. Приведем примеры, которые показывают, что поставлена под сомнение компетентность говорящего через реплики, выражающие в обоих высказываниях иронию и подчеркивающую в первом случае незнание ситуации депутатом:

Außerdem haben Sie sehr deutlich dargelegt, dass die zwei Überfälle auf zwei Synagogenbesucher, ... vermutlich von Provokateuren der Berkut-Kräfte verübt wurden (M. Beck, Bündnis90 / Die Grünen) [Plenarprotokoll 18/20]. ‘Кроме того, Вы очень ясно дали понять, что оба нападения на двух посетителей синагоги ... совершили предположительно силы Беркута’.

Sie sind ja großzügig heute! (Ulli Nissen, SPD) [Deutscher Bundestag – 19] ‘Да Вы сегодня великодушны!’.

Риторический троп *ирония* используется не только чтобы подчеркнуть некомпетентность, но и для критики позиции отдельных депутатов. Так, например, высказывание г-на Майера (Stephan Mayer, CDU / CSU) о значительных успехах Германии в решении проблемы с мигрантами вызывает смех в зале. Реплика *Vam ne applodieren* даже из рядов *собственной партии* звучит иронично и подчеркивает сомнение в правоте сказанного.

Однако парламентская манипуляция в какой-то степени отличается от общеполитической прежде всего тем, что она осуществляется в рамках институционального парламентаризма. Депутаты Бундестага от правящей коалиции чувствуют свою ответственность перед партийной фракцией и перед избирателями. Кроме этого, оппозиционные депутаты могут в своей контраргументации разоблачить все риторические уловки. Одним из контраргументативных ходов оппонентов может быть риторический вопрос, например:

Akzeptieren Sie die ukrainische Verfassung ganz oder nur in bestimmten Teilen, wenn es Ihnen genehm ist? ... (G. Gysi, Die Linken) [Plenarprotokoll 18/20] ‘Принимаете ли Вы украинскую Конституцию целиком или только отдельными частями, когда Вам это выгодно?’.

Речевые акты оценки, упреков, возражений и косвенного обвинения, а также стратегии прецедентности и интертекстуальности (часто приводится как пример ситуация признания Косова и дословная цитата лидера «Свободы» О. Тягнибока: «Берите оружие, сражайтесь с русскими свиньями, с немцами, с жидовскими свиньями» (G. Gysi, Die Linken) [Plenarprotokoll 18/20] ‘Schnappt euch die Gewehre, bekämpft die Russensäue, die Deutschen, die Judenschweine’) усиливают аргументацию.

Ситуация на Украине, нашедшая отражение в дебатах в Бундестаге, показала позицию многих парламентариев по отношению к России. Русофобские стереотипы подаются в парламентском дискурсе через манипулирование фактами, через выпячивание одних и подавление других акцентов. Вербально это проявляется в употреблении оценочной лексики, вызывающей необходимые докладчику коннотации:

Rückfall in Chauvinismus und das Denken in Einflusszonen (R. Mützenich, SPD) [Plenarprotokoll 18/20] ‘Возвращение [России] к шовинизму и политике влияния’, *eine Annexion der Krim, Einverleibung der Krim* (Dr.Ch. Bergner, CDU/CSU) [Plenarprotokoll 18/20] ‘аннексия Крыма, присоединение Крыма’ и ... *der Kreml für dieses Vorgehen einen hohen politischen und wirtschaftlichen Preis zahlen muss* (M. Beck, Bündnis/Die Grünen) [Plenarprotokoll 18/20] ‘Кремль должен заплатить за такие действия высокую политическую и экономическую цену’. Многократное повторение одной и той же мысли об аннексии Крыма с использованием близких по значению слов (синонимов) является важной тактикой в речевой стратегии конфронтации [Белова, 2015а: 186].

Намерение эффективно воздействовать на слушателей приводит в вербальной организации высказываний к особому структурированию речей и их экспрессивизации. «Можно выделить два основных аспекта парламентского речевого взаимодействия – пропозициональный (содержательный, субъект-объектный) и модально-экспрессивный, направленный на субъект-субъектные (как правило, межпартийные) отношения в ходе парламентских слушаний [Белова, 2015а: 183].

В парламентском дискурсе встречаются как литературный стиль, так и разговорный, как терминологичность, так и экспрессивность, на стилистическом уровне – метафоры, гиперболы, повторы и другие образные средства.

Ja, beschimpfen Sie mich ruhig. Das können wir gleich gerne unter vier Augen tun. Dann darf ich nämlich sagen, was ich will. Am liebsten würde ich nämlich noch etwas ganz anderes sagen (Claudia Moll) [Deutscher Bundestag – 19]. ‘Да, оскорбляйте меня спокойно. Можем это сделать прямо сейчас с глазу на глаз. Тогда я смогу сказать, что хочу. Но я бы лучше всего сказала что-то совсем другое’.

Емкие метафоры и другие образные средства влияют на убедительность приводимых суждений. Парламентарии представляют в произносимых речах свое видение ситуации, учитывая дальнейшее отражение важных моментов в прессе, а журналисты цитируют в статьях высказывания участников дебатов в определенном свете. Интертекстуальность обоих дискурсов явно прослеживается благодаря оригинальным средствам образности [Белова, 2015б: 123].

В немецком парламенте принята строгая форма организации дискуссии. Институциональное парламентское общение характеризуется жесткой структурированностью. Формализация процесса заседания ведет к нормативности, стереотипности и официальности. Смена ораторов производится по заранее установленному порядку. Этот порядок накладывает определенные ограничения на

речевое поведение членов парламента, так как они могут говорить только в том случае, когда председатель предоставляет им слово. Большинство вопросов задается с разрешения спикера, ведущего заседание, и даже с согласия выступающего.

Vizepräsidentin Claudia Roth:

Frau Kollegin, gestatten Sie eine Zwischenfrage des Kollegen Huber? [Plenarprotokoll 18/9] ‘Госпожа коллега, Вы позволите задать вопрос коллеге Хуберу?’

Ulla Jelpke (DIE LINKE):

Ja, gern. [Plenarprotokoll 18/9] ‘Да, пожалуйста’.

Vizepräsidentin Claudia Roth:

Frau Jelpke, entschuldigen Sie, aber gestatten Sie eine zweite Zwischenfrage von Herrn Huber? [Plenarprotokoll 18/9] ‘Госпожа Ельпке, прошу прощения, Вы позволите г-ну Хуберу задать второй вопрос?’.

В немецкой парламентской коммуникации очень распространен прием «ответ вопросом на вопрос», он используется во множестве различных ситуаций или «ответ на свой вопрос»:

Wir müssen natürlich immer wieder überprüfen, wer Asyl haben muss. Natürlich unterscheide ich zum Beispiel zwischen Ländern wie Bulgarien und Rumänien. Aber angesichts Ihrer Parole «Wer betrügt, fliegt», muss man hier die Frage stellen: Wer betrügt hier eigentlich, und wer sollte eigentlich fliegen? (Ulla Jelpke, DIE LINKE) [Plenarprotokoll 19/123] ‘Конечно, мы должны постоянно перепроверять, кому необходимо предоставить убежище. Конечно, я вижу, например, отличия между такими странами, как Болгария и Румыния. Но ввиду Вашего лозунга «Кто обманет, вылетит», следует задать вопрос: А кто здесь собственно обманывает, и кто собственно должен вылететь?’.

Парламентский дискурс отличается от общеполитической конфронтации необходимостью принятия решений, а они без компромиссов невозможны. Ответственность вынуждает к сближению точек зрения, к учету политической ситуации, возникшей в Германии, принимающей беженцев, и на Украине, и последствий этих процессов для Европы. Появляются конструктивные предложения. Этому служит прежде всего согласие с мнением и аргументацией оппозиции.

Прагматизм, который берет все больше верх в выступлениях в Бундестаге, находит выражение в выборе приемов конструктивного общения и тактик, направленных на реализацию стратегий, ведущих к выработке кооперации, компромиссов и согласия.

Выражение согласия или несогласия получило название «иллокутивное вынуждение», которое предполагает обязательную последовательность иллокутивных

актов [Падучева, 1982: 307]. Референт вынужден не только занять позицию, но и в некоторых случаях оправдываться, что представляет репликанта в выгодном свете, навязывает другим парламентариям его видение ситуации.

Средством реализации стратегии компромисса выступают не только лексические средства, но и грамматические, например, употребление конъюнктива.

Das würde Russland nutzen, das würde uns nutzen, das würde der Ukraine nutzen, ... (Dr. A. Schockenhoff, CDU / CSU) [Plenarprotokoll 18/20] 'Это было бы выгодно России, это было бы выгодно нам, это было бы выгодно Украине, ...'.

Таким образом, парламентская коммуникация на немецком языке имеет свои языковые и речевые особенности, которые вызваны не только межличностными отношениями парламентариев и структурой дискурса, но и содержательной стороной дискуссии. Полемика при обсуждении вопросов, связанных с проблемами миграции и ситуацией на Украине, агональна не только в монологической части дискурса, но и в диалогической, отражающей политическую борьбу. Однако необходимость принятия парламентских решений, учитывающих правительственные интересы, заставляет представителей «большой коалиции» и оппозиции приходиться к консенсусу и идти на уступки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 21-26.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 57-62.
3. Алферов А. В., Попова Г. Е., Червонный А. М. Языки в политическом пространстве современной Европы и в Европарламенте // Политическая лингвистика. 2016. № 3. С. 10-17.
4. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний Французского Парламента) // Вестник ПГЛУ. 2013. № 3. С. 109-112.
5. Белова В. Ф. Лингвопрагматические черты немецкого парламентского дискурса (на материале запроса-заявления партии и дебатов в Бундестаге) // Вестник ПГЛУ. 2014. № 2. С. 63-67.
6. Белова В. Ф. Экспрессивизация как стратегия парламентского дискурса // Вестник ПГЛУ. 2015а. № 2. С. 183-187.
7. Белова В. Ф., Матвеева Г. Г. Конструктивно-деструктивное общение (по материалам протоколов Бундестага и Европарламента) // Вестник МГЛУ. Германистика: перспективы развития. 2015. № 20 (731). С. 157-168.
8. Белова В. Ф. Сопоставительное исследование метафор в парламентском и публицистическом дискурсах на немецком языке // Политическая лингвистика. 2015б. № 2 (52). С. 122-129.

9. Лесняк М. В. Речевая стратегия «вероятностное оценивание» в парламентском дискурсе: немецкие кандидаты на выборы в Европарламент 2014 года // Политическая лингвистика, 2014. № 4 (50). С. 143-147.

10. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. № 4. Т. 40.

11. Ширяева Т. А., Триус Л. И. Языковая реализация стратегии самопрезентации в британском парламентском дискурсе дебатов // Вестник ПГЛУ. 2015. № 2. С. 103-107.

12. Belova V. F. Replying Component in German Parliamentary Discourse // The 2nd International Conference on the Transformation of Education. London, 2014. P. 47-57.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Deutscher Bundestag – 19. Wahlperiode – 61. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 8. November 2018. Режим доступа: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/19/19061.pdf#P.6823>. (дата обращения: октябрь 2019).

2. Plenarprotokoll 18/20 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. Режим доступа: www.heenemann-druck.de; www.betrifft-gesetze.de. (дата обращения: март 2014).

3. Plenarprotokoll 18/9 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 9. Sitzung Berlin, Freitag, den 17. Januar 2014. Режим доступа: www.heenemann-druck.de; www.betrifft-gesetze.de. (дата обращения: март 2014).

4. Plenarprotokoll 19/123 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 123. Sitzung Berlin, Mittwoch, den 6. November 2019. Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/19/19123.pdf>. (дата обращения: ноябрь 2019).

REFERENCES

1. Alferov, A. V., Belova, V. F., Kustova, E. Yu. (2014). Agonalnost parlamentskoy kommunikatsii (na materiale debatov v nemetskom parlamente) [Agonality of parliamentary communication (on the material of German parliamentary debates)]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 4. Pp. 21-26. (In Russ.).

2. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Popova, G. E. (2015). Relevantnost v kontseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse [On the relevance of conceptualization of Russia in French parliamentary discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2. Pp. 57-62. (In Russ.).

3. Alferov, A. V., Popova, G. E., Chervonnyy, A. M. (2016). Yazyki v politicheskom prostranstve sovremennoy Evropy i v Evroparlamente [Languages in the political space of contemporary Europe and in the European Parliament]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3. Pp. 10-17. (In Russ.).

4. Alferov, A. V., Shamugiya, L. G. (2013). Replikativnyy diskurs parlamentskikh debatov (na materiale skriptov zasedaniy Frantsuzskogo Parlamenta) [Replicative discourse of parliamentary debates (based on the scripts of the French Parliament sessions)]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 3. Pp. 109-112. (In Russ.).

5. Belova, V. F. (2014). Lingvopragmaticheskie cherty nemetskogo parlamentskogo diskursa (na materiale zaprosa-zayavleniya partii i debatov v Bundestage) [Linguapragmatic peculiarities of the German parliamentary discourse (based on the request-party statements and debates in the Bundestag)]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 2. Pp. 63-67. (In Russ.).

6. Belova, V. F. (2015a). Ekspressivizatsiya kak strategiya parlamentskogo diskursa [Expressivization as a strategy of the parliamentary discourse]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 2. Pp. 183-187. (In Russ.).

7. Belova, V. F., Matveeva, G. G. (2015). Konstruktivno-destruktivnoe obshchenie (po materialam protokolov Bundestaga i Evroparlamenta) [Constructive-destructive communication (on

the material of reports of the Bundestag and the European Parliament)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 20 (731). Pp. 157-168. (In Russ.).

8. Belova, V. F. (2015b). Sopotavitelnoe issledovanie metafor v parlamentskom i publitsisticheskom diskursakh na nemetskom yazyke [Comparative research of metaphors in parliamentary and journalistic discourses in the German language]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (52). Pp. 122-129. (In Russ.).

9. Lesnyak, M. V. (2014). Rehevaya strategiya «veroyatnostnoe otsenivanie» v parlamentskom diskurse: nemetskie kandidaty na vybory v Evroparlament 2014 goda [Speech strategy «prognostic evaluation» in parliamentary discourse: German candidates for the European Parliament elections 2014]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 4 (50). Pp. 143-147. (In Russ.).

10. Paducheva, E. V. Pragmaticheskie aspekty svyaznosti dialoga [Pragmatic aspects of dialogue connectivity]. In *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1982. No. 4. T. 40.

11. Shiryayeva, T. A., Trius, L. I. (2015). Yazykovaya realizatsiya strategii samoprezentatsii v britanskom parlamentskom diskurse debatov [Verbal realization of self-presentation strategy in the British parliamentary discourse of debate] In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 2. Pp. 103-107. (In Russ.).

12. Belova, V. F. (2014). Replying Component in German Parliamentary Discourse. In *The 2nd International Conference on the Transformation of Education*. London, 2014. Pp. 47-57.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Deutscher Bundestag* – 19. Wahlperiode – 61. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 8. November 2018. Available at: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/19/19061.pdf#P.6823>. (accessed: October, 2019).

2. *Plenarprotokoll 18/20 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014*. Available at: www.heenemann-druck.de; www.betrifft-gesetze.de. (accessed: March, 2014).

3. *Plenarprotokoll 18/9 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 9. Sitzung Berlin, Freitag, den 17. Januar 2014*. Available at: www.heenemann-druck.de; www.betrifft-gesetze.de (accessed: March, 2014).

4. *Plenarprotokoll 19/123 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 123. Sitzung Berlin, Mittwoch, den 6. November 2019*. Available at: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/19/19123.pdf>. (accessed: November, 2019).

Белова Валентина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: belovav2008@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357502 Пятигорск, проспект Кирова 63

Belova Valentina F. – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of the Germanistics and Intercultural Communication (e-mail: belovav2008@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 63 Kirova, Pyatigorsk, 357502

Поступила в редакцию 08 ноября 2019 г.

УДК 81'373/81'374

© 2019 А. М. Кустова

**К ВОПРОСУ О ПЕЙОРАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.
(НА МАТЕРИАЛЕ «АНТИСЛОВ» ГОДА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению явления пейорации общественно-политической лексики в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования пейоративов, выявляются ключевые темы и области, в рамках которых развивается актуальная общественно-политическая лексика, а также рассматриваются семантические и стилистические особенности «антислов» года.

Ключевые слова: пейорация, «антислово» года, языковая критика, семантика, стилистика, коннотация.

© 2019 А. М. Kustova

**ON PEJORATION OF SOCIO-POLITICAL VOCABULARY
OF THE LATE XXth – EARLY XXIst CENTURIES
(BASED ON GERMAN ANTI-WORDS OF THE YEAR)**

The article addresses the analysis of socio-political vocabulary pejoration in modern German. The paper studies the structure of pejoratives, reveals the ways of their formation, presents the main topics and spheres within which relevant socio-political vocabulary develops and describes semantic and stylistic components of the German anti-words of the year.

Key words: pejoration, anti-word of the year, linguistic criticism, semantics, connotation, stylistics.

Проблема пейоративной лексики и пейорации разговорной лексики немецкого языка, исследовалась такими отечественными лингвистами, как В. Д. Девкин [Девкин, 1973], И. И. Кремих [Кремих, 1987] и др. Однако вопрос о негативной оценочности общественно-политической лексики конца XX – начала XXI вв. пока недостаточно изучен и требует более детального и тщательного рассмотрения. Целью данного исследования является изучение и описание общественно-политической лексики указанного периода, образующей функциональное пейоративное поле.

В статье представлены результаты исследования пейоративов в общественно-политической лексике немецкого языка, в частности, «антислов», ежегодно выбираемых в Германии в рамках акции «слово и «антислово» года». Материалом исследования послужили «антислова» 1993-2010 гг. Особое внимание уделяется анализу ключевых областей, нашедших отражение в данной лексике, путей становления «антислов». В исследовании выделяются семантические и стилистические особенности «антислов» года, способы образования и контекст их употребления. При этом акцент делается на

выявлении причин того, какие слова и на основании каких критериев становятся «антисловами». Согласно официальному заявлению Общества немецкого языка, «антисловом» может быть любая лексическая единица, обозначающая понятие из различных сфер общественной жизни в рамках публичной коммуникации (политика, общественные отношения, экономика, культура, наука и т. п.), противоречащая основным гуманистическим принципам / дискредитирующая одну из социальных групп общества / используемая эвфемистически, завуалированно либо своим использованием вводящая окружающих в заблуждение [Offizielle Seite der Aktion «Unwort des Jahres»]. На данный момент акция «Антислово» года («Unwort des Jahres») является наиболее актуальным и всеобъемлющим выражением языковой критики в Германии, цель которой составляет бережное обращение с языком и привлечение внимания к употреблению актуальной лексики [Greule, 2000: 10]. Таким образом, «антислова» обладают негативной оценочностью и относятся к пейоративам.

Понятие «пейоратив» можно трактовать как в более широком, так и в более узком значении. При этом формулировка данного лингвистического термина не зависит от временного промежутка, в котором работали те или иные исследователи, давшие определение пейоративу. По мнению В. Д. Девкина, «явление пейорации следует рассматривать со стилистической, общеценностной и персонологической позиций» [Девкин, 1973: 93]. Так, в пейоративное поле попадают языковые единицы, которые могут и не иметь определенных словарных пометок. Е. Г. Дьякова и А. Д. Трахтенберг настаивают на том, что пейоративность всегда связана с языковой критикой, поэтому «стилистически нейтральные слова, содержащие ценностную сниженность, не являются пейоративами» [Дьякова, Трахтенберг, 1999: 15]. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин «пейоративный» трактуется наиболее узко и определяется как «обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией, сообщающий (придающий) слову отрицательную коннотацию» [Ахманова, 2007: 315]. В новейших исследованиях, посвященных пейорации, под термином «пейоратив» понимается слово или словосочетание, «которое выражает отрицательную оценку человека (предмета, явления), неодобрение, порицание, иронию или презрение» [Горбачева, Безрукова, 2016: 1688]. В данной работе мы придерживались определения В. Д. Девкина и рассматривали не только «антислова»-пейоративы, но и лексические единицы, приобретающие характеристики пейоративов в контекстном использовании.

Пейорация относится к системным характеристикам девальвации языка. «Лингвистическая пейорация включает: качественно-ценностное снижение

характеристики денотата, в котором выделяются негативные признаки; принижение объекта оценки посредством непочтительной формы, подчеркивающей неприятие негативной стороны; ухудшение понятия с высоким ценностным ранжированием; интенсификацию негативности» [Турецкова, 2011: 7]. Так, критерий отбора лексических единиц, относящихся к пейоративам, основанный лишь на словарных пометах, представляется недостаточным. Необходимо учитывать такие критерии, как способность вызывать негативную реакцию у носителей языка, возможность перемены оценки в контексте и наличие нейтрального синонима. Похожих критериев придерживается и И. Е. Феокисова в работе «О пейоративах». Она утверждает, что пейоративы нужно выделять по «наличию противопоставления положительной и отрицательной характеристик; наличие переноса по сходству признаков; отрицательное или пренебрежительное отношение человека к объекту номинации» [Феокисова, 1979: 86]. Большую роль при этом имеет образность.

Одним из основных вопросов, связанных с явлением пейорации, является выраженность девальвации в языковой системе посредством семантических особенностей лексем и зависимость от определенного контекста и единичной ситуации [Навгуливів, 2003: 106]. Пейорация соотносится со всеми уровнями языкового описания, прежде всего, в семантическом аспекте – так, она представляет собой активное языковое явление, связанное с языковой критикой.

Один из инициаторов данной акции Х. Д. Шлоссер в своей работе «Lexikon der Unwörter» пытается систематизировать «антислова» по следующим темам:

- политика (разделение и воссоединение Германии);
- бюрократические процессы;
- военные события;
- расизм;
- дискриминация различных групп населения (прежде всего, возрастных групп)

[Schlosser, 2000: 52].

Исследователь также выделяет ключевые пути становления «антислов», обозначающих неприятные для немецкого общества события и понятия:

- слова, изначально предлагаемые журналистами в своих статьях в качестве «антислов»;
- слова, используемые СМИ в переносном значении («в кавычках»);
- слова, обсуждаемые в СМИ и интернет-блогах как неприятные с точки зрения их семантики и коннотативных признаков;
- слова, предлагаемые онлайн-изданиями в качестве «антислов» в рамках опроса;

– слова, некорректно используемые политиками, медийными и известными личностями, вызывающие неприятие общественности [Schlosser, 2000: 7].

Отметим, что в течение времени тематика «антислов» значительно расширилась: прежде всего, это касается политической сферы (как внутренней (миграционный кризис, миграционные процессы, экстремизм, пропаганда), так и внешней (международный терроризм), социальных отношений (сексуальное насилие, ЛГБТ, сокрытие и подмена фактов в СМИ, гендерное неравенство), экономических процессов (безработица, ухудшение экологической ситуации).

Как уже было отмечено ранее, рассматриваемый материал в данной работе был разделен на две категории: «антислова»-пейоративы и «антислова», приобретающие характеристики пейоративов в контекстном использовании. К первой категории были отнесены такие «антислова», как *kollektiver Freizeitpark* (1993), *Wohlstandsmüll* (1997), *Integrationsverweigerer* (2010). Данные лексические единицы являются пейоративами, так как они связаны с языковой картиной мира, обладают негативной оценкой, искажают общепринятые гуманные ценности и употребляются по отношению к Германии, немецкому народу и людям, претендующим на проживание в стране. «Антислова» вызвали широкий резонанс в СМИ и всеобщее негодование: так, например, в словаре *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)* зафиксированы 103 случая употребления единицы *Wohlstandsmüll* с 1997 г. [DWDS]. Кроме того, если мы учитываем словарные коннотации, *Wohlstandsmüll* относится к пласту сниженной лексики и имеет помету «abwertend». Два других «антислова» не имеют зафиксированных помет. Рассмотрим их поподробнее.

Словосочетание *kollektiver Freizeitpark* было использовано Г. Кодем на заседании правительства 21.10.1993. Под данным выражением (‘коллективный парк культуры и отдыха’ – перевод *наш. А. К.*) экс-канцлер подразумевает Германию с 37,5-часовой рабочей неделей, которая с «шестью неделями отпуска и двенадцатью официальными выходными днями не выдерживает конкуренции с другими странами» [Welt]. Хотя данное «антислово» не имеет зафиксированных коннотаций, можно отметить его стилистическую составляющую: *kollektiver Freizeitpark* является метафорическим выражением для обозначения Германии (т. е. является парафразой), при этом оно отражает негативную оценку говорящего к данному объекту (страна сравнивается с парком развлечений).

Помимо того, что лексическая единица *Wohlstandsmüll*, употребленная Гельмутом Маухером, председателем правления концерна Nestlé, является стилистическим пейоративом, она также является и контекстным пейоративом. Данное «антислово»

можно перевести как ‘отбросы общества благосостояния’ (*перевод наш* – А. К.) Г. Маухер употребил его в интервью 1996 г. журналу «Zeit», подразумевая под этим понятием безработных Германии, которые живут на государственные пособия и при этом «процветают», употребляя наркотические вещества и алкоголь [Zeit]. Если в словарной дефиниции под «отбросами» можно понимать практически всех неодушевленные предметы, то бизнесмен придает лексической единице дополнительную образность (категорию одушевленности), сравнивая людей с мусорными отходами.

«Антислово» 2010 г. *Integrationsverweigerer* (‘мигрант, сознательно отказывающийся от интеграции в общество’ (*перевод наш* – А. К.) было употреблено экс-министром внутренних дел ФРГ Т. де Мезьером. Данная лексическая единица является пейоративом не по стилистической, а по семантической составляющей. Слово связано с процессом миграции (вернее, следующим его шагом – процессом адаптации и интеграции) внутри страны. Отметим, что слово *Integrationsverweigerer* обозначает не всех мигрантов, а лишь беженцев, т.е. слово дискредитирует конкретную социальную группу. Композит содержит отрицательный семантический компонент (сема «отказ»), который является главным по отношению к семантическому компоненту с положительным значением («интеграция»).

Обратимся ко второй категории, лексическим единицам, которые приобрели пейоративное значение в контекстном употреблении. Они неудачно выражают отношение к актуальным политическим событиям и социальным процессам и в связи с этим приобретают пейоративность. К таким «антисловам» относятся *Kreuzzug* (2001), *Flüchtlingsbekämpfung* (2009), *alternativlos* (2010).

Лексическая единица *Kreuzzug* (‘крестовый поход’) является историческим понятием, связанным со средневековой религиозной практикой [Duden]. В словаре данное слово имеет помету, «историзм», так как крестовые походы в качестве военных действий с целью навязывания веры практиковались до 16 в. и связывались с католической церковью (т.е. христианством) [Эсбридж, 2013: 29]. Из-за неpolitкорректного, неаккуратного употребления исторической реалии экс-президентом США Дж. Бушем после событий 11 сентября 2001 г. слово приобрело новые устойчивые отрицательные ассоциации среди широкой общественности. Политик употребил его во фразе *Wir werden einen Kreuzzug führen* (‘мы проведем крестовый поход’), когда говорил о террористической группировке Усамы бен Ладена и вводе войск в Афганистан [Frankfurter Allgemeine Zeitung]. В данном случае определяющую роль в приобретении словом пейоративности играет такой важный языковой фактор, как исторический контекст: согласно словарю DWDS, одними из наиболее употребляемых сочетаний со словом *Kreuzzug* являются такие лексические единицы, как *Christenheit* (‘христианство’),

Eroberung ('завоевание'), *Inquisition* ('инквизиция'), *Islam* ('ислам'), *Religionskrieg* ('религиозная война'), *Mittelalter* ('средневековье'). В связи с тем, что слово соотносится с устойчивым историческим контекстом, связанным с насаждением христианства в мусульманских странах и войной против ислама, употребление его в современности приводит к искажению оценки лексической единицы и общественного порицания, что характерно для пейоративов.

Отметим, что два пейоратива в этой категории «принадлежат» канцлеру А. Меркель (*Flüchtlingsbekämpfung, alternativlos*). Слово *Flüchtlingsbekämpfung* ('борьба с беженцами') было употреблено А. Меркель во время международного форума «Бельтесман» в 2009 г. Оно является парафразой из профессионального военного языка и образовано по аналогии с такими словами, как *Krankheits-, Seuchen-, Terrorismusbekämpfung* ('борьба с болезнями / эпидемиями / терроризмом'), где первый компонент в композите означает отрицательное явление, которое необходимо ликвидировать [Goethe Universität Frankfurt am Main]. Исходя из того, что слово *Flüchtlingsbekämpfung* было заимствовано А. Меркель из военного дискурса, общественность Германии взволновало его использование, так как оно провоцирует мысли о применении оружия относительно беженцев в Средиземноморье, т. е. противоречит общим этическим ценностям и направлено на принижение выражаемого объекта. Подчеркнем, что данное «антислово» также дискредитирует определенную социальную группу.

Другое «антислово», употребленное Меркель, *alternativlos* ('безальтернативный'), было использовано в качестве обоснования финансовой помощи Греции во время кризиса 2009-2010 гг., введения войск в Афганистан, а также закона об апроприации банков. Хотя в морфологии слова выражено отрицательное значение с помощью суффикса *-los* – так, «антислово» обозначает отсутствие каких-либо альтернатив во время процесса принятия решения – нельзя утверждать, что оно является пейоративом по определению, ибо данный суффикс может придавать словам не только отрицательное, но и положительное значение (*endlos* 'бесконечный', *kostenlos* 'бесплатный', *sorglos* 'беззаботный' и проч.). В связи с этим *alternativlos* раскрывается как пейоратив в контексте: оно приобрело устойчивые негативные ассоциации в связи с частотностью употребления для выражения социальной нестабильности в речи политиков (не только А. Меркель, но и иных представителей Бундестага). Языковая критика в конкретном случае связана с критикой общественной: политическая и социальная стабильность может быть нарушена, если правительство обосновывает не самые выгодные и однозначные решения для граждан с помощью такого аргумента, что подводит нас к выводу об общественной негативной оценке

безальтернативности. Обратим внимание, что данное «антислово» также получило дальнейшее языковое развитие и стало именоваться как *Totschlagargument* («убийственный аргумент») [Deutschlandfunk Kultur].

Таким образом, рассмотрев явление пейорации на материале «антислов» года Германии 1993-2010 гг., мы пришли к следующим выводам:

1) К тематическому полю пейорации относится оценка как внутри-, так и внешнеполитических политических событий (миграционный кризис, международный терроризм), а также экономических процессов 90-х гг. (безработица, сокращение рабочего времени).

2) Рассматриваемые лексические единицы относятся к двум категориям: «антислова»-пейоративы и «антислова», приобретающие характеристики пейоративов в контекстуальном использовании, т. е. слова, изначально нейтральные, однако неуместно использованные в процессе публичной коммуникации. Часть из них является военными или историческими терминами. При этом контекстные пейоративы всегда связаны с персонологической характеристикой, они могут изменять стилистическую составляющую в случае использования в переносном значении (в качестве метафоры или парафразы), в то время как «антислова», пейоративы по определению, являются таковыми вследствие их лексического значения.

3) Нами были отмечены также случаи дальнейшего развития пейоративов (так, для характеристики особенностей употребления слова *alternativlos* используется лексическая единица *Totschlagargument* «убийственный аргумент»), в результате которого происходит расширение пейоративного поля.

4) Важно, что языковая критика, которая находит отражение в явлении пейорации, напрямую связана с критикой общественной (граждане Германии недовольны не только словесным выражением ситуации в стране, но и самими событиями).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Едиториал УРСС, 2007. 567 с.

2. Горбачева Е. Ю., Безрукова О. Э. Пейоративная коннотация интернет-дискурса в современной разговорной речи // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1688-1690. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/115/30690/>. (дата обращения: 20.10.2019).

3. Девкин В. Д. Немецкая разговорная лексика. Москва: МГПИ им. В.И. Ленина, 1973. 286 с.

4. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. 130 с.

5. Кремих И. И. Пейоративы-переосмысления в лексике современного немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 1987. 238 с.

6. Турецкова И. В. Языковые средства манифестации пейоратива в словаре и тексте (на материале немецких пейоративных имен, характеризующих человека): дис. ... канд. филол. наук 10.02.04. Самара, 2011. 169 с.

7. Феоктистова Н. В. К вопросу о пейоративах // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13. С.69-87.

8. Эсбридж Т. Крестовые походы: битвы за Святую землю. Москва: Центрполиграф, 2013. 736 с.

9. Greule A. Das Unwort des Jahres. Eine neue Form der Sprachkritik in Deutschland // Brünner eiträge zur Germanistik und Nordistik R5 = Sbornik praci Filozofi cke fakulty brněnske univerzity. Řada R, germanisticka 2000. S. 7-17.

10. Havryliv O. Pejorative Lexik. Untersuchungen zu ihrem semantischen und kommunikativ-pragmatischen Aspekt am Beispiel moderner deutschsprachiger, besonders österreichischer Literatur. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2003. 160 S.

11. Schlosser H. D. Lexikon der Unwörter. Bertelsmann-Lexikon-Verlag, Gütersloh 2000. 125 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Режим доступа: www.dwds.de. (дата обращения: 22.10.2019).

2. Duden. Online-Wörterbuch. Режим доступа: <http://duden.de>. (дата обращения: 18.10.2019).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Deutschlandfunk Kultur. Режим доступа: https://www.deutschlandfunkkultur.de/das-totschlagargument.1013.de.html?dram:article_id=171392. (дата обращения: 21.10.2019).

2. Frankfurter Allgemeine Zeitung: aktuelle Nachrichten online. Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/krieg-gegen-den-terror-das-wort-vom-kreuzzug-stoesst-auf-widerspruch-130636.html>. (дата обращения: 22.10.2019).

3. Goethe Universität Frankfurt am Main. Режим доступа: <http://www.muk.uni-frankfurt.de/38673773/008>. (дата обращения: 21.10.2019).

4. Offizielle Seite der Aktion «Unwort des Jahres». Режим доступа: <http://www.unwortdesjahres.net>. (дата обращения: 18.10.2019).

5. Welt: Nachrichten, Hintergründe, News & Videos. Режим доступа: <https://www.welt.de/print-welt/article241153/Faule-Republik-Deutschland.html>. (дата обращения: 20.10.2019).

6. ZEIT ONLINE: Nachrichten, Hintergründe und Debatten. Режим доступа: <https://www.zeit.de/1996/30/maucher.txt.19960719.xml/seite-6>. (дата обращения: 18.10.2019).

REFERENCES

1. Ahmanova, O. S. (2007). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Vocabulary of linguistic terms]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

2. Gorbacheva, E. U., Bezrukova, O. E. (2016). *Pejorativnaya konnotatsiya internet-diskursa v sovremennoy razgovornoy rechi* [Pejorative connotation of the internet-discourse in modern spoken language]. In *Molodoy uchenyy*. No. 11. Pp. 1688-1690. Available at: <https://moluch.ru/archive/115/30690/>. (accessed: 20.10.2019). (In Russ.).

3. Devkin, V. D. (1973). *Nemetskaya razgovornaya leksika* [German spoken lexis]. Moskva: MGPI im. V. I. Lenina. (In Russ.).

4. Dyakova, E. G., Trahtenberg, A. D. (1999). *Massovaya kommunikatsiya i problema konstruirovaniya realnosti: analiz osnovnykh teoreticheskikh podkhodov* [Mass communication and the problem of reality construction: analysis of the main theoretical approaches]. Ekaterinburg. (In Russ.).

5. Kremikh, I. I. (1987). *Pejorativy-pereosmysleniya v leksike sovremennogo nemetskogo yazyka* [Pejoratives-comprehensions in the lexis of the modern German language]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

6. Turetskova, I. V. (2011). *Yazykovye sredstva manifestatsii pejorativa v slovare i tekste (na materiale nemetskikh pejorativnykh imen, kharakterizuyushchikh cheloveka)* [Linguistic means of pejorative manifestation in the vocabulary and text (on the material of German pejorative names which characterize human)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Samara. (In Russ.).

7. Feoktistova, N. V. (1979). *K voprosu o pejorativakh* [To the question of pejoratives]. In *Voprosy onomastiki*. Sverdlovsk. No. 13. Pp.69-87. (In Russ.).

8. Esbridzh, T. (2013). *Krestovye pokhody: bitvy za Svyatuyu zemlyu* [Crusades: fights for the Holy Land]. Moskva: Centrpoligraf. (In Russ.).

9. Greule, A. Das Unwort des Jahres. Eine neue Form der Sprachkritik in Deutschland. In *Brünner eiträge zur Germanistik und Nordistik R5 = Sbornik praci Filozofi cke fakulty brněnske univerzity*. Řada R, germanisticka 2000. S. 7-17.

10. Havryliv, O. *Pejorative Lexik. Untersuchungen zu ihrem semantischen und kommunikativ-pragmatischen Aspekt am Beispiel moderner deutschsprachiger, besonders österreichischer Literatur*. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2003. 160 S.

11. Schlosser, H. D. (2000). *Lexikon der Unwörter*. Bertelsmann-Lexikon-Verlag, Gütersloh.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Available at: www.dwds.de. (accessed: 22.10.2019). [DWDS].

2. *Duden*. Online-Wörterbuch. Available at: <http://duden.de>. (accessed: 18.10.2019).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Deutschlandfunk Kultur*. Available at: https://www.deutschlandfunkkultur.de/das-totschlagargument.1013.de.html?dram:article_id=171392. (accessed: 21.10.2019).

2. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: aktuelle Nachrichten online. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/krieg-gegen-den-terror-das-wort-vom-kreuzzug-stoesst-auf-widerspruch-130636.html>. (accessed: 22.10.2019).

3. *Goethe Universität Frankfurt am Main*. Available at: <http://www.muk.uni-frankfurt.de/38673773/008>. (accessed: 21.10.2019).

4. *Offizielle Seite der Aktion «Unwort des Jahres»*. Available at: <http://www.unwortdesjahres.net>. (accessed: 18.10.2019).

5. *Welt*: Nachrichten, Hintergründe, News & Videos. Available at: <https://www.welt.de/print-welt/article241153/Faule-Republik-Deutschland.html>. (accessed: 20.10.2019).

6. *ZEIT ONLINE*: Nachrichten, Hintergründe und Debatten. Available at: <https://www.zeit.de/1996/30/maucher.txt.19960719.xml/seite-6>. (accessed: 18.10.2019).

Кустова Анастасия Михайловна – магистрант кафедры немецкого языка (e-mail: kustova.anastasia97@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет» 119991, Москва, Малая Пироговская, 1/1

Kustova Anastasia M. – Master's Degree Student of the German Language Department (e-mail: kustova.anastasia97@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State Pedagogical University» 1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991

Поступила в редакцию 14 ноября 2019 г.

ВИДЫ ВАРИАНТНОСТИ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *HABEN* В НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЯХ

Статья посвящена исследованию немецких глагольных фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом haben с целью выявления основных структурных моделей, их компонентной организации и видов вариантности компонентного состава этих ФЕ. Исследование проводится на основе успешно апробированного метода фразеологической идентификации, предложенного А. В. Куниным. В результате анализа выявляются три основные структурные модели изучаемых фразеологизмов и ряд вариантов ФЕ в каждой из этих моделей.

Ключевые слова: *современный немецкий язык, глагольные фразеологические единицы, структурная модель, компонент, вариант.*

© 2019 T. N. Fedulenkova, D. A. Glebova

VARIATION OF GERMAN PHRASEOLOGISMS WITH *HABEN* IN THE MOST COMMON STRUCTURAL MODELS

The article focuses on the study of German verbal phraseological units (PU) with the component haben. The purpose of the research is to identify the main structural models, their componential organization and the variation of Pus' composition. The research has been carried out on the basis of successfully tested method of phraseological identification proposed by A. V. Kunin. The analysis identifies three main structural models of the phraseologisms studied and a number of PU variants in each of those models.

Key words: *modern German, verbal phraseological units, structural model, component, variant.*

1. Введение

Согласно типологической классификации немецкий язык относится к группе синтетических языков и обладает богатейшим запасом фразеологических единиц (ФЕ) различного уровня абстракции [Мелерович, 1979: 39; Fedulenkova, 2009: 45]. Так, например, лишь словарь Лутца Периха «Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten» [Röhrich, 2018] содержит 15 000 ключевых слов, употребляемых в пословицах и крылатых фразах.

В данной статье представляется анализ глагольных фразеологических единиц современного немецкого языка с компонентом *haben* в соответствии с их структурно-грамматическими особенностями. В качестве объекта исследования рассмотрено около 800 ФЕ с данным компонентом, источником которых послужили электронные словари, а также указанное выше издание. В своей работе мы опираемся на понимание фразеологической единицы как «устойчивого сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин, 1970: 210].

Данное исследование проводится в русле ряда структурно-семантических исследований германской фразеологии, нацеленных на накопление эмпирического и аналитического материала для выполнения задач сопоставительно-типологического исследования фразеологии родственных и неродственных языков, перспективы которого были обрисованы в трудах проф. В. Д. Аракина [2005]. В качестве научной базы исследования избрана фразеологическая концепция проф. А. В. Кунина, а также разработанный им метод фразеологической идентификации [Кунин, 2005: 38-42] и успешно апробированный рядом лингвистов на материале не только английского, но и других германских языков, а также на материале славянских и тюркских языков [Федуленкова, 2006; Любова, 2009; Potseluyeva, 2009]. В работе были использованы частнодисциплинарные непарадигмальные методы исследования [Комарова 2018: 589].

2. Исследовательская часть

2.1. Структурная модель: θ + Prep + (d) + S + V

Фразеологические единицы рассматриваемой грамматической модели с константно-переменной зависимостью [Кунин, 1970: 67] не многочисленны: *jemanden auf der Pelle haben* (досл.: ‘иметь кого-л. на шелухе, коже’) – ‘не иметь покоя от кого-л.’; *jemanden bei der Bux haben / kriegen* (досл.: ‘иметь кого-л. у брюк, штанов’) – ‘схватить, поймать кого-л.’ (сев.-нем.); *jemanden unter der Fuchtel haben* (досл.: ‘иметь кого-л. под фухтелью, плетью’) – ‘держат в ежовых рукавицах кого-л.’; *etwas/ jemanden an der Backe haben* – (досл.: ‘иметь на щеке что-л., кого-л.’) – ‘иметь ношу, быть связанным (по рукам и ногам), терпеть того, кто в тягость’; *etwas am Bein haben* (досл.: ‘иметь на ноге что-л.’) – разг. ‘иметь долги; быть обязанным / вынужденным выполнить что-л., нести тяжелую ношу’; например:

*Das war eine hervorragende Zeit, für die Probleme, die Sie **an der Backe haben*** [Berliner Zeitung]. – ‘Это было превосходное время для проблем, которые Вас обременяют’.

Schwieriger ist das Leben im Wald für die Vögel, die Rehlein geworden und alle Menschen, die ein Auto am Bein haben [die Zeit]. – ‘Жизнь в лесу стала труднее для птиц, коз и всех людей, которые обременены автомобилем’.

Анализ показывает, что фразеологические единицы данной модели с константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов [Кунин, 1970: 66] значительно широко распространены в современном немецком языке и составляют около 50% изучаемых ФЕ. Вариациям подвергаются субстантивные и в меньшей степени глагольные лексемы: *Spatzen unter dem Hut / Dach haben* (досл.: ‘иметь воробья под шляпой / крышей’); *Stroh / Sägemehl / Sülze im Kopf haben* (досл.: ‘иметь в голове солому, опилки, студень, холодец’) – ‘голова мякиной набита’; *Pudding in den Armen / Beinen haben* (досл.: ‘иметь пудинг в руках, ногах’) – ‘не иметь больше сил’; *einen Igel in der Tasche haben / tragen* (досл.: ‘иметь, носить ежа в

сумке, кармане’) – ‘не хотеть оплачивать, быть скупым, экономным’; *den Kopf in den Wolken haben / tragen* (досл.: ‘иметь, нести голову в облаках’) – ‘быть мечтателем’ и др.

Варьирование субстантивных компонентов, не нарушающих тождества фразеологических единиц [Fedulenkova, 2018: 55], проиллюстрируем на примере ФЕ *nichts im Magen haben / nichts im Leibe haben* (досл.: ‘не иметь ничего в желудке, теле’) – ‘быть голодным’:

Sie hatte seit gestern Mittag nichts im Magen und ihr war ein wenig übel [E. Hilsenrath. Der Nazi & der Friseur]. – ‘Со вчерашнего полудня она ничего не ела и ей было немного плохо’.

Wo sollen wir Kraft hernehmen, wir haben nichts im Leibe! [V. Klemperer. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten]. – ‘Откуда мы должны брать силы, у нас пустой желудок!’.

Варьирование глагольных компонентов при сохранении тождества фразеологических единиц проиллюстрируем на примере ФЕ *das Heft in der Hand haben / das Heft in der Hand halten / das Heft in der Hand behalten* (досл.: ‘иметь, держать тетрадь в руке’) – ‘держать в своих руках бразды правления’:

In der Krise haben vor allem die Euro-Finanzminister das Heft in der Hand [die Zeit]. – ‘Во время кризиса власть имеют, прежде всего, евро-министры финансов’.

Nur in Migrantenfamilien, so erfuhr Familienforscherin Teiser, halten Omas bei der Erziehung noch das Heft in der Hand [die Zeit]. – ‘Только в семьях мигрантов, как узнала исследователь семейных проблем Тайзер, бабушки еще держат бразды правления в воспитании’.

Auch nach der Pause behielten die Münchner das Heft in der Hand [die Zeit]. – ‘После перерыва мюнхенцы также контролировали игру’.

В процессе анализа выявляются также и распространенные морфологические варианты изучаемых ФЕ [Федуленкова, 2012: 84-85]: *etwas / jemanden am / auf dem Hals / Halse haben* (досл.: ‘иметь на шее что-л., кого-л.’) – ‘иметь необходимость заботиться о ком-л., чем-л.’; *(nur) Flausen / Flusen im Kopf haben* (досл.: ‘иметь в голове (только) шутки, пустые отговорки’) – ‘говорить или делать чепуху’, *keine Ehre im Leib haben / keine Ehre im Leibe haben* (досл.: ‘не иметь (никакой) чести в теле’) – ‘не иметь понятия о чести, не иметь представления о чести’ (ср.: ‘ни стыда ни совести’); например:

Wittenbrinksche hatte eben, wie Frau Hardekopf fand, keine Ehre im Leib; beide benahmen sich wie Tiere, nicht wie Menschen [W. Bredel. Die Väter]. – ‘У Виттенбрингши, как считала госпожа Хардекопф, не было чувства чести, собственного достоинства, оба вели себя как звери, не как люди’.

Plötzlich stand Meyer II, der Betriebsobmann, hinter uns und brüllte, ob wir keine Ehre

im Leibe hätten [die Zeit]. – ‘Вдруг позади нас возник глава предприятия Мейер II и рявкнул, что у нас нет чувства чести’.

Морфологические варианты могут быть представлены слиянием предложного компонента фразеологической единицы и детерминанта (артикля), как, например, в ФЕ *kein Brett vor dem Kopf haben* / *kein Brett vorm Kopf haben* (досл.: ‘иметь доску перед головой’) – ‘быть тугодумом, твердолобым’. Сравним контекстуальные примеры:

Das ist ein guter Mann, der zuhören kann und der kein Brett vor dem Kopf hat [Berliner Zeitung]. – ‘Это хороший человек, который умеет слушать и понимать’.

Die Spieler saßen sich stundenlang an den Tischen gegenüber und hatten ein Brett vorm Kopf [A. Lehmann. Mensch, sei positiv dagegen!]. – ‘Игроки часами сидели за столами друг напротив друга и ломали голову’.

Изучение фразеологических единиц рассматриваемой модели выявляет ряд количественных вариантов: *(viel / ordentlich) Holz vor der Hütte / Tür haben* (досл.: ‘иметь много, хорошенько дров перед избушкой, дверью’) – ‘иметь пышный бюст’; *einen (hohen) Nagel (im Kopfe) haben* (досл.: ‘иметь (в голове) (высокий) гвоздь’) – ‘быть тщеславным’; *eine Wut / Stinkwut im Bauch haben* (досл.: ‘иметь в животе ярость, лютую злобу’) – ‘быть разгневанным и другие’.

Некоторые ФЕ данной структурной модели приобретают антонимичные ФЕ путем количественного расширения компонентного состава: *Grips im Kopf haben* / *ein wenig Grips im Kopf haben* / *mehr Grips im Kopf haben* (досл.: ‘иметь хватку (власть) в голове, иметь немного хватки в голове, иметь больше хватки в голове’) – ‘быть человеком со смекалкой / не блистать умом / быть сообразительнее’. Например:

Hast du aber ein wenig Grips im Kopf, ist es dir schier unmöglich, dich einer der angebotenen Alternativen zuzuordnen [die Zeit]. – ‘Но, если у тебя есть немного ума, тебе практически невозможно присоединиться к одной из предложенных альтернатив’.

«*Sonst hatte ich immer die Oberhand, endlich war da jemand, der mehr Grips im Kopf hatte als ich*», sagte die Angeklagte [der Tagesspiegel]. – ‘«Но правота всегда была на моей стороне, и наконец тут появился тот, кто был умнее, чем я», сказала обвиняемая’.

В рассматриваемой структурной модели $\theta + \text{Prep} + (\text{d}) + \text{S} + \text{V}$ посредством структурно-семантического анализа выявлен ряд фразеологических единиц с компонентом-неопределенным местоимением (Indefinitpronomen) *einem*. Такие устойчивые и воспроизводимые сочетания слов иногда именуют, руководствуясь классификацией В. В. Виноградова, фразеологическими сочетаниями [Виноградов, 1977: 118], то есть грамматически моделированными образованиями [Вавилова, 2016: 1]. Но, по нашему мнению, это полноценные фразеологические единицы, так как их генетический прототип

претерпел полную семантическую трансформацию и эти словосочетания преобразовались в устойчивые выражения с полностью переосмысленным значением, ср.: *einen an der Hacke haben* (досл.: ‘иметь нечто на пятке, на каблуке’) – ‘быть с заскоком, пунктиком’; *einen auf der Pfanne haben* (досл.: ‘иметь нечто на сковороде, противне’) – ‘наклюкаться, быть пьяным’.

В анализируемом языковом материале эти ФЕ, будучи немотивированными с точки зрения носителя иностранного языка (поскольку значение компонентов этих ФЕ ничего не говорит о значении всей ФЕ в целом), обнаруживают принадлежность к двум тематическим группам, обозначающим состояние человека, а именно

1) состояние глупости, бестолковости:

einen an der Mütze haben (досл.: ‘иметь нечто на шапке’) – ‘быть не в своем уме’,

einen am Keks haben (досл.: ‘иметь нечто на (сухом) печенье’) – ‘быть не в своем уме’,

einen an der Waffel haben (досл.: ‘иметь нечто на вафле’) – ‘быть с заскоком, пунктиком’,

einen an der Klatsche haben (досл.: ‘иметь нечто на хлопушке для мух’) – ‘быть с заскоком, пунктиком’,

einen am Rad haben (досл.: ‘иметь нечто на колесе’) – ‘быть с заскоком, пунктиком’,

einen an der Birne haben (досл.: ‘иметь нечто на груше’) – ‘быть с заскоком, пунктиком’;

2) состояние различной степени опьянения:

einen im Kahn haben (досл.: ‘иметь нечто в лодке, челне’) – ‘быть пьяным, наклюкаться’,

einen in der Krone haben (досл.: ‘иметь нечто в короне’) – ‘быть пьяным, наклюкаться’,

einen in der Mütze haben (досл.: ‘иметь нечто в шапке’) – ‘быть пьяным, наклюкаться’,

einen auf der Latte haben (досл.: ‘иметь нечто на планке, рейке, перекладине’) – ‘быть пьяным, наклюкаться’;

einen im Tee haben (досл.: ‘иметь нечто в чае’) – ‘быть мухой, быть (слегка) под хмельком’.

В каждой из выявленных подгрупп мы имеем дело с лексическими (субстантивными) вариантами ФЕ, поскольку вариативность субстантивного компонента не нарушает тождества ФЕ, с одной стороны, и, с другой стороны, единая структурная модель поддерживает ее идентичность, удерживая от ухода в синонимические отношения, ср.:

Man war allein deshalb schon nicht nervös, weil man abends schon einen im Tee hatte [die Zeit]. – ‘Уже только потому не были раздражительными, что вечером были уже под шофе’.

Wie gut er ist, weiß ich allerdings nicht, weil ich Champagner nicht mag und so kurz nach dem Rennen auch besser nichts trinke, sonst hätte ich gleich einen in der Mütze [der Tagesspiegel]. – Как он хорош я, правда, не знаю, т. к. не люблю шампанское и сразу после соревнования предпочитаю ничего не пить, иначе я сразу опьянею.

2.2. Структурная модель: (d) + S + V

Ко второй структурно-грамматической модели мы относим единицы, соответствующие двухкомпонентной структуре (d) + S + V. Такая организация характерна для значительного количества изучаемых глагольных ФЕ, имеющих в своем составе компонент *haben*. При этом около трети фразеологических единиц данной модели (30%) не содержат в своей структуре компонент-детерминант (d).

В ФЕ рассматриваемой модели, как правило, наблюдается константная, и нередко – константно-вариантная зависимость компонентов [Кунин, 1970: 59-61], последняя представлена вариациями глагольных компонентов: *Kohldampf haben / schieben* (досл.: ‘иметь голод’ – разг.) – ‘положить зубы на полку, жить/ питаться впроголодь’; *ein Veilchen haben / kriegen* (досл.: ‘иметь / получить фиалку’) – ‘иметь синяк под глазом, иметь подбитый глаз’; *das Oberwasser haben / bekommen* (досл.: ‘иметь, получить паводок, половодье’) – ‘иметь, брать, одерживать верх’; *einen Rappel kriegen / bekommen / haben* (досл.: ‘иметь, схватить, получить (внезапное) помешательство, приступ бешенства’) – ‘выйти из себя, как с цепи сорваться’, например:

Da hätte ich Angst, daß ich doch einen Rappel krieg’ und denk: Hätte ich ihn doch nicht weggegeben [die Zeit]. – ‘Тут мне стало страшно, что я теряю контроль над собой и думаю: все же я бы его не отдал’.

Nur die Reporterin Kitty Potter bekommt einen Rappel und wirft vor laufender Kamera ihren Job hin [die Zeit]. – ‘Только репортер Китти Поттер теряет контроль над собой и бросает свою работу перед бегущей камерой’.

Die Alte hatte mal wieder einen Rappel [Brief von Irene G. an Ernst G. vom 15.08.1938]. – ‘Пожилая женщина опять потеряла контроль над собой’.

В пределах рассматриваемой структурной модели довольно активно проявляется субстантивная вариантность компонентов ФЕ: *einen Vogel / eine Meise / Piep haben* (досл.: ‘иметь птицу, синицу, птенца, пунтик, странность’) – ‘быть не в своем уме’:

Die beiden Polizisten hatten einen Vogel [Berliner Zeitung]. – ‘Оба полицейских были со странностями’.

Ihr habt eine Meise, sagen uns die Haushälter klipp und klar [Berliner Zeitung]. – ‘У вас не все дома, говорят нам домовладельцы коротко и ясно’.

Субстантивная вариантность в рамках рассматриваемой структурной модели часто сочетается с морфологической и количественной вариантностью: *Rehaugen / Rehäglein haben* (досл.: ‘иметь глаза, глазки как у козули’) – ‘иметь красивые, темные, большие, зачаровывающие глаза’; *ein Geschmäcke / Geschmäcke haben* (schwäb.) (досл.: ‘иметь вкус, запах’) – ‘быть сомнительным, стоять под подозрением в коррупции’; *ein Spatzengehirn /*

Spatzenhirn haben (досл.: ‘иметь воробьиный мозг’) – ‘иметь плохую память, быть глупым’; *ein Aha-Erlebnis / Ahaerlebnis haben* (досл.: ‘иметь Ага-событие’) – ‘момент узнавания, догадки, прозрения’; *einen Sonnenstich / Stich haben* (досл.: ‘иметь солнечный удар, укол, укус’) – быть не в своем уме, перегреться на солнце; *eine Fahne / Schnapsfahne / Bierfahne haben* (досл.: ‘иметь флаг, знамя, водочное знамя, пивное знамя’) – ‘разить спиртным, перегаром’; *einen Hundeblick / Dackelblick haben* (досл.: ‘иметь собачий взгляд, взгляд таксы’) – ‘прямодушно, предано, искренне, просяще глядеть на к-л.’. Например:

Sie sehen nicht nur aus wie die Beatles (ja, Paul hat einen Hundeblick; ja, John hat Karriere und eine spitze Nase), sie klingen sogar besser [der Tagesspiegel]. – ‘Они выглядят не только как Биттлз (да, у Паола – искренний взгляд; да, у Джона – карьера и острый нос), они даже звучат лучше’.

Er sagte: «Du hast nicht den Dackelblick, den eine normale Frau haben muss» [Der Tagesspiegel]. – ‘Он сказал: «У тебя нет искреннего, преданного взгляда, который должна иметь нормальная женщина»’.

2.3. Структурная модель: (d) + A + S + V

Вокруг третьей структурно-грамматической модели (d) + A + S + V объединяются трехкомпонентные фразеологические единицы, для которых характерна константная, либо константно-вариантная зависимость компонентов [Кунин, 1970: 61].

ФЕ с константной зависимостью представлены следующими устойчивыми выражениями: *müde Knochen haben* (досл.: ‘иметь усталые кости’) – ‘не иметь сил, быть уставшим’; *einen harten Schädel haben* (досл.: ‘иметь твердый череп’) – ‘быть упрямым’; *einen kranken Daumen haben* (досл.: ‘иметь больной большой палец’) – ‘быть в денежном затруднении’; *einen großen Zinken haben* (досл.: ‘иметь большой «паяльник»’) – ‘иметь большой нос’; *eine weiche Birne haben* (досл.: ‘иметь мягкую грушу’) – ‘быть идиотом, быть с мякиной головой’, например:

Eva: «Ich hab vielleicht ein weiches Herz, aber noch lange keine weiche Birne» [die Zeit]. – ‘Ева: «Возможно, у меня доброе сердце, но я не идиотка»’.

Фразеологические единицы с константно-вариантной зависимостью в основном содержат адъективные и субстантивные варианты: *eine eiserne/ eherne Stirn haben* (досл.: ‘иметь железный лоб’) – ‘быть непоколебимым, упорным, бессовестным’; *(ein)en große(s)n / lose(s)n Mund / Rand / Maul / Mundwerk haben* (досл.: ‘иметь большой рот, глотку, пасть, язык’) – ‘бахвалиться, куражиться, хвалиться’; *ein dickes Fell / eine dicke Haut haben* (досл.: ‘иметь толстый мех, толстую кожу’) – ‘быть бесчувственным, толстокожим’; *einen steifen Hals / Nacken haben* (досл.: ‘иметь жесткую шею, затылок’) –

‘быть упрямым’; *ein gutes / geöltes / flinkes / gutgeschmiertes / unerschöpfliches Mundwerk haben* (досл.: ‘иметь хороший, смазанный, быстрый, хорошо смазанный, неисчерпаемый язык’) – ‘иметь хорошо подвешенный язык; не лезть за словом в карман’.

В пределах данной структурной модели наиболее распространенными являются тройные варьирования адъективного компонента: *eine reine / saubere / weiße Weste haben* (досл.: ‘иметь чистый, белый жилет’) – ‘иметь незапятнанное имя, репутацию’; например:

Wer politische Gegner Lügner und Betrüger nennt, sollte eine reine Weste haben [Berliner Zeitung]. – ‘Кто называет политических противников лгунами и обманщиками, должен иметь незапятнанное имя’.

Die haben nicht immer eine saubere Weste [Berliner Zeitung]. – ‘У них не всегда хорошая репутация’.

Dieses Unternehmen hat eine weiße Weste [die Zeit]. – ‘Это предприятие имеет хорошую репутацию’.

Анализ ФЕ показывает, что морфолого-орфографические варианты встречаются редко: *einen langen / den längeren Atem haben* (досл.: ‘иметь долгое, продолжительное дыхание’) – ‘иметь выдержку, терпение’; *eine blühende Phantasie / Fantasie haben* (досл.: ‘иметь цветущую фантазию’) – ‘иметь богатую фантазию’, например:

Die hat schon immer eine blühende Phantasie gehabt! [B. Dölling. Hör auf zu trommeln, Herz]. – ‘У нее всегда была богатая фантазия!’.

Wer einen Zusammenhang «zwischen Gas und Schweinen» konstruiere, habe eine blühende Fantasie [die Zeit]. – ‘Кто конструирует взаимосвязь между газом и свиньями, имеет богатую фантазию’.

3. Выводы

Исследование глагольных фразеологизмов современного немецкого языка с компонентом *haben*, проведённое на материале около 800 единиц, позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Наиболее распространенные ФЕ глаголы *haben* представлены – двух- или трех-компонентными моделями с константной, константно-переменной и преимущественно константно-вариантной зависимостью компонентов:

- а) (d) + S + V;
- б) θ + Prep + (d) + S + V;
- в) (d) + A + S + V.

2. Основными выявленными видами вариантности изучаемых ФЕ является глагольная, субстантивная, количественная и морфологическая вариантность компонентного состава ФЕ.

3. Выявленная вариантность не приводит к образованию новых фразеологических единиц, так как не нарушает их семантическое тождество.

4. Полученные результаты могут быть использованы при составлении типологического паспорта современной немецкой фразеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
2. Вавилова А. В. Трехэлементная классификация фразеологии по В. В. Виноградову. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016019543>. (дата обращения: 29.10.2019).
3. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977. С. 118-139.
4. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.
5. Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. Москва: Высш. шк., 1970. 344 с.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.
7. Любова А. Н. Адъективные компаративные фразеологизмы английского, немецкого и норвежского языков: общее и специфическое: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2009. 25 с.
8. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль: ЯГПИ, 1979. 78 с.
9. Федуленкова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Северодвинск, 2006. 35 с.
10. Федуленкова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. Москва: Издательский Дом Академии Естествознания, 2012. 220 с.
11. Fedulenkova T. Variability of verbal-substantive phraseological units with the component 'have' as a feature of identity // Language and culture: Academic periodical journal. 2018. № 12. P. 55-73.
12. Fedulenkova T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008 / T. Fedulenkova (ed.). Arkhangelsk; Aarhus, 2009. P. 42-54.
13. Potseluyeva N. «War» and «Peace» in Animalistic Idioms of the English, Russian and Kazakh Languages // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008 / T. Fedulenkova (ed.). Arkhangelsk; Aarhus, 2009. P. 127-139.
14. Röhrich Lutz. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Berlin: Duden, 2018. 959 S. Available at: <https://e-pard.com/ebay/order/id132270086832>. (accessed: 29.10.2019).

REFERENCES

1. Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian]. Moskva: Izd-vo FIZMATLIT. (In Russ.).
2. Vavilova, A. V. (2016). *Trekhelementnaya klassifikatsiya frazeologii po V. V. Vinogradovu* [Three-element classification of phraseology after V. V. Vinogradov]. Available at: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016019543>. (accessed: 29.10.2019). (In Russ.).
3. Vinogradov, V. V. (1977). *Osnovnye ponyatiya russkoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny* [Main notions of Russian phraseology as a linguistic discipline]. In *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. Moskva: Nauka. Pp. 118-139. (In Russ.).

4. Komarova, Z. I. (2019). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]. Moskva: FLINTA, Nauka. (In Russ.).

5. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya. Teoreticheskiy kurs* [English Phraseology. Theoretical Course]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).

6. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course of phraseology of modern English]. Dubna: Feniks. (In Russ.).

7. Lyubova, A. N. (2009). *Adektivnye komparativnye frazeologizmy angliyskogo, nemetskogo i norvezhskogo yazykov: obshchee i specificheskoe* [Adjectival comparative phraseologisms of English, German and Norwegian: general and specific]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Belgorod. (In Russ.).

8. Melerovich, A. M. (1979). *Problema semanticheskogo analiza frazeologicheskikh edinit sovremennogo russkogo yazyka* [Problem of semantic analysis of phraseological units of modern Russian language.]. Yaroslavl: YaGPI. (In Russ.).

9. Fedulenkova, T. N. (2006). *Izomorfizm i allomorfizm v germanskoj frazeologii (na materiale angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov)* [Isomorphism and allomorphism in Germanic phraseology (on basis of English, German and Swedish): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.20. Severodvinsk. (In Russ.).

10. Fedulenkova, T. N. (2012). *Sopostavitelnaya frazeologiya angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov* [Comparative phraseology of English, German, and Swedish]. Moskva: Izdatelskiy Dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.).

11. Fedulenkova, T. (2018). Variability of verbal-substantive phraseological units with the component 'have' as a feature of identity. In *Language and culture: Academic periodical journal*. No. 12. Pp. 55-73.

12. Fedulenkova, T. (2009). Phraseological Abstraction. In T. Fedulenkova (ed.). *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008*. Arkhangelsk; Aarhus. Pp. 42-54.

13. Potseluyeva, N. (2009). «War» and «Peace» in Animalistic Idioms of the English, Russian and Kazakh Languages. In T. Fedulenkova (ed.). *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008*. Arkhangelsk; Aarhus. Pp. 127-139.

14. Röhrich, Lutz. *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Berlin: Duden, 2018. Available at: <https://e-pard.com/ebay/order/id132270086832>. (accessed: 29.10.2019).

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корр. РАН, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: fedulenkova@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

Fedulenkova Tatiana N. – Doctor of Philology, RANS Corr. Member, Professor of Foreign Languages of Professional Communication Department (e-mail: fedulenkova@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87 Gorkogo, Vladimir, 600026

Глебова Дарья Андреевна – аспирант кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: d.glebova@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

Glebova Darya A. – Post-Graduate Student of Foreign Languages of Professional Communication Department (e-mail: d.glebova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87 Gorkogo, Vladimir, 600026

Поступила в редакцию 01 ноября 2019 г.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'1:811.112.2

© 2019 Л. И. Гришаева

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ТИПА ТЕКСТА

В статье в фокусе рассуждений оказываются факторы, обуславливающие содержательное и формальное варьирование текстов на микро- и макроуровне, т. е. особенности текстовой организации как в отдельных текстах и сверхфразовых единствах, так и в цельном тексте. Варьирование текста трактуется как способность, имманентная тексту в содержательном, формальном, функциональном, интенциональном, тематическом отношении, видоизменяться в известных, т. е. закономерно исчисляемых, пределах, значимых в когнитивном и коммуникативном смысле для носителей соответствующего языка и культуры. Содержательному и/или формальному варьированию подвергается любой тип текста, который целесообразно описывать как инвариант, конвенционально сложившийся в языковой культуре на протяжении длительного времени в качестве образца решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи. Инвариант, т. е. определенный тип текста, представляет собой абстракцию ото всех результатов речемыслительной деятельности носителей языка и культуры в разных коммуникативных условиях с помощью языковых средств, а также других культурных кодов. Вариантов типа текста в культуре столько, сколько носителей языка и культуры и сколько раз прибегают к соответствующим образцам в тех или иных коммуникативных условиях. На единых основаниях рассматриваются разнонаправленные гетерогенные – когнитивные, коммуникативно-прагматические, прагматическо-лингвистические, хронотопные, социокультурные, психосоциальные, лингвистические, акциональные и др. – факторы, внешние и внутренние по отношению к тексту. При описании этих факторов предлагается учитывать оба процесса: порождение и рецепцию текста, поскольку влияние фактора одной этимологии на организацию текста в разных условиях не может быть тождественным. Характеризуются сфера «ответственности» анализируемых факторов, предполагаемая степень влияния последних на содержательную и формальную микро- и макроструктуру текста. Описываются актуальные тенденции, свойственные наиболее очевидным трансформациям текстовой структуры безотносительно к типу текста, в их связи с особенностями структурирования информационного потока в коммуникации, наблюдаемыми в обществах разных типов: гибридизация, креолизация, изменение информационной плотности, стилистическая и текстограмматическая диффузность, карнавализация и др. Последние предлагается анализировать в статическом и динамическом ключе, а также последовательно учитывать деятельность обоих коммуникантов – как продуцента текста, так и его реципиента.

Ключевые слова: тип текста; варьирование; внешние и внутренние по отношению к тексту факторы; содержательная и формальная текстовая структура; членение информационного потока в коммуникации.

FACTORS DETERMINING VARIATION OF THE TYPE OF TEXT

The paper focuses on the factors which specify semantic and formal variation of the texts on the micro- and macro-levels, i.e., on the features of textual organization of specific textemes and superphrasal units as well as of the text as a whole. Variation of the text is understood as the immanent property of the text in its semantic, formal, functional, intentional and thematic aspects; this property allows the text to change within certain regular countable patterns which, in turn, are important for language speakers in cognitive and communicative terms. Any type of text can undergo semantic and / or formal changes, consequently, this type of text can be described as an invariant, conventionally developed during a long period of time in a particular language and culture. This pattern serves as an example of solving a specific communicative and cognitive task. The invariant, i.e., a certain type of text, is an abstraction of all results of verbal and thinking activities of language speakers within a particular culture in a variety of communicative contexts, created with verbal means and other culture codes. There exist so many tokens of the text types, as the number of language speakers who use the pattern in various circumstances. The article offers unified criteria for the description of various cognitive, communicative and pragmatic, pragmalinguistic, space-time, sociocultural, psycho-social, linguistic, actional and other factors, external and internal in their relation to the text. Both the generation and the perception of the text should be taken into account in the description of these factors, since the influence of one and the same factor under different conditions cannot be identical. The paper describes the “area of responsibility” of these factors, their assumed degree of influence upon the semantic and formal micro- and macro-structure of the text. The author analyzes the present-day tendencies, common for the most obvious transformations of the text structure irrespective of the type of text, and their connection to the structure of the information flow in communication in the societies of different types: hybridization, creolization, the change of informative density, stylistic, textual and grammatical diffuseness, carnivalization and others. It is suggested that these tendencies should be analyzed from both static and dynamic perspectives, consistently taking into account the performance of both participants of discourse – the producer of the text as well as its recipient.

Key words: *type of text, variation, external and internal factors in their relation to the text, semantic and formal structure of the text, decomposition of the information flow in communication.*

Предлагаемая читателю статья представляет собой рассуждения относительно факторов, обуславливающих варьирование текстов. Выражаясь иначе, в фокусе размышлений оказываются общеизвестные по специальной литературе положения теории текста и типологии текстов, осмысляемые однако под новым углом зрения, а именно: как, почему и в какой последовательности разные люди сообщают друг другу информацию, взаимодействуя друг с другом в тех или иных условиях. Дедуктивно исчисляются и факторы, ранее не описанные в специальной литературе в качестве влияющих на варьирование содержательную и формальную сторону текста в коммуникации. Это позволяет объяснить принципы членения информационного потока, адаптированного к конкретным, разнообразным параметрам ситуации, в которой осуществляется с помощью

средств разных культурных кодов сообщение тех или иных сведений одним коммуникантом другому в процессе совместного достижения ими некоторой общей цели.

Цель и задачи исследования

Тот непреложный, но, как правило, не эксплицируемый в анализе, т. е., по всей видимости, ясно не осознаваемый исследователями-гуманитариями факт, что в фокусе анализа они имеют дело прежде всего с текстами, порождаемыми носителями языка и культуры в различных условиях и что эти тексты живут в культуре по-разному, порой довольно долго, будучи нередко воспроизводимыми практически в неизменном виде, побуждает задаться тривиальными – на первый взгляд – вопросами:

1. Чем руководствуются носители языка и культуры, используя язык в качестве средства познания и коммуникации?

2. Насколько они свободны в выборе средств и способов решения коммуникативных и когнитивных задач в конкретных коммуникативных условиях?

3. Насколько произвольным является такого рода выбор языковых (и иных, невербальных) средств решения коммуникативных задач?

4. Насколько уникальны такого рода решения? Как можно определить степень уникальности и / или конвенциональности подобных решений?

5. Почему решение однотипных задач разными коммуникантами оказываются предельно близкими и / или сходными / сопоставимыми / тождественными, и, наоборот, решения одного и того же коммуниканта в разных ситуациях могут кардинально отличаться друг от друга?

Сказанное можно переформулировать и следующим образом: насколько правомерно описывать функционирование текстов разных типов в языковой культуре в терминах варьирования инварианта? Именно в этом и заключается цель предпринимаемых размышлений,¹ а поиски ответов на поставленные вопросы следует понимать как решение задач соответствующего исследования.

Постановка проблемы

Почему же важно и необходимо поставить исследовательскую задачу именно в сформулированном выше виде?

¹ Учитывая, с одной стороны, общеизвестность для лингвистов положений теории текста и, с другой стороны, практически необозримое на сегодняшний день количество публикаций по названной проблематике, целесообразно в ограниченном пространстве статьи не приводить обширные списки литературы по обсуждаемой проблеме и сконцентрировать усилия на акцентированном изложении позиции автора. Некоторые тезисы высказаны и верифицированы в разных публикациях автора данной статьи, а также в исследованиях, проводимых учениками этого автора.

Это обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, дискурсивная деятельность, т. е. речемыслительная деятельность, осуществляемая в любой коммуникативной среде: в устной коммуникации, в письменной коммуникации, в компьютерно-опосредованной коммуникации – средствами разных культурных кодов, фиксируется главным образом текстами, т. е. разнообразными механизмами вербализации, которые могут поддерживаться в той или иной мере средствами невербальных кодов. Во-вторых, до сих пор не изучено, как членится информационный поток здесь и сейчас, т. е. в актуальных коммуникативных условиях, или не сформулированы принципы членения информационного потока применительно к тому или иному параметру, имманентному обсуждаемым феноменам. В-третьих, пока еще нет исчерпывающего объяснения относительно причин сходства и / или различий в использовании средств фиксации и активации культурно значимых сведений в ситуациях того или иного типа.

И это приходится констатировать потому, что, как это ни покажется странным, до сих пор нет последовательного разграничения статического и динамического взгляда на способы и средства фиксации, активизации и передачи сведений о мире, несмотря на то, что существует огромный пласт публикаций о способах вербализации того или иного концепта, а также давно ставшие классическими – и, как правило, не подвергаемые сомнению и / или пересмотру – утверждения относительно культурной специфики картины мира на примерах средств обозначений тех или иных элементов внеязыковой действительности в разных языковых культурах, обозначений, изолированных от коммуникативных условий и ситуаций общения; т. е. такого рода примеры справедливы при статическом аспекте анализа. Однако, как показывает коммуникативная практика, те же самые элементы внеязыковой действительности в коммуникации, т. е. при динамическом подходе, получают нередко иные обозначения, порой совершенно не тождественные упомянутым выше.

Таким образом, продуктивным и адекватным подходом к изучению принципов членения информационного потока в коммуникации следует признать изучение способов варьирования содержательной и формальной структуры текста, поскольку текст – это продукт дискурсивной, речемыслительной деятельности. В более широкой интерпретации справедливо утверждать, что текст представляет собой образец решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи средствами языка (и других культурных кодов) коммуникантами как носителями языка и культуры. При этом следует учитывать, что порождаемый текст, с одной стороны, в той или иной мере фиксирует сам процесс, но с

другой стороны, содержащимися в тексте средствами фиксации сведений о мире активизируют и со-активируют сведения о мире, не объективированные в тексте.

С этой точки зрения текст можно охарактеризовать как рефлекс отражения процессов, сопровождающих членение информационного потока, поскольку в тексте и через текст в определенном порядке, релевантном для конкретной языковой культуры, выводится в поле сознания коммуникантов некоторый комплекс сведений, отражается степень детализации сведений, необходимая для конкретных носителей культуры, а также в определенном соотношении находится конкретное и абстрактное. Текст фиксирует и точку зрения на ситуацию, предопределяя и/или модифицируя, меняя соотношение когнитивной фигура и когнитивного фона.

Чтобы осмыслить упомянутые процессы, необходимо также иметь в виду соотношение коллективной и личностной идентичности каждого из субъектов коммуникации, поскольку коллективная идентичность носителей одной и той же культуры обнаруживает элементы, общие для соответствующей структуры знаний, а личностная идентичность каждого из носителей культуры уникальна. Благодаря этому в конечном итоге обеспечивается возможность продуктивного взаимодействия носителей языка и культуры как при порождении, так и при рецепции текста.

Насколько значимыми являются для заявленного обсуждения высказанные выше соображения, очевидно из сравнения текстов одного и того же типа (поздравление по случаю дня рождения), которые бытуют в разных коммуникативных средах и которые порождены разными коммуникантами с разными целями и в разных ситуациях:

(1) *Глубокоуважаемый Максим Петрович! Отмечая Ваши восьмидесятилетний юбилей и полувековое служение на благо нашего факультета, разрешите от души поздравить Вас и пожелать Вам крепкого здоровья, преданных учеников, новых замыслов и сил для их осуществления. Мы, Ваши коллеги и друзья, высоко ценим Ваш вклад в развитие нашего факультета и искренне надеемся на дальнейшее продуктивное сотрудничество. Деканат факультета.*

(2) *С днем варенья! Всего-всего. Целую-обнимаю. Л. Г.*

(3) *Глубокоуважаемая Наталия Николаевна! Разрешите поздравить Вас с юбилеем и искренне пожелать Вам крепкого здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни. С искренним уважением Ваша Иванова Светлана.*

(4) *Счастья в работе и успехов в личной жизни.*

(5) *Пусть все мечты исполняются, пусть все желанья сбудутся, пусть радости запомнятся, а горести забудутся.*

(6) *Сибирского здоровья, кавказского долголетия, цыганского веселья и всяческого*

благополучия!!! XXXX

(7) П-а-з-д-р-а-в-л-я-е-м! – П-а-з-д-р-а-в-л-я-е-м! – П-а-з-д-р-а-в-л-я-е-м!

Очевидно, что в приведенных выше примерах, т. е. в различных текстах одного типа, сопоставляемых по единым основаниям, значимым в коммуникативно-прагматическом и текстограмматическом отношении (см. табл. 1), явно обнаруживается проявление разнородных характеристик.

Таблица 1. *Параметры анализа вариативности типа текста*

Параметры анализа (выборочно)	Коммуникативная среда				
	Устная коммуникация		Письменная коммуникация		Компьютерно-опосредованная коммуникация
	Семiotически гомогенный текст	Семiotически гетерогенный текст	Семiotически гомогенный текст	Семiotически гетерогенный текст	
Ситуация					
Тип коммуникативной и когнитивной задачи					
Интенция					
Тип текста					
Адресант: единичный или коллективный					
Адресат: единичный или коллективный					
Характер отношений между коммуникантами					
Используемые коды					
Лексические средства					
Словообразовательные средства					
Морфологические средства					
Синтаксические средства					
Формально-структурные средства					
Носитель					

Эти характеристики видоизменяются в зависимости от разных факторов, существенных как при порождении, так и при восприятии текста. Очевидно, что влияние этих факторов сказывается на выборе средств и способов реализации интенции. И хотя функция приведенных в качестве примеров текстов одна и та же – поздравление, тексты, естественно, получаются разными, что очевидно для любого носителя языка и культуры. Так, последние легко распознают, где пример официального и неофициального

поздравления, какое поздравление реализуется устно, а какое – только письменно, какое поздравление декламируют хором все заинтересованные адресанты, какое поздравление отпечатано на открытке и сочинено неизвестным автором для общего пользования и т. д. Вместе с тем важно отметить, что значимые в коммуникативном и когнитивном отношении различия обнаруживают и довольно устойчивую привязку и к ситуации взаимодействия, несмотря на общность набора факторов, обуславливающих функционирование языковых средств при реализации интенции коммуникантов, значимость всех потенциально возможных факторов, внешних и внутренних по отношению к тексту, и очевидные различия в способах проявления влияния этих факторов в различной коммуникативной среде. А это означает, что обозначенные процессы можно описывать как варьирование инварианта. Следствием этого является необходимость исчисления соответствующих факторов и изучения степени их влияние на содержательную и формальную сторону текста в тех или иных условиях.

Сведение воедино всех потенциально значимых факторов, так или иначе обуславливающих организацию любого текста, позволяет обратить внимание на, по крайней мере, три обстоятельства. Во-первых, обсуждаемые факторы можно прежде всего условно распределить на две группы: внешние и внутренние по отношению к тексту, которые в целях анализа, в свою очередь, требуют более тонкой дифференциации в зависимости от их природы: ситуативные, акциональные, когнитивные, психологические, социологические, культурологические, лингвистические, семиотические и др. Во-вторых, влияние рассматриваемых факторов прослеживается в любой коммуникативной среде, однако степень воздействия их на выбор средств реализации интенции коммуникантов и / или на деятельность коммуникантов отнюдь не тождественна и требует целенаправленного, многоаспектного, тщательного изучения под разными углами зрения и разными приемами. В-третьих, выявление «сферы ответственности» определенного фактора и осознание их корреляций с типом решаемой в коммуникации задачи, характером взаимодействия, особенностями коммуникативной среды и пр. побуждает осмысливать соответствующие видоизменения в содержательной и формальной структуре текста как закономерное проявление вариативности, закономерное и в силу этого исчисляемое и потенциально адаптируемое к прикладным задачам теории текста.

Тип текста как предмет анализа содержательной и формальной вариативности текста

Для изучения принципов и способов варьирования текста необходимо подчеркнуть одно из положений теории текста, относительно которого можно утверждать наличие консенсуса среди исследователей: каждый реальный текст является вариантом

конкретного инварианта «тип текста». Тип текста – это некая абстракция от всех способов решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой коммуникантами с разными характеристиками в разных коммуникативных условиях. Иначе ту же мысль можно выразить иначе: каждый текст – представитель соответствующего типа текста.

Любой тип текста формируется в конкретной культуре как исторически сложившая продуктивная модель, когнитивно-дискурсивный образец текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием и функциональным наполнением. В силу этого каждый тип текста представляет собой определенную систему закрепленных за ним специфических гетерогенных признаков, на основании которых к нему могут быть отнесены отдельные тексты. Поэтому тип текста существует в единстве как инвариантных, строго обязательных и постоянных признаков, так и вариативных, реализующихся не в каждом текстовом экземпляре и которые носители языка и культуры воспринимает как варианты инварианта, видоизменяющегося по определенным принципам. Именно данные обстоятельства и обуславливают осознанные и / или не до конца осознаваемые коммуникантами связи между отдельными вариантами инварианта.

Если посмотреть на каждый реальный текст с точки зрения его бытования в языковой культуре, то можно заметить, что каждый текст обнаруживает с точки зрения информационной довольно жесткую линейную последовательность определенным образом организованных сведений о мире, активизируемых, по-разному объективируемых и вербализуемых по известным в языковой культуре образцам использования разнородных средств культурных кодов. Последними владеют все носители языка и культуры в силу общности их коммуникативного опыта в одной и той же культурной среде и общности процессов социализации (инкультурации). В результате этого носители языка и культуры присваивают себе стратегии решения той или иной коммуникативной и когнитивной задачи, учатся распознавать ситуативно значимые параметры и научаются адаптировать свои действия к конкретным коммуникативным условиям, в которых требуется достигать некоторой цели через последовательность ряда действий, реализация которых подчинена достижению общей цели. Наряду со способами взаимодействия носителя языка и культуры присваивают в процессе инкультурации (первичной социализации) способы объективации сведений средствами культурных кодов, вербального и невербальных. Использованием средств объективации сведений о мире

активируются и соактивируются многочисленные сведения, без которых осмысление текста просто не возможно.

С точки зрения текстограмматической текст представляет собой линейную последовательность коммуникативных единиц разной степени содержательной и синтаксической сложности, организованных по законам, имманентным конкретному языку и конкретной языковой культуре. При этом текст является очевидным интенциональным, функциональным, содержательным, структурным, формальным **единством**, однозначно распознаваемым в качестве такового любым носителем языка и культуры, что можно без труда доказать с помощью прозрачных научных лингвистических (текстограмматических прежде всего) процедур (см. табл. 2).

Таблица 2. *Единицы информационного континуума в коммуникации*

Компоненты членения (от более сложного к более простому в синтаксическом отношении)	Сущность
Совокупность тематически связанных текстов, обозначающих одно событие	Текст как интенциональное, тематическое, функциональное, содержательное, композиционное, структурное единство
Текст	Коммуникативная единица (как результат решения общей задачи)
Макрокомпонент	Коммуникативная единица (как результат решения частной коммуникативной задачи)
Сверхфразовое единство	Коммуникативная единица (как тематическое и текстограмматическое единство)
Текстема	Коммуникативная единица (как номинативно-коммуникативное единство)
Член предложения	Коммуникативная единица в благоприятных коммуникативных условиях
Форма слова	Номинативная единица

Макрокомпонент – это неотъемлемый компонент текста, вычлняемый по семантическим (одна тематическая сфера), структурным (несколько видов тема-рематической прогрессии), функциональным (частная функция) основаниям, поскольку макрокомпонент текста – это решение адресантом частной коммуникативной задачи, подчиненной общей коммуникативной задаче, решаемой текстом. В тексте актуализируются по разным основаниям линейные и иерархические связи, когда линейность следования / активизации макрокомпонентов сочетается с линейностью развития в дискурсивном континууме информационного потока и одновременно иерархичностью его членения, синтаксическая линейность коммуникативных единиц разной степени сложности как целостностей сочетается с иерархичностью их внутренней организации.

Тексты порождаются, воспринимаются и бытуют в условиях как внутрикультурной, так и межкультурной коммуникации, что необходимо сознательно учитывать, так как субъекты коммуникации, будучи носителями личностной и коллективной идентичности, в разных в социокультурном отношении средах обнаруживают особые связи между личностной и коллективной идентичностью: при внутрикультурной коммуникации коллективная идентичность обоих коммуникантов однотипна при различиях в личностной идентичности, при межкультурной разными также являются и коллективные идентичности обоих субъектов.

Отмеченное обстоятельство значимо для анализу потому, что ментальная структура культурной идентичности объединяет в себе сложно организованные комплексы разнородных сведений, предопределяющих выбор носителями языка и культуры средств решения коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных условиях из набора всех потенциально возможных для достижения соответствующей цели.

Текст обладает семантической и синтаксической структурой, обнаруживаемых текстограмматическими процедурами на микро- (уровень сверхфразовых единств (СФЕ) и текстом) и макроуровне (уровень текстового целого и макрокомпонента). Макроструктура текста отражает особенности семантической, структурной, функциональной организации текста определенного типа и представляет собой совокупность неотъемлемых составных частей текста, организованных по тематическим, семантическим, структурным, функциональным основаниям.

Описать семантическую макроструктуру текста значит необходимость:

- определить тематическую сферу, активизируемую языковыми средствами в конкретном макрокомпоненте;
- выявить вероятную регулярность в порядке активизации сведений из определенной понятийной сферы, т. е. последовательность выведения их в поле сознания, как это значимо в конкретных условиях в определенной языковой культуре;
- определить тематическую доминанту в макрокомпоненте;
- определить виды тема-рематической прогрессии, реализуемые в макрокомпоненте и др., а также выявить потенциально вероятные корреляции между понятийной сферой, из которой активизируются сведения о мире, степенью их детализации, способами вербализации и /или объективациями средствами других культурных кодов, с одной стороны, и последовательностью их вербализации в текстовом пространстве, а также соотношением эксплицируемых и имплицитных сведений в конкретном типе текста, с другой.

Описать синтаксическую макроструктуру текста значит:

- выявить порядок сочленения макрокомпонентов в текстовом целом;
- установить доминирующие средства выражения макрокомпонента (комплекс СФЕ, одно СФЕ, одна тематема, одна группа слова, одна словоформа);
- определить степень обязательности соответствующего макрокомпонента;
- установить факторы, обуславливающие изменение порядка следования макрокомпонентов;
- описать условия, в которых имеет место редукция макрокомпонентов;
- определить условия, в которых имеет место компрессия макрокомпонента;
- средства и способы выражения макрокомпонента и др., а также проследить соотношение между обязательными и факультативными макрокомпонентами в текстовом пространстве, с одной стороны, и влияние на это соотношение того или иного фактора, с другой.

Необходимость изучения макроструктуры обусловлена:

1) потребностью описания текста как интенционального, содержательного, структурного, функционального, тематического единства, бытование которого в культуре обеспечивается закономерным варьированием инварианта (типа текста), конвенционально сложившегося в конкретной языковой культуре;

2) необходимостью объяснения кажущегося противоречия: наличие нескольких тема-рематических прогрессий в одном (макро)тексте, с одной стороны, и реализация тема-рематической прогрессии одного типа в одном микротексте, с другой;

3) необходимостью интерпретации актуальных тенденций в содержательной и структурной организации макротекста.

В результате можно получить более или менее полное представление о порядке выведения в поле сознания сведений в конкретных коммуникативных условиях, уровне иерархии объективируемых сведений в том или ином текстовом макрокомпоненте, степени детализации овнешняемых в тексте сведений; набор необходимых и достаточных сведений при решении коммуникативных и когнитивных задач, векторе при перспективизации сведений, доминации конкретного способа решения коммуникативной и когнитивной задачи в определенных условиях. Другими словами, предлагаемым исследовательским способом вполне вероятно раскрыть культурную специфику коммуникативной, познавательной и номинативной деятельности коммуникантов-носителей разных языков и культур в идентичных условиях, так как сопоставление наборов из разных языков номинативных средств того или иного элемента внеязыковой

действительности, в сущности, мало информативно – ведь различия, фиксируемые при статическом подходе, снимаются в динамике, т. е. в коммуникации, о чем свидетельствуют, к примеру, снятие полисемантической лексем, использование контекстуальных синонимов, стилистические фигуры, обращение к концептуальным метафорам и др.

Значимость разграничения динамического и статического подходов к кодированию / декодированию сведений и в конечном итоге к изучению принципов структурирования информационного потока можно проиллюстрировать следующими примерами:

– статический подход: амбивалентность обозначения: *ДСП* – динамический подход: снятие неопределенности в разных коммуникативных условиях: 1) *древесно-стружечная плита*; 2) *для служебного пользования*;

– статический взгляд: *Казнить нельзя помиловать* – динамический подход: правомерность разных интерпретаций – *Казнить, нельзя помиловать* ≠ *Казнить нельзя, помиловать*;

– *Schön bin ich immer noch, nicht?* – *Schön bist du immer noch nicht.* (анекдот из Вены начала XX в. о жене одного банкира) – динамический подход: ответ супруга, различия в интерпретации высказываний, в особенности реплики супруга, а именно: если 1) знать реальную историю; 2) не владеть соответствующими сведениями.

Очевидно, что высокая объяснительная сила динамического подхода тесно связана с влиянием когнитивной рамки восприятия на категоризацию и концептуализацию сведений; ср. принципиальные различия в интерпретации воспринимаемых сведений при обозначении с разных позиций одного и того же действия: *последовательность* или *упрямство*, *предприимчивость* или *стяжательство*, *находчивость* или *хитрость*, *легкомыслие* или *добрый нрав*, *серьезность* или *мрачность* и т. д.

Изучение варьирования текста согласно постулатам теории текста и типологии текста осложняется тем, что до сих пор нет консенсуса по общим и частным проблемам теории текста. И если относительно общих вопросов, т. е. вопросов относительно сути изучаемого явления «текст», характера и способа проявления отдельных признаков / свойств текста, семантической, синтаксической структуры, функционального потенциала и др. можно зарегистрировать относительный консенсус и охарактеризовать это состояние как очевидные достижения теории текста, то относительно частных вопросов теории текста, т. е. специфики проявления того или иного свойства текста в разных условиях, описания степени влияния конкретных коммуникативных и / или когнитивных либо акциональных параметров при порождении текста и / или рецепции текста, выявления

типов текста и построения типологии текста, описания способов реализации текстовых связей и др., можно говорить только о разнообразии мнений и подходов. Наиболее ярко это проявляется при осмыслении проблематики типологии текста, что выражается в высокой дискуссионности исчисления классов текстов, установления соотношения между классами и типами текстов, способов описания внутренней структуры текста как единого целого, выявления сферы функционирования средств и способов реализации конкретной коммуникативной и когнитивной задачи и т. д.

Это приводит к постановке новых исследовательских задач. Причины, обуславливающие постановку новых исследовательских задач, следует усматривать в следующем:

- появление новой сферы бытования коммуникативных продуктов (=текстов) – компьютерно-опосредованной коммуникации;
- развитие новых текстовых носителей;
- усложнение интенциональной, формальной, содержательной структуры текста;
- укрепление тенденции к семиотической гетерогенности текста;
- проникновение устности в письменную традицию и письменности в устную;
- «разрыхление» стилистических норм и др.

Следствием этого являются:

- увеличение доли юмористических текстов в форматах общения, которые ранее были «непроницаемы» для юмора;
- увеличение доли гибридных текстов (т. е. текстов, соединяющих признаки организации двух или более типов текстов при сохранении их целостности в функциональном, интенциональном, содержательном, формальном отношении);
- увеличение доли креолизованных текстов, т. е. семиотически гетерогенных текстов;
- трансформация известных в языковой культуре типов текстов как культурно значимых образцов решения коммуникативной и когнитивной задачи;
- появление новых типов текстов и др.

Одним из условий, способствующих появлению и закреплению в коммуникативной практике обозначенных выше тенденций, целесообразно признать радикальное изменение всех социальных структур («radikale technologische Innovationen, die zunehmend alle Komplexe der Vergesellschaftung (Wirtschaft, Kultur, Politik sowie Alltag bzw. Lebensweise) betreffen» [Tsvasman, 2006: 134]), вызвавших к жизни новый тип общества («Wissens-, Erlebnis-, Risikogesellschaft»), обусловленных количественным ростом информации

(«quantitative Zunahme der Informationen mit dem beobachtbaren gesellschaftlichen Wandel» [Tsvasman, 2006: 134]), приводящих к медиализации, виртуализации, коммерциализации, индивидуализации и гедонистичности общества («Medialisierung, Virtualisierung, Kommerzialisierung, Individualisierung, Erlebnisorientierung» [Tsvasman, 2006: 134]).

Таким образом, наблюдения над текстами разных типов, бытующих в разных коммуникативных средах, неизбежно подводят к выводу о том, что в организации текстов появляются новые характеристики текста и способы, что, естественно, необходимо объяснить. В первую очередь следует назвать такие характеристики, как полифункциональность текста, семиотическую гетерогенность, гибридизацию, уплотнение интертекстуальных связей, изменение значимости анафорических / катафорических внутри- и межтекстовых связей, появление новых текстовых образований в разных коммуникативных средах, взаимопроникновение письменной и устной традиций в организации текста одного типа, театрализацию, эксплицитную и / или имплицитную диалогизацию и др., присущие как разным форматам общения, так и разным типам текста.

В качестве примера можно привести выдержки из меню одного Лейпцигского ресторана; оформление этого меню кардинально отличается от традиционных, в которых отсутствовали фото блюд, и принятых сегодня с обилием фотографий предлагаемых кушаний. Сказанное касается в первую очередь способов обозначения блюд, ср.:

Kartoffelhaus №1
Grünzeug und mehr ...
nun haben wir den Salat <...>
Diese Suppen müssen Sie schon selber auslöffeln ... <...>
Für unsere "Fleischfresser" ... <...>
Eine feine Fülle in der Kartoffel als Hülle! <...>
Aus aller Welt und "Meer"! <...>
Sie haben die Qual der Wahl! –
Wählen Sie die Beilage zum Mahl! <...>
Die Bratkartoffel <...>
eventuell... <...>
Kartoffelsalate aus Nah und Fern ...
welchen hätten Sie gern? <...>
...der süße Abschluss! <...>
Oder schauen Sie einfach in unsere Eiskarte <...>
Für unsere kleinen Gäste

В анализируемом тексте обращают на себя внимание многочисленные несоответствия конвенциям организации типа текста «меню»: обилие восклицательных знаков, обилие прецедентных феноменов, разнообразие способов активизации последних, множество примеров игры слов (например, *Sie haben die Qual der Wahl*), характер текста: лично ориентированный текст (*Sie*), наличие фразеологизмов (например, *nun haben*

wir den Salat), полисемия (например, *Fleischfresser*). Такие буквально бросающиеся в глаза характеристики текста, как образность, экспрессивность, эмотивность, интертекстуальность, семиотическая гетерогенность, побуждают поставить вопрос о принадлежности анализируемого текста к классу текстов (информативные, рекламные, людические?) и к типу текстов (меню, анонс, пародия, реклама?). Так, конвенционально выражение *nun haben wir den Salat* является выражением недовольства, разочарования в ситуации ожидания ('Ausruf des Ärgers, wenn etw. missglückt ist oder (wie erwartet) etw. Unangenehmes eingetreten ist') [Duden, 2002: 640], и оно вряд ли уместно в ситуации предложения угощения, если иметь в виду конвенциональные способы организации взаимодействия и/или текста. Однако в конкретном тексте все перечисленные стилистические особенности, наблюдаемые на микро- и макроуровне при анализе лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических средств реализации интенции, воспринимаются иначе – как средства, используемые в людическом тексте для конструирования непринужденной, шутливой атмосферы и в ситуации приема пищи.

Отмеченные особенности организации типа текста «меню» вполне правомерно трактовать как проявление гибридизации (меню + людический текст), а также как иллюстрацию к новым тенденциям, выявляемым в текстовой организации и на примере иных типов текста: гибридизация, креолизация, изменение информационной плотности, стилистическая и текстограмматическая диффузность, карнавализация, театрализации, эксплицитная и / или имплицитная диалогизация и др.

Насколько значимым в теоретическом отношении может оказаться изучение принципов варьирования типа текста, можно убедиться, если сравнить тексты одного типа с идентичной функцией из разных языковых культур, но бытующих в сопоставимых условиях:

- *Sample – Not for individual sale.*
- *Echantillon – Ne peut être vendu séparément.*
- *Probe – Nicht verkäuflich.*
- *Campione gratuito – Vietata la vendita.*
- *Muestra – Prohibida su venta.*
- *Amostra – Não pode ser venida separadamente.*
- *Sample – Niet voor individuele verkoop.*

Очевидно, насколько разными оказываются тексты, особенно если принять во внимание результаты анализа под разными углами зрения: когнитивным, акциональным, синтаксическим, морфологическим, лексическим, насколько различными являются перспективы восприятия: процесс vs свойство / признак, какие сведения оказываются в фокусе: предметность vs процессуальность.

Варьирование инварианта

Так что значит – изучить варьирование типа текста? Это означает изучить возможности видоизменения текстов одного и того же типа в содержательном и формальном отношении как на микроструктурном, так и на макроструктурном уровне текста. Это означает также пристальное внимание к многочисленным закономерностям текста, а именно к средствам выражения текстовых категорий (темпоральность, модальность, персональность, локативность и др.), а также к структурам, прошивающим весь текст: тема-рематические прогрессии, акциональные, номинативные, коннотативные цепочки, композиционные особенности и др., а также средствам установления когерентности различными способами.

Сказанное означает также описание механизмов вербализации одного и того же элемента внеязыковой действительности, овнешняемого разными способами и средствами в разных коммуникативных условиях, а именно лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, формально-структурные, текстограмматические средства, которые дифференцируются по самым разным основаниям.

Изучить варьирование текста – принять во внимание также и особенности субъекта, порождающего текст, особенности реципиента, воспринимающего текст, характер решаемой коммуникативной задачи, специфику условий, в которых порождается текст, особенности культурной среды, в которой бытует текст, характер реализации той или иной дискурсивной стратегии. Осмыслить принципы варьирования того или иного типа текста значит описать соотношение «универсальное ⇔ специфическое», «объективное ⇔ субъективное», «общее ⇔ частное», «закономерное ⇔ случайное», «конвенциональное ⇔ креативное», «узуальное ⇔ окказиональное», «нормативное ⇔ «патологическое»».

Описать варьирование типа текста значит также описать соотношение стратегий разного типа: когнитивных, номинативных, дискурсивных, реализуемых, с одной стороны, в зависимости от индивидуальных особенностей адресанта, порождающего текст, и, с другой стороны, под влиянием условий, в которых порождается соответствующий текст. Это означает также учет внешних и внутренних по отношению к тексту гетерогенных факторов, часть из которых давно и детально описана в специальной литературе.

И если описанные выше исследовательские процедуры в подавляющем своем большинстве уже описаны в специальной литературе разнообразно апробированными лингвистическими способами, то некоторые из поставленные задач пока еще не стали общепризнанными, в частности, макротекстовый анализ. Необходимость в

макротекстовом подходе² вытекает из потребности объяснить, во-первых, как организованы единицы, синтаксически более сложные, чем сверхфразовое единство (что еще остается изученным крайне мало), и, во-вторых, какими культурно специфическими особенностями характеризуется организация текстов одного типа (что также остается по-прежнему описанным не достаточно).

Варьирование типа текста может осуществляться как на микро-, так и на макроуровне и затрагивать как семантическую, так и синтаксическую сторону текста. Для макроструктурной вариативности особую значимость имеют количество и последовательность обязательных и факультативных макрокомпонентов, а также способы их формальной репрезентации. Для микроструктурной вариативности особое значение имеют способы и средства выражения отдельных текстовых категорий.

Факторы, обуславливающие варьирование инварианта

Факторы, обуславливающие варьирование инварианта (т. е. тип текста), являются гетерогенными по своей сути: прежде всего они являются либо внешними (экзогенными), либо внутренними (эндогенными) по отношению к порождаемому в конкретных условиях коммуникантами с определенными разнородными характеристиками тексту. По своей природе это когнитивные, коммуникативно-прагматические, хронотопные, ситуативные, социокультурные, психологические, психосоциальные, социальные, прагмалингвистические, социолингвистические, лингвистические (текстограмматические в первую очередь), акциональные и др. Очевидно, что все они имеют прямое и / или опосредованное отношение к разным видам деятельности носителей языка и культуры, к процессам восприятия, категоризации, концептуализации сведений о мире, передаваемыми различными средствами вербального и невербальных кодов. Другими словами, учет перечисленных факторов позволяет проследивать влияние личностной и коллективной идентичности каждого носителя языка и культуры на использование средств коммуникации при выполнении того или иного вида деятельности, а также на выбор такого рода средств из комплекса изофункциональных. (Ср. возможности макроструктурного анализа при изучении средств и способов членения информационного потока в сопоставимых условиях носителями разных языков и культур в [Гришаева, 2018].)

Все перечисленные группы факторов можно, естественно, дифференцировать по разнородным и более тонким, чем названные, основаниям; и специальная литература

² Соответствующие рассуждения подробно изложены в трудах [Гришаева, 2014; 2018; Grishaewa, 2016], а также верифицированы в диссертационных исследованиях, выполненных под научным руководством Л. И. Гришаевой: [Бокова, 2011; Довгань 2013; Штонда, 2019].

богата примерами, демонстрирующими высокую объяснительную силу коммуникативно-прагматических, прагмалингвистических, социолингвистических, психолингвистических, социопсихологических факторов на процессы познания и коммуникации с помощью языка. Однако очевидно, что все обсуждаемые эндогенные и экзогенные факторы в той или иной мере обуславливают структурирование информационного потока в количественном и качественном отношении, способствуя селекции воспринимаемых в конкретных условиях сведений о мире, их категоризации, концептуализации, перспективизации адресантом в процессе взаимодействия с реципиентом. Выражаясь иначе, внимание к названным факторам позволяет лингвисту осмыслить основания для категоризации и концептуализации (т. е. для выбора когнитивных стратегий), предопределяя тем самым выбор адресантом дискурсивных стратегий, а также средств и способов реализации последних (иначе: выбирая номинативные стратегии).

Уже название соответствующих групп факторов указывают как на их сущность, так и на сферу их воздействия. Так, разнообразные когнитивные факторы позволяют учитывать разнородные комплексы знаний, необходимые и для порождения, и для рецепции текста: языковые знания, интеракциональные знания, знания о мире, знания о типах текста³. Активное управление знаниями предполагает их порождение, хранение, репрезентацию, членение, использование [Koch, 2006: 338; Краткий ..., 1997: 11-12, 28-29, 35-37]. Очевидно, что в информационном потоке необходимо различать данные и знания: информация – это комбинирование последовательных знаков, которые целесообразно вплетены в конкретный контекст, а знания – информация, использованная в конкретном виде деятельности. Причем еще Л. Витгенштейн различал знания, необходимые для ментальной деятельности, от знаний, необходимых для практической деятельности [Koch, 2006: 338; Краткий ..., 1997: 11-12, 28-29, 35-37]. Ср.: под знанием понимается обобщение опыта, относительно которого носители языка и культуры предполагают, что эти сведения адекватно репрезентируют переживаемое и проживаемое, т. е. ситуации, факты, понятия, идеи, отношения и теории, и образуют надежную основу для будущих действий [Glaserfeld, 2006: 333] («Unter Wissen verstehen wir Abstraktionen aus der Erlebenswelt, von denen wir annehmen, dass sie Erlebtes – d. h. Situationen, Tatsachen, Begriffe, Ideen,

³ В отличие от подавляющего большинства исследователей У. Фикс [Fix, 2008: 115] иначе особым образом структурирует знания о типах текста, в комплекс которых входят как знания о коммуникативных нормах, знания о культуре, так и лингвистические знания о микроструктурах: три блока, которые, в свою очередь, распадаются на восемь групп и 22 подгруппы закономерностей, так или иначе на своем уровне регулирующих порождение и рецепцию текста.

Zusammenhänge und Theorien – zutreffend repräsentieren und für zukünftiges Handeln eine verlässliche Basis bilden»).

Решение когнитивной и коммуникативной задачи, т. е. порождение и рецепция текстов предполагает реализацию дискурсивной стратегии адресанта и его выбор из множества средств и способов реализации номинативных и когнитивных стратегий, средства и способ реализации которых адаптируется к специфике решаемой в конкретных социокультурных условиях когнитивной и коммуникативной задачи: к психологическим, социальным, ментальным особенностям коммуникантов, а также к потенциам разнородных средств.

Фактор «ситуация» давно и продуктивно используется при исследовании функционирования языковых средств в разных условиях. Однако до сих пор в лингвистических исследованиях не принимались во внимание фактор «пограничная ситуация» и фактор «ситуация неопределенности» на вариативность содержательной и формальной структуры текста, значимость которых была доказана в исследовании Ю. А. Штонда [Штонда, 2019]. Это же касается и фактора «некоммуникант», влияние которого на организацию текста также еще не было изучено применительно к описанию макроструктуры текста и ее варьированию (см. подробнее [Штонда, 2019]).

Для адекватного и полноценного описания принципов и способов варьирования текста, думается, требуется четко осознавать, как организованы структуры, необходимые при порождении и рецепции текста, какие сведения и каким образом активизируются в изолированных от конкретных коммуникативных характеристик условиях (статический подход к анализу) и в определенных коммуникативных условиях (динамический подход), а именно какие сведения, структуры знаний и когнитивные процессы нужны для изучения кодирования и декодирования коммуникативно значимых сведений, релевантных для взаимодействия в актуальных для коммуникантов условиях:

- прототипы ментальных категорий;
- паттерны взаимодействия;
- схемы интеракции;
- нормы ожидания относительно организации интеракции в определенных условиях,
- правила грамматические (морфологические и синтаксические) / орфографические / пунктуационные;
- парадигмы склонения и спряжения;
- синтаксические и семантические модели предложений;

- словообразовательные модели;
- инварианты разных типов текста и др.

Перечисленные выше разнородные факторы можно распределить по разным основаниям на отдельные группы, в частности, на внешние и внутренние по отношению к содержательной и / или формальной структуре текста. Внешние касаются характеристик ситуации, в которой порождается текст, внутренние обуславливают варьирование семантической и синтаксической организации текста, т. е. самой текстовой ткани.

Важной исследовательской задачей остается к тому же и выявление степени влияния обсуждаемых факторов, обуславливающих варьирование типа текста, поскольку их воздействие не равнозначно не только в силу нетождественности природы того или иного фактора, но и по причине различий в типе ситуаций, в которых имеет место взаимодействие между носителями языка и культур с их личностной и коллективной идентичностью. Это факторы, способствующие варьированию содержания и / или структуры текста в тех или иных условиях (факторы-катализаторы) или препятствующие варьированию (факторы-ингибиторы) либо факторы, амбивалентные и / или нейтральные, т. е. не обнаруживающие (пока еще) явно выраженной специализации на процессы порождения и / или рецепции текста.

Влияние на организацию текста в содержательном и / или формальном отношении можно проследивать на суперсистемном, системном, субсистемном уровне. В первом случае во внимание принимаются содержательные и / или формальные связи конкретного текста с коммуникативными образованиями более высокого уровня иерархии и более сложной структуры, т. е. между текстами разных классов, например, между текстами «учебник» и текстами «СМС-сообщение» и т. д. Во втором случае необходимо учитывать связи между коммуникативными образованиями (текстами) того же уровня, т. е. между текстами одного класса (например, между текстами декларативными и аргументативными, директивными и экспликативными, нарративными и аксиологическими и т. п.). В третьем случае необходимо принимать во внимание связи между текстами одного и того же типа (например, между поздравлениями по разным поводам и т. п.).

Насколько важно учитывать сложные взаимосвязи между гетерогенными факторами, синхронно воздействующие на выбор средств реализации цели в коммуникации, убеждает пример сопоставления изофункциональных средств решения одной и той же номинативной задачи: «обычная коммуникация» – «профессиональная коммуникация».

Любой владеющий языком осознает, насколько разным является пред- и посттекст соответствующих единиц; ср. пример ниже [Höcker, 2009: 61]:

<i>Deutsch</i>	<i>Anwalt</i>
<i>ganz</i>	<i>in vollem Umfang</i>
<i>gestern</i>	<i>am gestrigen Tage</i>
<i>einen Monat lang</i>	<i>für die Dauer von einem Monat</i>
<i>Ich</i>	<i>der Unterzeichner, der Unterfertigte</i>
<i>leugnen</i>	<i>in Abrede stellen</i>
<i>mit</i>	<i>unter Hinzuziehung</i>
<i>ohne</i>	<i>in Ermangelung</i>
<i>so</i>	<i>auf diese Weise</i>
<i>viele</i>	<i>eine Vielzahl von</i>
<i>wann?</i>	<i>zu welchem Zeitpunkt?</i>

Поэтому при анализе вариативности того или иного типа текста целесообразно учитывать комплекс таких параметров, как они представлены в таблице 3.

Таблица 3. Матрица для анализа вариативности текстов

Параметры	Интерпретация
Кто	Адресант
Какой	разнородные характеристики личности
Кому	Адресат
Какому	разнородные характеристики личности
Где	Разнородные характеристики ситуации
Когда	Разнородные характеристики ситуации
Что	Содержание коммуникации, тип решаемой задачи
Зачем	Функция
Почему	Мотив деятельности
Как	Средства и способы достижения цели вербальные невербальные

Выводы

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать ряд важных в текстограмматическом отношении обобщений.

1) Принимая во внимание растянутый во времени процесс формирования в языковой культуре типов текста и богатство возможностей трансформации последних, обусловленных потребностями коммуникантов, изменением сферы функционирования каждого из типов текстов и коммуникативной среды, следует признать варьирование типа текста как особого инварианта, предоставляющего носителя языка и культуры, образец решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, закономерным явлением. Благодаря варьированию инварианта в языковой культуре существует множество

способов решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи в однотипных условиях. При изучении варьирования типа / типов текста требуется учитывать соотношение закономерного и случайного, стандартного и креативного, универсального и культурно специфичного, общего и частного, нормативного и окказионального.

2) Варьирование типа текста можно проследить относительно семантической, синтаксической, функциональной текстовой структуры под влиянием разнородных внешних и внутренних по отношению к тексту факторов. Особое место в обозначенном комплексе факторов занимают, вне всякого сомнения, специфика личностной и коллективной идентичности коммуникантов, порождающих и воспринимающих соответствующий текст, а также влияние типа ситуации, которую можно дифференцировать по разным основаниям, прежде всего по хронотопическому, социокультурному, событийному и психосоциальному параметрам.

3) Предельно упрощая, можно предположить, как осуществляется выбор способа решения задачи из множества потенциально возможных в конкретных коммуникативных условиях, которыми владеет носитель языка и культуры: мотив => интенция => осмысление ситуации, в результате чего коммуникант выбирает из некоторого множества одну когнитивную стратегию, благодаря чему концептуализируются и категоризируются сведения о мире, => выбор дискурсивной стратегии => выбор типа текста из некоторого из класса => выбор номинативной стратегии => выбор средств обозначения ситуации и элементов ситуации из комплекса изофункциональных => порождение текста.

4) Основой при изучения варьирования типов текста могут служить теоретические сведения, отрефлексированные в теории текста и типологии текста, относительно особенностей организации текстов, объединяемых в один класс, текстов, организованных согласно одному и тому же инварианту (типу текста) и их функциональный потенциал, а также сведений относительно сферы функционирования определенного типа текста. При этом теоретические различия в соответствующих интерпретациях играют в обсуждаемом контексте лишь второстепенную и / или даже третьестепенную роль.

5) Сложность изучения принципов варьирования текстов одного типа заключается в том, что при анализе необходимо одновременно учитывать и последовательно разводить ряд сущностно близких, но отнюдь не тождественных и не прямо конвертируемых, процессов и явлений: кодирование и декодирование сведений о мире, порождение и восприятие текста, восприятие и социальную перцепцию, личностную и коллективную идентичность каждого носителя языка и культуры, разнородные характеристики единичного и коллективного субъектов познания и коммуникации.

б) Теоретически значимые сведения в дискутируемом проблемном поле условно можно разделить на четыре неравновеликие группы: а) теоретические и прикладные вопросы, относительно решения которых достигнут консенсус; б) детально проработанные, но все еще дискуссионные теоретические и/или прикладные вопросы; в) крайне дискуссионные, мало изученные теоретические и прикладные вопросы; г) вопросы, еще не тематизированные как таковые подавляющим большинством исследователей текста.

7) К вопросам последней разновидности следует отнести проблемы, связанные с изучением принципов членения адресантом с определенными характеристиками информационного потока в конкретных коммуникативных условиях и с членением активированных вербальными и / или невербальными средствами объективации сведений о мире адресатом при рецепции активированных и соактивированных сведений в тех или иных условиях, а также анализ конкретных проявлений соответствующих процессов.

8) Более конкретно обозначенная проблематика может предстать в следующем виде: Как особенности структуры конкретной тематической сферы сказываются на процессах объективации коммуникативно и когнитивно значимых сведений в конкретных коммуникативных условиях? Что следует признать содержательной основой для соотношения эксплицируемых и / или имплицитных сведений в разных форматах общения и в разных типах текста? В какой последовательности и до какой степени детализации в стандартных случаях активизируются сведения из каких когнитивных структур? Какие типы текста оказываются конвенциональным способом решения какой коммуникативной и когнитивной задачи в определенной языковой культуре? Какие средства овнешнения знаний о мире оказываются в конкретных условиях конвенциональными? Вклад каких культурных кодов особо значим в коммуникативный – позитивный или негативный – результат?

9) Думается, что ответы на поставленные вопросы помогут получить надежные, теоретически значимые и верифицируемые данные относительно порядка выведения в поле сознания объективируемых сведений; уровня иерархии объективируемых в конкретном коммуникативном и когнитивном контексте сведений о мире; степени детализации овнешняемых сведений; наборе необходимых и достаточных сведений при решении конкретной коммуникативной и когнитивной задачи в определенной языковой культуре; векторе при перспективизации сведений; доминирующем в языковой культуре способе решения коммуникативной и когнитивной задачи, осмыслении диалектики личностной и коллективной идентичности субъектов познания и коммуникации.

10) Обобщение получаемых в процессе подобного изучения текстов в динамическом и статическом ракурсе может быть полезным при осмыслении диахронии типов текста, членении информационного потока, соотношения грамматических и ментальных структур, соотношения когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий, в процессе взаимодействия которых и порождается текст. Выявление когнитивных стратегий и изучение средств и способов их реализации дают основания для анализа принципов выбора номинативных средств из комплекса изофункциональных. Анализ средств и способов реализации номинативных стратегий позволяет определить основания для выбора дискурсивных стратегий.

11) Приемы, с помощью которых можно получить соответствующие данные, – это текстограмматический анализ в его разнообразных проявлениях. Особое внимание при этом заслуживают структуры, которые пронизывают текст: это номинативные, коннотативные, акциональные цепочки, тема-рематическая прогрессия разных типов.

12) Средствами и способами верификации интерпретаций получаемых в ходе обозначенного исследования результатов могут служить следующие шаги:

а) изучение функционирования текстов одного типа:

– в разных коммуникативных условиях;

– в разных языковых культурах;

б) анализ способов решения одной коммуникативной задачи;

в) определение доминирующего в языковой культуре способа решения коммуникативной задачи;

г) выявление факторов (эндогенных и экзогенных), обуславливающих варьирование инварианта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бокова О. В. Малоформатный текст «сообщение о преступлении»: особенности его семантической и структурной организации (на материале актуальных немецкоязычных медиатекстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2011. 236 с.

2. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 295 с.

3. Гришаева Л. И. Членение информационного потока в медиапространстве и синтаксические механизмы вербализации сведений о мире (на примере медиатекстов канала «EURONEWS» // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2018. № 1(67). С. 19-32.

4. Довгань Н. В. Макротекстовая организация рецензии на литературное произведение в немецких печатных и электронных изданиях: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2013. 265 с.

5. Штонда Ю. А. Языковые средства и способы реализации дискурсивных стратегий в личном письме (на материале писем Дитриха Бонхёффера из нацистской тюрьмы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2019. 271 с.

6. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme, 2008. 506 S.
7. Glaserfeld E. Wissen als Konstrukt [constructed knowledge] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. S. 333-334.
8. Grishaewa L. I. Makro-Textsortenanalyse: Universelles und Kulturspezifisches // Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht. Hildesheim – Zürich – New York: Georg Olms Verlag. 2016. S. 69-81.
9. Höcker R. Anwalt-Deutsch. Deutsch – Anwalt. Wir verstehen uns vor Gericht. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 2009. 128 S.
10. Koch G. Wissensmanagement [knowledge management] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. S. 337- 341.
11. Tsvasman L. Informationsgesellschaft [information society] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. S. 134-141.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Москва: МГУ, 1997. 245 с.
2. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Dudenverlag, 2002. 955 S.

REFERENCES

1. Bokova, O. V. (2011). *MalofORMATnyy tekst «soobshhenie o prestuplenii»: osobennosti ego semanticheskoy i strukturnoy organizatsii (na materiale aktualnykh nemetskoyazychnykh mediatekstov)* [Pocket-sized text «crime report»: features of its semantic and structural organisation (on the basis of acute German-language media texts)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Voronezh. (In Russ.).
2. Grishaeva, L. I. (2014). *Paradoksy medialingvistiki* [Media linguistics paradoxes]. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS. (In Russ.).
3. Grishaeva, L. I. (2018). *Chlenenie informatsionnogo potoka v mediaprostranstve i sintaksicheskie mekhanizmy verbalizatsii svedeniy o mire (na primere mediatekstov kanala «EURONEWS»* [Segmentation of information flow in media space and syntactic mechanisms of verbalization of data about world (using EURONEWS channel texts)] // *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg. No. 1 (67). Pp. 19-32. (In Russ.).
4. Dovgan, N. V. (2013). *Makrotekstovaya organizatsiya retsenzii na literaturnoe proizvedenie v nemetskikh pechatnykh i elektronnykh izdaniyakh* [Macrotext organisation of reviews of literary work in German printed end digital titles]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Voronezh. (In Russ.).
5. Shtonda, Yu. A. (2019). *Yazykovye sredstva i sposoby realizatsii diskursivnykh strategiy v lichnom pisme (na materiale pisem Ditriha Bonheffera iz natsistskoy tyurmy)* [Language means and ways of realisation of discourse strategies in private letters (based on Dietrich Bonhoeffer's letters from Nazi prison)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Voronezh. (In Russ.).
6. Fix, U. (2008). *Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
7. Glaserfeld, E. (2006). Wissen als Konstrukt [constructed knowledge]. In *Das große Lexikon Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag. S. 333-334.
8. Grishaewa, L. I. (2016). Makro-Textsortenanalyse: Universelles und Kulturspezifisches. In *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*. Hildesheim – Zürich – New York: Georg Olms Verlag. S. 69-81.

9. Höcker, R. (2009). *Anwalt-Deutsch. Deutsch – Anwalt. Wir verstehen uns vor Gericht*. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt.

10. Koch, G. (2006). Wissensmanagement [knowledge management]. In *Das große Lexikon Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag. S. 337-341.

11. Tsvasman, L. (2006). Informationsgesellschaft [information society]. In *Das große Lexikon Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag. S. 134-141.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Shorter dictionary of cognitive terms] / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. Moskva: MGU, 1997. (In Russ.).

2. *Duden*. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Dudenverlag, 2002.

Гришаева Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии (e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»
394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Grishaeva Lyudmila I. – Doctor of Philology, Professor of German Philology Department (e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Voronezh State University»
1 Universitetskaya sq., Voronezh, 394018

Поступила в редакцию 01 ноября 2019 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111:811.521:[81'373.72]

© 2019 Т. А. Басова

ТЕМАТИЧЕСКАЯ РУБРИКАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ 'СМЕЛОСТЬ': ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Статья посвящена сопоставительному анализу коммуникативных фразеологических единиц (пословиц) английского и японского языков в рамках семантического поля 'смелость, решительность' и затрагивает вопрос «пословичного менталитета». В работе обсуждаются семантические, лексические и лингвокультурные особенности изучаемых пословиц, предложена классификация семантических подгрупп, сопровождаемая примерами, а также представлены национально-культурные и экстралингвистические данные.

Ключевые слова: фразеологические единицы, сопоставительный анализ, пословицы, пословичный менталитет, национально-окрашенные элементы.

© 2019 T. A. Basova

THEMATIC CATEGORIZATION OF COMMUNICATIVE PHRASEOLOGY OF ENGLISH AND JAPANESE: COMMON AND SPECIFIC FEATURES OF THE SEMANTIC FIELD 'COURAGE'

The article presents a comparative investigation of communicative phraseological units (proverbs) of English and Japanese within the semantic field 'courage, resoluteness' and touches upon the question of 'proverbial mentality.' The semantic, lexical and linguocultural specificity of the listed proverbs is discussed in the paper. The article contains the classification of semantic sub-fields with examples, as well as cultural and extralinguistic data.

Keywords: phraseological units, comparative study, proverbs, proverbial mentality, cultural specificity.

1. Введение

Факт влияния на содержание пословиц и поговорок национального характера, ментальности, образа жизни является известной и общепризнанной истиной в лингвистике. Во фразеологической картине мира многих этносов фигурируют элементы присущей им материальной реальности – их занятия и быт (профессии и ремесла, хозяйственный уклад, самобытная культура), отражается восприятие ими окружающей действительности, сравниваются явления, раскрывается понимание добра и зла, жизни и смерти, описываются отношения между людьми (отношения с родными и семьей, с посторонними людьми, с врагами), оцениваются положительные и негативные качества

характера и свойства личности (мудрость и глупость, смелость и безрассудство, учтивость и грубость, терпение и поспешность и др.), а также фигурируют духовные ценности и религиозные воззрения: во многих языках определенная часть коммуникативных ФЕ напрямую или косвенно восходит к религиозным текстам и учениям. Пословица как коммуникативная фразеологическая единица (КФЕ) отличается цельнопредикативностью, сжатостью, наличием назидательного смысла, ритмически организованной формой и преследует дидактическую цель [Кунин, 1996: 339]. В пословицах проявляются «все стороны жизни народа» [Кунин, 1996: 341], они «выступают в качестве проводников ценностных смыслов» [Алефиренко, 2017: 44].

Огромный вклад в изучение пословиц русского языка внес выдающийся славянист современности проф. В. М. Мокиенко, возглавляющий Санкт-Петербургскую школу фразеологов и являющийся председателем Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов [Мокиенко, 2010], и представитель Московской фразеологической школы В. И. Зимин, результатом труда которых – вместе с их учениками и коллегами – являются объемные словари русских пословиц и поговорок [Зимин, 2010]. Среди зарубежных ученых наиболее авторитетным специалистом по пословичной фразеологии считаем Вольфганга Мидера, выпускающего в течение 35 лет ежегодный научный журнал по мировой пословичной фразеологии [Mieder, 2018], а также Элизабет Пиирайнен (1943-2017), которая, возглавляя Европейскую школу фразеологов, внесла неоценимый вклад в сопоставительное изучение пословиц многих языков народов мира [Fedulenkova, 2018: 9-13]. Заслуживают пристального внимания труды лингвистов Белгородской школы, возглавляемой проф. Н. Ф. Алефиренко, посвященные когнитивно-прагматическому аспекту изучения пословиц [Алефиренко, 2008: 269-271], а также труды ряда видных отечественных и зарубежных ученых-фразеологов, собранные в недавней коллективной монографии под редакцией проф. Т. Н. Федуленковой, в которой рассматриваются когнитивные, дискурсивные и сопоставительные аспекты исследования пословиц [Федуленкова, 2017].

Размышляя о сущности английских пословиц и их тематической принадлежности, А. В. Кунин отмечает в них следующие семантические особенности: нелестная оценка богачам, осуждение войны, высмеивание глупости, критика лени, положительная оценка определенных свойств человеческой природы или действий. Последняя из перечисленных понятийная группа образует специфическую совокупность поощряемых в человеке достоинств, добродетелей и нравственных качеств в «пословичном менталитете», то есть «менталитете, отраженном в пословичном фонде народа или его отдельных социальных

групп» [Иванова, 2006: 49]. В словарях английских пословиц [Fergusson, Law, 2000; Piirainen, 2012] зафиксировано множество ФЕ, одобряющих терпение, смелость, упорство, мудрость, трудолюбие, пунктуальность, ответственность, способность идти на жертвы, предприимчивость, смекалку, доброту и т. д. Некоторые из качеств, такие как воля или амбициозность, могут детерминироваться в английских пословицах как с положительного, так и с отрицательного ракурсов.

О связи японских пословиц и национального характера японцев собрано достаточно данных в трудах В. М. Алпатова [Алпатов, 2003], Т. М. Гуревич [Гуревич, 2008: 26-32] и др. Среди японских пословиц мы также находим пословицы, критикующие богачей и высмеивающие глупость, суетность и лень, в них получают свое языковое воплощение такие элементы японского менталитета, как закрытость перед чужими (деление на *свой-чужой* – *uchi-soto*), постановка долга и коллективных интересов выше личных, фатализм, наслаждение мимолетностью прекрасного, восприятие людей, природы и мира духов как единого целого, части которого взаимозависимы. Существует и определенная категория пословиц, описывающих наиболее значимые с точки зрения японского народа качества характера. Н. И. Васина перечисляет следующие ценностные ориентации, широко репрезентируемые во фразеологическом фонде японского языка: вежливость и учтивость, стремление к знаниям, эмпатия, трудолюбие и упорство, терпение, незыблемость долга перед семьей и обществом [Васина, 2006: 6-8]. Этот список можно дополнить следующими свойствами: прагматичность, необходимость держать лицо на людях (противопоставление *tatemaie-honne*), непривязанность к преходящим явлениям мира, к самой жизни, умение ценить уникальность каждого мгновения.

В пословицах возможно дифференцировать семантическое поле с базисным понятием 'характер человека' на основании общего понятийного компонента в их семантической структуре. В иерархической системе этого поля возможно дальнейшее деление на достоинства и недостатки, которые в свою очередь также можно классифицировать по типам. Материалом данного исследования послужили 23 пословицы японского языка, 25 пословиц английского языка и 6 японских частичнопредикативных ФЕ с признаком 'смелость, решительность'. На основании собранных данных проводится рубрикация пословиц по семантическим подгруппам в рамках указанного поля, дается сравнительная характеристика особенностей содержания пословиц и описывается их культурно-национальная специфика.

Тогда как исследование пословиц в целом является достаточно развитой сферой фразеологии, сравнительный анализ английских и японских коммуникативных ФЕ – раздел малоизученный. Попытки подбора эквивалентов предпринимались D. C. Buchanan [Buchanan, 1987] и D. Galef [Galef, Hashimoto, 2012]. В японском сегменте существует ряд словарей пословиц [Takashima, 2000; Yamamoto, 2007], включающих английские эквиваленты, но точность собранных данных оспаривается некоторыми западными исследователями [Neale, 2015: 85-101]; ввиду недостаточной проработанности данной проблемы дальнейшие исследования в этой сфере имеют высокую актуальность. Тематическая рубрикация может быть представлена в современных словарях и сборниках пословиц, но категоризация английских пословиц в сопоставлении с японскими по смысловым подгруппам внутри самих концептов еще не проводилась и представляет новизну. Данное исследование базируется на основе шести перечисленных в *The Penguin's Dictionary of Proverbs (2000)* подгрупп семантического поля 'courage' у английских пословиц, но нами введена новая седьмая подгруппа «Осторожность как часть смелости». Сопоставление японских и английских денотативных компонентов и когнитивных в рамках этих подгрупп позволяет углубить понимание особенностей концепта 'смелость, решительность' в языковых картинах мира обоих народов, что актуально для повышения качества процессов межкультурной коммуникации и способствует усовершенствованию переводческой деятельности.

2. Основная часть исследования

Семантическое поле 'смелость' в исследуемых пословицах возможно разделить на следующие подгруппы посредством структурно-семантического анализа:

1. Ценность смелости и решительности:

Courage and resolution are the spirit and the soul of virtue (букв. 'смелость и решительность – дух и душа добродетели'), *Courage and perseverance conquer all before them* (букв. 'смелость и настойчивость завоевывают все на своем пути'), *Valor is the nobleness of the mind* (букв. 'доблесть – благородство ума'), *A bold heart is half the battle* (букв. 'храброе сердце – [уже] половина битвы').

義を見てせざるは勇なきなり (*Gi wo mite sezaru wa yū naki nari*) – букв. 'не отстаивать праведность / справедливость – не иметь мужества', 断じて行えば鬼神も之を避く (*Danjite okonaeba kishin mo kore wo saku*) – букв. 'если действовать с тотальной решительностью, то даже демоны посторонятся', 思い立ったが吉日 (*Omoitatta ga kichijitsu*) / 思い立ったら吉日

(*Omoitattara kichijitsu*) – букв. 'день, когда вознамеришься [что-то совершить], – благоприятный день'.

Латинская по происхождению пословица *Fortune favours the brave (the bold, the strong)* (букв. 'фортуна благоволит храбрым') уже стала практически международной ввиду отсутствия какой-либо культурной детерминированности в ее компонентах; присутствует она и в японском языке как минимум в пяти лексических вариантах: 運は勇者を助く (*Un wa yūsha wo tasuku*) – букв. 'судьба выручает храбрых', 天は勇者を助く (*Ten wa yūsha wo tasuku*) – букв. 'небо выручает храбрых', 幸運は勇者を好む (*Kōun wa yūsha wo konomu*) – букв. 'фортуна любит храбрых', 幸運は勇者を味方する (*Kōun wa yūsha wo mikata suru*) – букв. 'фортуна на стороне храбрых', 運は勇者を寵愛す (*Un wa yūsha wo chouai su*) – букв. 'судьба благоволит храбрым'. Она настолько «укоренилась» в японском языке, что некоторые составители сборников японских пословиц включают ее в свой перечень [Buchanan, 1987; Galef, Hashimoto, 2012], хотя она является заимствованной из европейских языков. Принятие этой пословицы обусловлено наличием других фразеологизмов о влиянии «Неба» (высших сил) на жизнь людей (*Судьба – в Небе; Существование – в Небе* и др.), в связи с чем в одном из вариантов пословицы в японском языке *фортуна* заменена на *Небо* (天). Подобный процесс произошел и в японском варианте пословицы *Бог помогает тем, кто сам себе помогает*: 天は自ら助くる者を助く (*Ten wa mizukara tasukuru mono wo tasuku*) – букв. 'небо помогает тем, кто сам себе помогает'.

И в японских, и в английских пословицах мы видим совершенно идентичные денотативные компоненты значения о ценности этого качества: смелость помогает преодолевать препятствия, проявление смелости способствует тому, что обстоятельства волею высших сил поворачиваются в положительное русло («благоволит фортуна», «демоны сторонятся», автоматически наступает «благоприятный день»). Смелость – это добродетель, связанная с другими добродетелями («дух и душа добродетели», «благородство ума», она требует «отстаивать справедливость / праведность»). Пословица 思い立ったが吉日 (*Omoitatta ga kichijitsu*) обладает яркой культурно-национальной спецификой. Под *kichijitsu* ('благоприятный день') понимается благоприятная дата с точки зрения лунно-солнечного японского календаря (который был в свою очередь заимствован из Китая). С древних времен японцы пользовались астрологией, и, что интересно, активно пользуются и в современном мире для выбора дат для важных событий, например, свадеб. Каждый год высчитываются особые удачные дни для разных начинаний.

Сигнификативный компонент «создание потока удачи вопреки астрологическому влиянию / календарю» отсутствует в западных пословицах ввиду намного более низкой распространенности подобной практики и клеймления астрологии как греховного занятия в христианском мире.

2. Выгода смелости:

Faint heart never won fair lady – букв. ‘малодушный никогда не завоеует прекрасной дамы’, *None but the brave deserves the fair* – букв. ‘никто, кроме смелых [мужчин], не заслуживает прекрасных [дам]’, *Nothing ventured, nothing gained* – букв. ‘ничем не рискнешь – ничего не получишь’.

虎穴に入らずんば虎子を得ず (*Koketsu ni irazunba koshi wo ezu*) – букв. ‘если не войти в логово тигра, тигрят не достать’, 危ない所に登らねば熟柿は食べぬ (*Abunai tokoro ni noboraneba jukushi wa kuenu*) – букв. ‘если не взобраться на опасную [высоту], спелой хурмы не поесть’, 危ない橋も一度は渡れ (*Abunai hashi mo ichido wa watare*) – букв. ‘пересеки однажды и опасный мост, т. е. исключительно безопасные и легкие пути не всегда ведут к цели’.

Здесь также присутствует совпадение денотативного компонента значения КФЕ в обоих языках: проявление смелости ведет к получению выгоды, но обе группы пословиц отличаются своеобразием. Среди английских мы находим сразу две о покорении прекрасного пола, что имеет корни в романтических и рыцарских идеалах европейской культуры, тогда как в японских символом выгоды являются «тигрята» и «спелая хурма» – материальная добыча. Однако тигр как мифологический и космологический символ имеет свои корни в Китае и требует более глубокого осмысления; тигрята – это не просто животные, а уникальные мистические существа, обладающие сверхъестественными свойствами, как и их родитель. Пословица несет культурологический подтекст: в ней раскрывается образ не просто охотника, осмелившегося войти в логово дикого зверя и заполучившего добычу, а практически героя, который благодаря своей смелости захватил детенышей тигра – сильного и опасного потустороннего существа.

3. Источники смелости:

Valour is born with us, not acquired – букв. ‘с доблестью можно только родиться, а не приобрести ее’, *Despair gives courage to a coward* – букв. ‘отчаяние придает смелости трусу’, *A baited cat may grow as fierce as a lion* – букв. ‘загнанная кошка может рассвирепеть как лев’, *Necessity and opportunity can make a coward valiant* – букв. ‘необходимость и благоприятная возможность могут сделать труса смелым’.

蛇は一寸にして人を呑む (*Ja wa issun ni shite hito wo nomu*) – букв. 'змея, пусть и длиной в один сун (3,03 см), а [пытается] заглотить человека', 竜は一寸にして昇天の気あり (*Ryū wa issun ni shite shōten ki ari*) – букв. 'дракон, пусть и длиной в один сун, а намеревается взмыть ввысь', 虎子地に落ちて牛を食らうの気あり (*Koshi chi ni ochite ushi wo kurau no ki ari*) – букв. 'тигренок, даже еще спотыкаясь и падая, уже жаждет сожрать корову', 窮鼠猫を噛む (*Kyūso neko wo kamu*) – букв. 'загнанная крыса укусит кога', 窮寇は追うことなかれ (*Kyūkō wa ou koto nakare*) – букв. 'не преследуй загнанного врага (т. е. в нем может проявиться неожиданная смелость в критической ситуации)'

В данном случае мы также наблюдаем большое сходство денотативного компонента: смелость как присущее от природы качество («born with us»), которое проявляется сызмальства (тигренок, дракон и змея еще маленькие, а уже обладают сильным духом), либо она может внезапно возникнуть в отчаянной ситуации, давая проигравшему («загнанная кошка», «загнанная крыса», «загнанный враг») последний шанс на защиту. В японских пословицах можно отметить детерминированные восточной культурой зооморфные символы дракона, тигра, змеи, тогда как почти во всех английских пословицах идея имеет близкое к буквальному выражение.

4. Характеристика смелых:

A brave man may fall, but he cannot yield – букв. 'храбрец может пасть, но он не сдастся', *To a brave and faithful man nothing is difficult* – букв. 'для того, кто смел и верен, нет ничего сложного', *The weapon of the brave is in his heart* – букв. 'оружие смелого – его сердце', *Bold men have generous hearts* – букв. 'у смелых великодушные сердца', *Calamity is the touchstone of a brave mind* – букв. 'несчастье – лучший пробный камень для смелого человека', *Valour delights in the test* – букв. 'доблесть наслаждается в испытаниях'.

知者は惑わず、仁者は憂えず、勇者は懼れず (*Chisha wa madowazu, jinsha wa ureezu, yūsha wa osorezu*) – букв. 'мудрец не бывает в растерянности, праведник не знает уныния, храбрец не падает духом', 大勇は怯なるが如し (*Taiyū wa kyō naru ga gotoshi*) – букв. 'великая храбрость подобна трусости', 大勇は闘わず (*Taiyū wa tatakawazu*) – букв. 'великая храбрость не [побуждает] вступать в бой', 大勇は勇ならず (*Taiyū wa yū narazu*) – букв. 'великая храбрость не выглядит как храбрость', 疾風に勁草を知る (*Shippū ni keisō wo shiru*) – букв. 'негнущуюся травинку видно во время сильного ветра'.

Английские пословицы, как и японские, связывают качество смелости в людях со способностью преодолевать сложности, а также с другими добродетелями, которые могут

истинно проявляться только при наличии смелости или всегда находятся с ней в связке («brave and faithful», «generous hearts», «cannot yield», «не падает духом»); испытания («несчастья», «сильный ветер») представлены как среда для воспитания и проявления мужества. Но помимо этого существует ряд японских пословиц, указывающих на высшее проявление смелости: сдержанную непоколебимость. Высшая форма смелости в языковой картине японских пословиц «подобна трусости», «не выглядит как храбрость», «не [побуждает] вступать в бой» в связи с тем, что истинно мужественного человека уже не так легко задеть, спровоцировать, вовлечь в дразги. Он может контролировать свой внутренний порыв сражаться, давая ему волю только тогда, когда посчитает нужным. То, что он игнорирует раздражители, может создать ложное впечатление, что он трусит. Но им уже движет мудрость, а не просто храбрость, и он знает, что многие конфликты лучше просто избежать, нежели вовлекаться в них. Такое сдержанное воплощение смелости особо ценится в культуре боевых искусств Японии, и существуют предания о великих мастерах, проявлявших его и побеждавших противников с помощью него (Цукахара Бокудэн и др.). Истоки этой стороны восточной философии мы можем проследить еще в китайском трактате «Дао дэ цзин». Китайская литература и философия пустили глубокие корни на японской земле, сильно трансформировав японский язык, и мудрое умение уступить, не поддаваться провокации также стало частью японского менталитета.

5. Ложная смелость:

Every dog is a lion at home – букв. ‘всякий пес дома как лев’, *Hares may pull dead lions by the beard* – букв. ‘кролики могут дергать мертвого льва за бороду’, *Every dog is valiant at his own door* – букв. ‘всякий пес храбр у своего порога’, *Who takes a lion when he is absent, fears a mouse present* – букв. ‘кто провоцирует отсутствующего льва, тот боится присутствующей мыши’ и др.

В японском находим тематическое соответствие только среди частичнопредикативных ФЕ:

内ひろがりの、外すぼまり (*uchi hirogari no soto subomari*) – букв. ‘дома хорохорится, на улице тушуетя’; 内弁慶の外地蔵 (*uchi benkei no soto jizō*) – букв. ‘дома как Бэнкэй, на улице как Дзидзо’, 内弁慶外鼠 (*uchi benkei soto nezumi*) – букв. ‘дома как Бэнкэй, на улице как крыса’, 内弁慶外菜虫 (*uchi benkei soto namushi*) – букв. ‘дома как Бэнкэй, на улице как *намуси* (тип гусениц, питающихся овощными культурами)’, 内蛤外蜆 (*uchi hamaguri soto shijimi*) – букв. ‘дома как *хамагури* (крупный вид моллюска), на улице как *сидзими*

(корбикула, мелкий вид моллюска)', 家の前の痩せ犬 (*ie no mae no yase inu*) – букв. 'тощая собака у дома' и др.

Среди японских ФЕ номинативный фразеологизм *тощая собака у дома* (т. е. собака, которая горазда лаять только у своего порога, хотя сама по себе ничего из себя не представляет) почти полностью совпадает по своему образу с английской пословицей *Every dog is valiant at his own door*, но лексический компонент 痩せ ('худой, истощенный, кожа да кости') выражает яркую презрительную оценку. Данный фразеологизм не связан с культурной спецификой, и сочетание денотативного значения «бахвальство» и сигнификативного элемента «попусту лающая собака» имеет сходное выражение в ФЕ английского и японского языков ввиду происхождения данного метафорического образа из объективной реальности: собаки склонны излишне лаять, пытаясь отпугнуть чужака или произвести впечатление. Здесь можно провести параллель и с русской басней И. А. Крылова: «Ай, Моська! знать она сильна, что лает на Слона!» На ее основе сформировался фразеологический оборот *Ай, Моська!* в русском языке. Другие японские ФЕ в этой семантической категории являются национально-окрашенными: *домашний Бэнкэй* – тот, кто в домашней обстановке ведет себя как Мусасибо Бэнкэй (великий воин и силач из древних японских произведений), но во внешнем мире не в состоянии проявить эти качества. Данный элемент (внутри перечисленных ФЕ или как самостоятельная субстантивная ФЕ) абсолютно детерминирован литературным слоем японской культуры и не может быть понят в отрыве от нее. Бэнкэй как образ свирепого воина в пословицах противопоставляется Дзидзо (милосердному, мягкому бодхисаттве в традиции буддизма), крысе, *намуси* (маленькой гусенице) и проч. Наличие и противопоставление таких компонентов, как морские моллюски *хамагури* и *сидзими* (корбикула), обусловлено большой распространенностью рыболовства в окружающих Японию морях и Тихом океане. Обилие самых разнообразных морепродуктов сделало их одной из основ, на которых строится традиционная японская кухня.

6. Безрассудство:

Nothing so bold as a blind mare – букв. 'нет ничего смелее слепой кобылы'.

盲蛇に怖じず (*mekura hebi ni ojizu*) – букв. 'слепая змея не боится'.

Как в английских пословицах о безрассудстве, так и в японских денотативной базой является идея, что отсутствие реального представления о вещах ведет к безрассудным действиям. Отсутствие зрения у змеи или лошади является символом ограниченности восприятия реальности. Выбор зооморфного элемента в этих пословицах может быть

объективно обусловлен тем, что в отличие от человека поведение не обладающих логическим разумом животных бывает совершенно иррационально и неконтролируемо, особенно при таком факторе, как слепота.

7. Осторожность как часть смелости:

Discretion is the better part of valour – букв. ‘благоразумие – лучшая часть доблести’, *Valour would fight, but discretion would run away* – букв. ‘мужество побуждает сражаться, но благоразумие призывает бежать’.

逃げるが勝ち/負けるが勝ち (*Nigeru ga kachi / Makeru ga kachi*) – букв. ‘бегство / проигрыш ведет к победе’, 三十六計逃げるに如かず (*Sanjūrokkei nigeru ni shikazu*) – букв. ‘36 китайских военных стратегий не идут ни в какое сравнение с бегством’, 逃ぐるが奥の手 (*Niguru ga oku no te*) – букв. ‘бегство – это козырь’, 逃げるが一の手 (*Nigeru ga ichi no te*) – букв. ‘бегство – это первый способ’, 逃ぐるをば剛の者 (*Niguru wo ba gō no mono*) – букв. ‘только смелый воин может совершить бегство’.

В этих примерах аналогичны денотативные элементы: благоразумие, способность вовремя сделать тактическое отступление поощряются и в английской, и в японской языковых картинах мира, но в японском языке таких примеров значительно больше, чем в английском. Сверх перечисленных пословиц существует ряд поговорок и глагольных ФЕ, отражающих ту же идею. Их количество доказывает, что этот принцип занимает важное место не только в японском «пословичном менталитете», но и в национальном. *36 китайских военных стратегий* – культурно обусловленный лексический элемент: в средневековой Японии, раздираемой междоусобными войнами, в среде образованных людей пользовались популярностью китайские военные трактаты как источники мудрости и военной мысли. Но вопреки авторитетным для средневекового японского общества китайским стратегиям семантическая составляющая данной группы пословиц показывает, что высшая мудрость – не во вступлении в конфликт, а в умении его избежать или, отступив, добиться победы в более благоприятных обстоятельствах. Тактическая хитрость ставится выше порывов храбрости.

3. Выводы

1) В результате исследования выявлено семь общих тематических рубрик японских и английских пословиц в рамках семантического поля ‘смелость’: а) ценность смелости; б) выгода смелости; в) источники смелости; г) характеристика смелых; д) ложная смелость; е) безрассудство; ж) осторожность как часть смелости.

2) Сопоставительный анализ показывает, что в ряде пословиц, выбранных для исследования языков, присутствует общее смысловое содержание: а) смелость изменяет судьбу; б) смелость приносит выгоду; в) смелость – добродетель, связанная с другими добродетелями; г) смелость присутствует в характере от рождения; д) смелость может проявиться у труса в момент опасности; е) смелых людей не сбить с пути; ж) безрассудная смелость сродни глупости; з) благоразумие делает качество смелости совершеннее; и) умение тактически отступить – не отсутствие смелости, но сочетание смелости и благоразумия.

3) Отличия в содержании семантических подгрупп заключаются в следующем: а) в отсутствии в японском языке пословиц, говорящих о связи мужества и успеха у женщин; б) в отсутствии в японском языке пословиц о ложной смелости, но при этом наличии частичнопредикативных ФЕ; в) в отсутствии в английском языке пословиц, связанных с распространенным в восточной философии концептом мудрой сдержанности (названной «высшей храбростью» в японских пословицах); г) в японских пословицах наблюдается обилие национально-окрашенных элементов, для полноценного понимания которых необходимо учитывать экстралингвистические факторы, тогда как английские пословицы в этом семантическом поле имеют более универсальный лексический состав и обладают низкой степенью абстракции.

4) Перспективу работы видим в поиске максимально точных эквивалентов в обоих языках для данных коммуникативных ФЕ с учетом их контекстного использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.
2. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты. Владимир: ВлГУ, 2017. С. 14-54.
3. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. Москва: Муравей, 2003. 208 с.
4. Васина Н. И. Так говорят японцы. Крылатые фразы на японском и русском языках. Москва: Астрель: АСТ, 2006. 175 с.
5. Гуревич Т. М. Японская грамматика как зеркало национального менталитета // Россия и Запад: диалог культур. Москва: МГУ, 2008. С. 26-32.
6. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 280 с.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
8. Федуленикова Т. Н. Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты. Владимир: ВлГУ, 2017. 231 с.
9. Buchanan D. C. Japanese Proverbs and Sayings. University of Oklahoma Press, 1987. 296 p.

10. Fedulenkova T. Notes on Elisabeth Piirainen's linguistic achievements // *Modern Phraseology Issues: Proceedings of the International Phraseological Conference in Memory of Elisabeth Piirainen*. Arkhangesk, 2018. Pp. 9-13.
11. Galef D., Hashimoto J. *Japanese Proverbs. Wit and Wisdom*. Tuttle Publishing, Periplus Editions (HK) Ltd., 2012. 229 p.
12. Mieder W. *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*. Vermont: University of Vermont, 2018. Vol. 35. 535 p.
13. Neale M. A Comparison of English and Japanese Proverbs Using Natural Semantic Metalanguage // *New Voices in Japanese Studies*. 2015. Vol. 7. Pp. 85-101.
14. Piirainen E. *Widespread Idioms in Europe and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units*. New York: Peter Lang, 2012. 680 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зимин В. И. *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. Москва: АКТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 736 с.
2. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
3. Fergusson R., Law J. *The Penguin Dictionary of Proverbs*. Penguin Books Ltd., 2000. 365 p.
4. Speake J., Simpson J. A. *The Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press, 2015. 383 p.
5. 高嶋 泰二 Takashima T. *日・英独仏対照諺辞典* Сопоставительный словарь японских и английских, немецких, французских пословиц. Токуо: Hokuseido shoten, 2000. 800 p.
6. 山本 忠尚 Yamamoto T. *日英比較ことわざ辞典* Словарь японских и английских пословиц в сопоставлении. Токуо: Sōgensha henshūbu, 2007. 394 p.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2008). *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moskva: OOO Izd-vo «Elpis». (In Russ.).
2. Alefirenko, N. F., Semenenko, N. N. (2017). *Kognitivno-pragmaticheskaya priroda paremii* [Cognitive-pragmatic nature of paremia]. In *Poslovitsy v frazeologicheskom pole: kognitivnyy, diskursivnyy, sopostavitelnyy aspekty*. Vladimir: VIGU. Pp. 14-54. (In Russ.).
3. Alpatov, V. M. (2003). *Yaponiya: yazyk i obshchestvo* [Japan: language and society]. Moskva: Muravey. (In Russ.).
4. Vasina, N. I. (2006). *Tak govoryat yaponsy. Krylatye frazy na yaponskom i russkom yazykakh* [This is how the Japanese speak. Proverbs in Japanese and Russian]. Moskva: Astrel: AST. (In Russ.).
5. Gurevich, T. M. (2008). *Yaponskiy yazyk kak zerkalo natsionalnogo mentaliteta* [Japanese language as a mirror of national mentality]. In *Rossiya i Zapad: dialog kultur*. Moskva. Pp. 26-32. (In Russ.).
6. Ivanova, E. V. (2006). *Mir v angliyskikh i russkikh poslovitsakh* [The world in English and Russian proverbs]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta. (In Russ.).
7. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Modern English phraseology course]. Dubna: Fenix. (In Russ.).
8. Fedulenkova, T. N. (2017). *Poslovitsy v frazeologicheskom pole: kognitivnyy, diskursivnyy, sopostavitelnyy aspekty* [Proverbs in phraseology: cognitive, discursive, comparative aspects]. Vladimir: VIGU. (In Russ.).

9. Buchanan, D. C. (1988). *Japanese proverbs and sayings*. Norman, OK: University of Oklahoma.
10. Fedulenkova, T. F. (2018). Notes on Elisabeth Piirainen's linguistic achievements. In *Modern Phraseology Issues: Proceedings of the International Phraseological Conference in Memory of Elisabeth Piirainen*. Arkhangesk.
11. Galef, D., Hashimoto, J. (2012). *Japanese Proverbs. Wit and Wisdom*. Singapore: Tuttle Publishing, Periplus Editions (HK) Ltd.
12. Mieder, W. (2018). *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*. Vermont: University of Vermont.
13. Neale, M. (2015). A Comparison of English and Japanese Proverbs Using Natural Semantic Metalanguage. In *New Voices in Japanese Studies*. Sydney: The Japan Foundation. Vol. 7. Pp. 85-101.
14. Piirainen, E. (2012). *Widespread Idioms in Europe and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units*. New York: Peter Lang.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Zimin, V. I. (2010) *Slovar-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [A thesaurus of Russian proverbs]. Moskva: Akt-Press Kniga. (In Russ).
2. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bolshoy slovar russkikh poslovits* [A big dictionary of Russian proverbs]. Moskva: ZAO OLMA Media Group. (In Russ.).
3. Fergusson, R., Law, J. (2000). *The Penguin Dictionary of Proverbs*. London: Penguin Books Ltd.
4. Speake, J., Simpson, J. A. (2015). *The Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press.
5. Takashima, T. [高嶋 泰二]. (2000). *Kotowaza no izumi: Nichi ei doku futsu taishō kotowaza jiten* [日・英独仏対照諺辞典]. Tokyo: Hokuseido shoten [北星堂書]. (In Jap.).
6. Yamamoto, T. [山本 忠尚]. (2007). *Nichiei hikaku kotowaza jiten* [日英比較ことわざ辞典]. Tokyo: Sōgensha henshūbu [創元社編集部]. (In Jap.).

Басова Татьяна Александровна – аспирант
кафедры германских языков
(e-mail: tanyatako@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет»
600000, Владимир, Горького, 87

Basova Tatiana A. – Post-Graduate Student of
German Philology Department
(e-mail: tanyatako@gmail.com),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Vladimir State
University»
87 Gorkogo, Vladimir, 600000

Поступила в редакцию 28 октября 2019 г.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП «НАИМЕНОВАНИЯ ПРИЧЕСОК» И «ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПТИЦ» В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

В статье рассмотрены инновации тематических групп «Наименования причесок» и «Звукоподражательные наименования птиц» в карибских креолях на англоязычной основе. Выявлены изоморфные и алломорфные признаки рассматриваемых тематических групп.

Ключевые слова: инновация, синоним, изоморфизм, алломорфизм, звукоподражание, креоль.

SEMANTIC DEVELOPMENT OF INNOVATIONS IN THEMATIC GROUPS «HAIRSTYLES' NAMES» AND «ONOMATOPOETIC BIRDS' NAMES» IN CARIBBEAN ENGLISH-BASED CREOLES

The article considers thematic groups «Hairstyle Names» and «Onomatopoeic Birds' Names» innovations in Caribbean English-based Creoles. Isomorphic and allomorphic features have been revealed in the thematic groups under consideration.

Key words: innovation, synonym, isomorphism, allomorphism, onomatopoea, creole.

1. Введение

В данном исследовании на материале карибских креолей – ямайского, багамского, тринидадо-тобагского на англоязычной основе рассматривается функционирование наименований причесок (далее НП) и звукоподражательных наименований птиц (далее ЗНП).

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим вниманием к вариантам (социальным, географическим) национальных языков, к процессам возникновения новых языковых общностей и, вместе с тем, недостаточной изученностью территориального варьирования карибских креолей на английской основе и механизмов формирования вариантных языковых систем, представленных ямайским, тринидадо-тобагским и багамским креольскими языками.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе: а) подвергнуты анализу лексические единицы тематической группы (далее ТГ) «Наименования причесок» и «Звукоподражательные наименования птиц» в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креольских языках; б) выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических единиц НВО в исследуемых креолях.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере лексических единиц ТГ «Наименования причесок» и ТГ «Звукоподражательные наименования птиц» показать,

какие изменения претерпевает английский язык на новых территориях своего распространения – в англоязычных креолях Карибского бассейна.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: 1) установить изоморфные дифференциальные признаки (далее ДП) ТГ «Наименования причесок» и ТГ «Звукоподражательные наименования птиц» в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креолях Карибского бассейна; 2) выявить алломорфные дифференциальные признаки лексических единиц рассматриваемых ТГ в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях; 3) показать семантическое развитие производных лексических единиц ТГ «Наименования причесок» и ТГ «Звукоподражательные наименования птиц» в исследуемых карибских креолях на английской основе; 4) установить приемы семантической деривации ТГ «Наименования причесок» и ТГ «Звукоподражательные наименования птиц» в исследуемых креолях.

В качестве **материала исследования** послужили словари карибских креолов на англоязычной основе: Р. Аллсопп [Allsopp, 1996], Ф. Г. Кэсседи [Cassidy, 1967], Дж. А. Холм [Holm, 1982], Л. Уинтер [Winer, 2009].

Задачи исследования и специфика материала обусловили применение таких **методов исследования** как метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа.

Обзор отечественной и зарубежной литературы по теме исследования. Наименования птиц привлекали к себе внимание российских и зарубежных лингвистов: В. Е. Соколов приводит наименования птиц на пяти европейских языках [Соколов, 1994]. В области славянских языков большой материал по наименованиям птиц собран и освещен Л. А. Булаховским [Булаховский, 1973: 189-299]. Дж. Мун пишет о птицах Новой Зеландии [Moon, 2016: 12-252]. Особенности пения и гнездования болотных птиц приводит в своей книге Э. Хоскинг [Hosking, 2015: 1-34]. Р. М. Локли описывает повадки и особенности пения птиц-скитальцев в океане [Lockley, 2017: 6-42]. Дж. Мун пишет о птицах Новой Зеландии [Moon, 2016: 12-252]. Наименования мужских и женских причесок жителей Вест-Индии приведены в словарях карибских креолов на англоязычной основе: Р. Аллсопп [Allsopp, 1996], Ф. Дж. Кэсседи [Cassidy, 1967], Дж. А. Холм [Holm, 1982], Л. Уинтер [Winer, 2009].

2. В эпоху рабства и после отмены рабства в странах Карибского бассейна социальная структура населения тесно связана с иерархией по цвету кожи. При этом все неевропейское ассоциировалось с неотесанным, отсталым, и наоборот, все передовое и

лучшее – с европейским. Учитывались и такие «показатели», как черты лица, степень курчавости волос и т. п. На Ямайке, Тринидаде и Багамах многие негры в городах стремились замаскировать свое африканское происхождение и выдавать себя за мулатов. С этой целью ввозились из США (где ими пользуются местные афроамериканцы) электромашинки для выпрямления волос [Нитобург, 1982: 17-18].

Креольский язык – смешанный язык, возникший в результате употребления одного из европейских языков как средства общения европейцев с коренным населением [Ахманова, 1969: 531]. Пиджин – межэтнический вспомогательный язык, выполняющий минимум функций в очень ограниченной сфере коммуникации. Пиджин не является родным ни для кого из говорящих. Креольский язык возникает из расширенного пиджина, который может становиться родным для какого-либо языкового коллектива. При этом еще более расширяются его коммуникативные функции. Такой язык определяется как креольский [Дьячков, 1981: 8-9]. В креолистике и в данном исследовании термины креоль и креольский язык используются как взаимозаменяемые.

(1) В тринидадо-тобагском креоле курчавые волосы называются *pepper-knot= pickey head, greng-greng= grain-grain*. *Grain-grain* – short curly coarse-textured African type hair tending to separate into small round bits [Winer, 2009: 400] ‘короткие курчавые жесткие волосы африканского типа, образующие небольшие отдельные пучки округлой формы’ (FrCr < Fr *grain* ‘зернышко’) from appearance of separate grains ‘по причине появления отдельных пучков волос, похожих на зернышки черного перца’. Данное наименование происходит, возможно, из языков тви, фанте от слова *krang* ‘грубый, нечесанный, косматый’ Например: *I doh know where the child get this greng-greng hair. Now it was bad enough to be dark-skinned, but it was considered a double whammy if your hair was hard, greng-greng or kinky* [Winer, 2009: 400]. ‘Не знаю, откуда у этого ребенка короткие курчавые жесткие волосы, собранные в отдельные пучки округлой формы. Теперь считалось очень плохо, если ты чернокожий, но вдвойне хуже было, если волосы были жесткие, короткие и курчавые, в мелких завитушках’.

(2) Слово «*pickey head(ed)*» обозначает ‘имеющий короткие редкие волосы, завивающиеся в плотные маленькие пучки-шарики (при этом проглядывает кожа головы)’. Например: *It was a big bacchanal with my tantie Alma and she pickey head little daughter. Pickey headed – Having very short hair / Having hair in short and spiky rolls / Having hair in big grains / My family doh make no pickey head children. The sisters grew up as people did in the Trinidad of those days, seeing everything in terms of pigmentation, straight hair or ‘picky head’* [Winer, 2009: 692]. ‘Это была незабываемая вечеринка у тетушки Алмы и ее

маленькой дочери с короткими редкими волосами, завитыми в пучки-шарики. Сестры росли как все люди в Тринидаде того времени: они на все смотрели через призму пигментации, выровненных волос или причесок с короткими редкими волосами, завивающимися в плотные маленькие пучки-шарики’.

(3) Слово «*pickey headed*» означает *having very short hair / having hair in big grains* ‘имеющий короткие волосы / волосы, завивающиеся в большие пучки-шарики’.

Слово *pepper-knot* n – *tiny twisted knot in African hair that was cut short and is now growing back (from resemblance of each knot to a round grain of black pepper)* [Winer, 2009: 685]. ‘Пучок курчавых волос, отрастающий после глубокой стрижки’ (в основе данного наименования – сходство пучка курчавых волос и круглого зернышка черного перца)’.

Итак, в основу наименования *pepper-knot* ‘пучок курчавых волос’ положена модель метафорического переноса, построенная на сходстве пучка волос и круглого зернышка черного перца’. Это метафорическая модель кулинарного типа. Например: *Take care you comb out all those pepper-knot* [Winer, 2009: 685]. ‘Постарайся при расчесывании волос избавиться от курчавых узелков’.

Следует помнить, что в карибских креолях разрушена категория числа. Множественное число существительных определяется по левосторонним и правосторонним лексическим единицам по отношению к данному имени существительному: наличие слов *all, those*, суффикса *-dem* (фонетически искаженного местоимения *them*). В самом существительном суффикс множественного числа –s может отсутствовать, но при этом оно воспринимается как существительное в множественном числе.

Семантическое развитие производного тринидадо-тобагского значения *pepper-knot* ‘узелок курчавых волос’ в соответствии с метафорой от исходного английского значения ‘круглое зернышко черного перца’ можно представить в виде следующей метафорической модели кулинарного типа: англ. *pepper-knot* ‘круглое зернышко черного перца’ → метафора → ТрТКр *pepper-knot* ‘узелок курчавых волос’.

Функциональный перенос – вид метафоры, основанный на переносе по сходству функций основного и вторичного референтов наименования, ср. перо (гусиное) – перо (в авторучке): и то, и другое служило инструментом для письма [Москвин, 2007: 802].

(4) В багамском креоле 3 глагола-инновации в соответствии с переносом по функции (или функциональным переносом) употребляются в значении ‘выравнивать курчавые волосы’ по аналогии с словосочетанием ‘гладить одежду’. Например: *Press* – (*press hair – hair that has been straightened out with a hot comb* ‘волосы, выровненные горячей

расческой'. Например: *Her hair press too much; das how come it look stink*) [Holm, 1982: 161] 'Её волосы слишком выровненные, вот почему они выглядят неприятно'.

Глагол *iron* (по аналогии с одеждой) v. to straighten hair with a hot comb <Nassau> [Holm, 1982: 110] 'выпрямлять волосы горячей расческой'.

Семантическое развитие багамской инновации 'выпрямлять волосы горячей расческой' в соответствии с функциональным переносом от исходного английского значения 'гладить (одежду)' может быть представлено в виде следующей метафорической модели: англ. *iron* (one's clothes) гладить (одежду) → функциональный перенос → БагамКр *iron* 'выпрямлять волосы (горячей расческой)'.

Глаголы *press* и *iron* (one's clothes) употребляются в соответствии с функциональным переносом в значении *have one's hair press(ed) / iron(ed)* 'выравнивать волосы'.

(5) *Conk* (ср. US BlackE *conk* 'помада для волос' (Major); 'использовать помаду, содержащую щелок, чтобы выравнивать волосы; волосы, обработанные таким способом') v. (of men) to have one's hair straightened 'выравнивать волосы' (о мужчинах). Например: *my daddy used to get his hair conk* <Nassau> [Holm, 1982: 48]. 'Мой отец обычно выравнивал волосы'.

(6) Аллонимы разных креолов со значением 'женская прическа' приведены в одной словарной статье в словаре DCEU [Allsopp, 1996: 170]: *corn row n* (Car A) // *cane row(s)* (Jmca, Trin, Tbgo) // *guinea row* (Baha, Trin). A Black woman's hairstyle in which the hair is braided in thin, tight rows along the scalp, usually straight from the forehead to the back of the head but often also with spiral and other patterns [Holm, 1982: 95]. 'Прическа чернокожих женщин, у которой волосы заплетают в тонкие, тугие косички, расположенные рядами очень близко к коже головы, обычно от лба к затылку, но нередко ряды располагаются в виде спирали или другого рисунка'.

В этих наименованиях носители вышеперечисленных креолов усматривают сходство между 'четко выраженными (neat) параллельно расположенными косичками (braids)', с одной стороны, и 'рядами посаженной кукурузы или сахарного тростника', с другой (the neat parallel braids and rows of planted corn or of plantation sugar cane). Иными словами, носители креолов усматривают в этих оборотах сходство, которое можно отобразить в следующей метафорической модели: 'ряды посаженной кукурузы / сахарного тростника' = 'четко (параллельно) заплетенные косички'.

В основе этой модели – сходство внешнего вида, формы, расположения предметов в пространстве. Данное сходство на основе метафоры связано с процессами образного мышления и познавательной деятельности человека. Метафора в этом случае

основывается на сравнении нового предмета (женская прическа) с уже известным (посаженная кукуруза / сахарный тростник) и выделении у них общих признаков: ((четко заплетенные на голове ряды косичек + параллельно расположенные (ряды косичек) = (четко посаженные) ряды кукурузы).

(7) В багамском креоле данный вид прически называется в соответствии с метафорой *guinea-corn row*, *guinea-row*, *corn row* (досл.: 'ряды высаженного маиса'). Например: *I could corn-row ya head good* (Nassau). <Black> [Holm, 1982: 95]. 'Я могла бы сделать тебе хорошую прическу с тонкими косичками'.

Таким образом, семантическое развитие производной инновации в багамском креоле от исходного значения 'ряды высаженного маиса' может быть представлено в виде следующей метафорической модели: *guinea corn-row* 'ряды высаженного маиса' → метафора → Багам Кр *guinea corn-row* 'тонкие, тугие косички, расположенные рядами'.

(8) В тринидадо-тобагском креоле такая женская прическа называется в соответствии с метафорой *cane-row* (досл.: 'ряд высаженного тростника'). Например: *Let them see them big strong men with they cane-row hair and they beard, holding they child in they arms in the street and kissing they child*. (Pantin, 1979: 131). *She have she hair plait in some nice cane row* (Baptiste, 1993: 31) [Winer, 2009: 166]. 'Пусть посмотрят на этих сильных бородатых мужчин с прической «ряды тростника», которые держат младенцев на руках и целуют их (Pantin, 1979: 131). У нее прическа «ряды тростника», с уложенными тонкими, тугими косичками'.

(9) В ямайском креоле отмечены лексемы со значением наименования мужских причесок, образованные в ходе семантической деривации. *Sab* sb dial; (from the motion-picture character, 'Sab the elephant-boy'). A method of cutting a man's hair so that it is round, without tapering at the back [Cassidy, 1967: 389]. Прическа *sab* мальчика по имени *Sab*, героя фильма «Сэб – погонщик слонов». 'Мужская прическа, круглая, без сужения в направлении к затылку'.

Семантическое развитие производной инновации в ямайском креоле от исходного значения проприального имени, героя кинофильма по имени *Sab*, может быть представлена в виде следующей метонимической модели: киногерой *Sab* (у которого особая прическа) → метонимия → ЯмКр *sab* 'прическа сэб'.

Данная инновация в ямайском креоле образована в соответствии с метонимией по формуле: «имя автора → его изобретение».

(10) В ямайском креоле сложное существительное *Mary-coat-blue* представляет собой крик птицы *pea-dove Zenaida aurita* ‘антильская горлица’ и наименование самой птицы ‘антильская горлица’ на основе ономотопеи и метонимии. Например:

1847 Gosse 308 *The Mary-coat-blue (pea-dove) subsists on various fruits and seeds: pimento-berries, orange-pips, sop-seeds, castor-oil nuts, physic-nuts, maize and the smaller seeds of pasture weeds are some of his resources* [Cassidy, 1967: 343].

Семантическое развитие производного наименования в ямайском креоле *Mary-coat-blue* происходит в соответствии с метонимией от исходного ономотопа. Его можно представить в виде следующей метонимической модели:

ономотоп *mary-coat-blue* ‘крик птицы *pea-dove* ‘антильская горлица’ → метонимия → ЯМКр *mary-coat-blue* ‘птица антильская горлица’.

(11) В тринидадо-тобагском креоле есть наименование, возникшее редуцированным способом: *qua-qua*. В основе наименования птицы – крик, который она издает.

ЛСВ-1. *qua-qua* n arc *Thamnophilus doliatus*, *T.d. fraterculus*; (арх.) ‘полосатая сорокопутовая муравьеловка-тупик’ (*Trin*), *T.d. tobagensis (Tob)*, (*E barred ant-shrike* ‘полосатая сорокопутовая муравьеловка’), a bird. Male black, barred all over with white; crest white tipped with black, /kwa kwa/. Другие наименования птицы: *bush guinea bird*, *cocoa bird* [Winer, 2009: 736].

qua-qua → ономотопея → ТрТКр *qua-qua* (арх) n arc *Thamnophilus doliatus* ‘полосатая сорокопутовая муравьеловка-тупик’.

ЛСВ-2. *qua-qua* > *Dominica bird*, *guinea bird*, *pintade* ‘капский голубок’. Например: *The name qua-qua which must be derived from its cry, is confined to Tobago, and even there it is dropping out of use, the bird being more generally known as the cocoa or Dominica bird* [Winer, 2009: 736]. ‘Наименование *qua-qua* (‘капский голубок’), образованное от крика птицы, которая встречается в Тобаго. Но и здесь оно выходит из употребления. Эта птица более известна под названиями *cocoa bird* или *Dominica bird*’.

qua-qua → ономотопея → ТрТКр (арх) *qua-qua* ‘капский голубок’ (синонимы: *the cocoa or Dominica bird*; *guinea bird*, *pintade*).

(12) В тринидадо-тобагском креоле наименование ночной длиннохвостой птицы *who-are-you*, *Nyctidromus albicollis*, ‘белогорлый козодой’ образовано на основе ономотопеи и представляет собой вопросительное предложение. Название птицы *who-are-you* (*Nyctidromus albicollis*, ‘белогорлый козодой’) представляет собой звукоподражательно переданный крик этой птицы. Голос птицы воспринимается человеком как минитекст, декодированный и адресованный ей человеком. Например:

Who-are you. Its voice is a far-carrying whistle... based upon a loud, high note followed by a shorter, low one; thus, ker-whee-oo, with accent on middle syllable, sometimes rendered 'Who-are-you?' [Winer, 2009:959]. Пение этой птицы представляет собой протяжный свист, который начинается с громкого крика. А затем переходит в более короткий на низком тоне. Так у птицы получается звучание *ker-whee-oo* «кер-ви-у» с ударением на среднем слоге, которое иногда передается как *'Who-are-you?'*.

(13) В тринидададо-тобагском креоле встречаются наименования птиц, имеющие структуру вопросительного предложения. Это наименование птицы *kiskadee, keskidee, kiskidee, kiskadee, qu'est-ce-qu'il-dit* n *Pitangus sulphuratus* 'большая питанга тринидадская' = [*P. rufipennis* *Saurophagus sulphuratus* = 'большая белоголовая питанга']. Название птицы происходит от ее обычного хриплого невстревоженного крика, который звучит как трехчастное словосочетание французского языка *qu'est-ce qu'il dit, /kiskidi, ksskidi/* и обозначает 'что он говорит?' Например:

One of those birds so common in our cocoa walks, and whose name is derived from its note or call «Qui est que dit». Another but bolder note that constantly meets the ear, is the kesk-adee, (Qui 'est-ce qu'il dit?) which question the bird pronounces very distinctly. I found that the bird song was the French, Qu 'est-ce qu'il dit, which, as you know, is pronounced, with clipped sound, «Kesskedee». The imitation of this interrogatory is perfect. 'Одна из этих птиц, обитающих в наших местах для прогулок, и название которой происходит от ее крика *Qui est que dit* 'что он говорит?', ... Другая разновидность крика – более отчетливого, который можно услышать, это – 'кэскиди?' (*Qui 'est-ce qu'il dit?*) 'что он говорит?', и этот вопрос птица «произносит» очень четко. Я обнаружил, что пение птицы сводилось к произнесению французского 'кэскиди' (*Qu 'est-ce qu'il dit*) 'что он говорит?' Имитация произнесения данного вопроса была безукоризненной'.

В данном случае имеет место народноэтимологическое осмысление названия птицы. Семантическое развитие данного ономатопа можно представить в виде следующей метонимической модели: ономатоп *keskidee, kiskidee, kiskadee, qu'est-ce-qu'il-dit* 'что он говорит?' → народная этимология / метонимия → ТрТКр *qu'est-ce-qu'il-dit* n *Pitangus sulphuratus* 'большая питанга тринидадская'.

(14) В багамском креольском языке наименование птицы *pity-ma-dick* <Black>; *piramidig* (ср. DJE *piramidig* 'виргинский сумеречный козодой' также представляет собой звукоподражательную передачу ее призывного крика («echoic for the bird's cry»)) и является ономатопом: *the nighthawk* (*Chordeiles minor*) 'виргинский сумеречный козодой'

[Соколов, 1994: 149]). В багамском креоле встречаются и другие аллонимы-наименования данной птицы типа сложений (composita): *pretty-ma-dick*, *peter-ma-dick* <Eleu>; *pilly-ma-dick*; *penny-ma-dick* <Mayag, San. Sal.>; *pinny-ma-dick* <Rum Cay>. = *filler--ma-dick*, *killer-ka-dick* [Holm, 1982: 157]. Например: 1880 *Little nighthawk ... Pira-mi-dink*. 1910 *Cuban nighthawk ... called «piramidig» by the natives* [Holm, 1982: 157].

(15) В ямайском креоле на основе ономотопеи построено наименование птицы *gi'-me-me-bit* /*gimimibit*/ *Chordeiles minor* 'виргинский сумеречный козодой' [Соколов, 1994: 148] // *night-hawk*, *mosquito-hawk*, *piramidig*, *duppy-bird*. Например:

1847 *About an hour before the sun sets, we hear a loud, abrupt and rapid repetition of four or five syllables in the air above our heads, resembling the sounds, piramidig, or gi'-me-a-bit, or perhaps still more* [Cassidy, 1967: 197]. 'Приблизительно за час до захода солнца можно услышать вверху, над головой громкое, отрывистое повторение четырех или пяти слогов, что-то наподобие 'пирамидиг' или 'ги-ми-э-бит'.

Наименование птицы *gi'-me-a-bit*; *gi'-me-me-bit* /*gimimibit*/ *Chordeiles minor* 'виргинский сумеречный козодой' имеет структуру предложения в повелительном наклонении.

(16) Сходная «техника» образования наименований птиц имеется в украинском языке. Иволга «говорит», например: «Худо тут! Худо тут!» (ср. украинское наименование удода 'худотут'); филин «говорит»: «Поховав! Поховав!» (ср. украинское диалектное название сыча *Athene noctua* – 'поховав') [Булаховский, 1973: 198]. В украинском языке наименования иволги и сыча *Athene noctua* представляют собой восклицательные предложения.

Описанные наименования птиц в карибских креолях можно отнести к иллитератам. Иллитераты – акустические явления как объект звукоподражания. Иллитераты представляют собой звуки, к осмысленной человеческой речи не относящиеся: шум дождя, щебет птиц и т. д. [Москвин, 2007: 274].

3. Выводы

3.1. Наименования птиц в карибских креолях на англоязычной основе имеют структуру редуцированных слов (тринидадо-тобагский креоль), предложения в повелительном наклонении (багамский креоль); структуру вопросительного предложения (тринидадо-тобагский креоль). Наименования причесок имеют структуру слова или словосочетания, состоящего из ядра и адьюнкта.

3.2. Наименования птиц и причесок в карибских креолях на англоязычной основе образуются в соответствии со следующими приемами семантической деривации: метонимия, метафора, функциональный перенос. В этом заключаются их изоморфные признаки.

3.3. Рассмотренные наименования птиц и причесок в карибских креолях на англоязычной основе представляют собой лексические инновации.

3.4. Различные крики птиц – призывные, спокойные не имеют отношения к осмысленной человеческой речи. «Осмысленные» наименования птиц в карибских креолях на англоязычной основе (напр.: *qu'est-ce-qu'il dit*) объясняются, прежде всего, действием семантического приема народной этимологии. В этом заключается их изоморфизм.

3.5. Наименования птиц в карибских креолях относятся к иллитератам – акустическим явлениям, звукам, к осмысленной человеческой речи не относятся: шум дождя, щебет птиц и т. д. Это также проявление изоморфизма в наименованиях птиц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БагамКр – багамский креоль; ДП – дифференциальный признак; ЗНП – звукоподражательные наименования птиц; НП – наименования причесок; ТГ – тематическая группа; ТрТКр – тринидадо-тобагский креоль; ЯмКр – ямайский креоль; Ваһа – Багамские острова; FR – French – французский язык; FrCr – French Creole – французский-креольский патуа; Jmca – Jamaica – Ямайка; sb – substantive – имя существительное; Tbgo – Tobago – Тобаго; Trin – Trinidad – Тринидад; US Black E – US Black English – английский язык чернокожих американцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л. А. Славянские наименования птиц // Избранные труды в пяти томах. Киев: Наукова Думка, 1973. Т. 3. С. 189-299.
2. Дьячков М. В. Язык крию. Москва: Наука, 1981. 59 с.
3. Нитобург Э. Л. Введение // Этнические процессы в странах Карибского бассейна. Москва: Наука, 1982. С. 3-24.
4. Hosking E. Hosking's Waders, text by W. G. Hale. Pelham books Ltd, 2015. 195 p.
5. Lockley R. M. Ocean Wanderers. David and Charles, 2017. 242 p.
6. Moon G. The Reed Field Guide to New Zealand birds. Reed Publishing (NZ) Ltd., 2016. 249 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. Москва: Советская Энциклопедия, 1969. 605 с.
2. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
3. Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский – русский – английский – немецкий – французский / под общ. ред. В. Е. Соколова. М.: РУССО, 1994. 845 с.
4. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. Oxford, New York. OUP, 1996. 697 p.
5. Cassidy F. G., Le Page R. B. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the University Press, 1967. 489 p.
6. Holm J. A., Shilling A. W., Holm J. A. Dictionary of Bahamian English. Lexik House Publishers. Cold Spring, New York, 1982. 228 p.
7. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. 1039 p.

REFERENCES

1. Bulakhovskiy, L. A. (1973). *Slavyanskije naimenovaniya ptits* [Birds' Slavonic names]. In *Izbrannye trudy v pyati tomakh*. Kiev: Naukova Dumka, T. 3. Pp. 189-299. (In Russ.).
2. Dyachkov, M. V. (1981). *Yazyk krio* [Krio]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Nitoburg, E. L. (1982). *Vvedenie* [Introduction] In *Etnicheskie protsessy v stranakh Karibskogo basseina*. Moskva: Nauka. Pp. 3-24. (In Russ.).
4. Hosking, E. (2015). *Hosking's Waders, text by W. G. Hale*. Pelham books Ltd.
5. Lockley, R. M. (2017). *Ocean Wanderers*. David and Charles.
6. Moon, G. (2016). *The Reed Field Guide to New Zealand birds*. Reed Publishing (NZ) Ltd.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.).
2. Moskvina, V. P. (2007). *Vyrazitelnye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar* [Expressive means of modern Russian Speech. Tropes and figures. Terminological Dictionary]. Rostov n/D: Feniks. (In Russ.).
3. *Pyatyazychnyy slovar nazvaniy zivotnykh. Ptitsy. Latinskiy – russkiy – angliyskiy – nemetskiy – frantsuzskiy* [Five languages dictionary of animal names. Birds. Latin – Russian – English – German – French]. In ed. V. E. Sokolova. M.: RUSSO, 1994. (In Russ.).
4. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage*. Oxford, New York. OUP.
5. Cassidy, F. G., Le Page, R. B. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the University Press.
6. Holm J. A., Shilling A. W. (1982). *Dictionary of Bahamian English*. Lexik House Publishers. Cold Spring, New York.
7. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca.

Дроздов Владимир Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода (e-mail: drozdov.va1950@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Vladimir A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Translation Studies Department (e-mail: drozdov.va1950@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 сентября 2019 г.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «КОРАБЕЛЬНОЕ БРАТСТВО» И ПОРТУГАЛИЗМЫ-АРХАИЗМЫ В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

В статье рассмотрены архаизмы тематической группы (ТГ) «Корабельное братство» и португализмы-архаизмы. Выявлены изоморфные и алломорфные признаки рассматриваемых архаизмов. Установлены синонимические отношения между единицами ТГ «Корабельное братство», а также особенности португальских архаизмов.

Ключевые слова: архаизм, историзм, синоним, изоморфизм, алломорфизм, креоль.

© 2019 V. A. Drozdov

THEMATIC GROUP «SHIP BROTHER» AND PORTUGUESE ARCHAISMS IN CARIBBEAN ENGLISH-BASED CREOLES

The article investigates thematic group (TG) «Ship brother» archaisms and Portuguese archaisms. It reveals isomorphic and allomorphic features of the above archaisms. The article shows synonymic relations between the lexical units of TG «Ship brother» and shows specific traits of Portuguese archaisms.

Key words: archaism, historism, synonym, isomorphism, allomorphism, creole.

Обогащение словарного состава языка при помощи заимствований – обычное следствие взаимодействия разных народов и наций на почве политических, торговых, экономических отношений [Реформатский, 1967: 482]. В данном исследовании рассматриваются тематическая группа (далее ТГ) существительных, объединенных понятием «Корабельное братство», а также португальские архаизмы на примере карибских креольских языков – ямайского, багамского и тринидадо-тобагского на англоязычной основе.

Заимствование лексических единиц в карибские креоли из других языков мы рассматриваем в качестве первого шага становления лексических инноваций. Следует отметить, что иностранные лексические заимствования в карибских креолях обычно отличаются изменениями фонетического состава и семантики. Случаи, «когда в заимствующем языке слово получает значение, которого оно вовсе не имело в языке из которого пришло, объясняются дальнейшим развитием значения в заимствовавшем языке с утратой первоначального значения» [Арнольд, 1959: 237].

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере ТГ «Корабельное братство», а также португальских архаизмов в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креолях показать, какие изменения претерпевает английский язык на новых территориях своего распространения, а именно в англоязычных креолях Карибского

бассейна, при каких условиях, при новом или старом плане выражения формируется старый план содержания.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: 1) установить изоморфные признаки ТГ «Корабельное братство» и португальских архаизмов в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креолях Карибского бассейна; 2) выявить алломорфные признаки ТГ «Корабельное братство» и португальских архаизмов в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях.

Задачи исследования и специфика материала обусловили применение таких **методов исследования** как анализ словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа, метод количественных подсчетов. Объем выборки составил 1190 архаизмов. Из них: в ямайском креоле – 535 архаизмов, в багамском – 240 архаизмов, в тринидадо-тобагском креоле – 415 архаизмов.

Обзор отечественной и зарубежной литературы по теме исследования. К. Ажеж отмечает примечательное сходство креольских языков между собой [Ажеж, 2003: 41]. Португальские архаизмы в карибских креолях на англоязычной основе были унаследованы от португальского пиджина 16 века. Опираясь на компонентный подход, М. Корум исследует происхождение локативных значений предлога «for» в западно-африканском пиджин-инглиш [Corum, 2017: 43-82]. С позиций социолингвистической перспективы Кристин Офулуэ рассматривает нигерийский пиджин и западно-африканские пиджины в сопоставительном плане [Ofulue, 2017: 1-42]. В. Дж. Самарин исследует роль переводчиков-рабов в происхождении португалоязычного пиджина. Он пишет о том, как переводчики-рабы способствовали становлению пиджинизированного португальского [Samarin, 2018: 1-20].

ТГ «Корабельное братство» в карибских креолях на англоязычной основе. Очень важную роль в жизни негров Вест-Индии играли новые социальные связи, возникшие на вест-индской почве. Одним из примеров может послужить «братство по кораблю», объединявшее рабов, которые пересекли океан в одном и том же невольничьем судне.

В ямайском креоле лексема *shipmate* (sb dial obs) выступает в роли архаизма. *Shipmate* (sb dial obs) A fellow-slave who was brought from Africa in the same ship as another. 'Раб-соплеменник, привезенный из Африки в том же корабле, что и его товарищ' (обс.).

1823 Koromantyn 149, *To their companions in misery, borne over the deep in the same ship, these sympathies are more peculiarly manifested; the term 'shipmate' implying an union of the most enduring nature, an indissoluble bond* [Cassidy, 1967: 406]. 'По отношению к своим товарищам по несчастью, которые плыли через океан в одном и том же корабле, эти

чувства сострадания проявляются больше обычного. 'Корабельное братство' понимается как самый прочный союз, как нерушимая связь' (перевод наш). Например:

1837 Sterne 16, Q. 'Are you and these four men friends?' A. 'the first is my son, one is my shipmate, Thompson is my Godson'. 'К.: – Ты и эти четверо – друзья? – А.: Первый – мой сын, другой – мой корабельный товарищ, Томпсон – мой крестник'. 1863 Waddell 107 (year 1836), *His clean white Osnaburgh frock and trousers that a 'shipmate', good as a daughter to him, had always ready. She was called his daughter. The attachment of the slaves, who had come in the same vessel, to each other was like that of blood relations* '... привязанность рабов, приехавших в одном корабле, друг к другу, была наподобие кровных отношений' (перевод наш) [Cassidy, 1967: 406].

В словаре COED (БОС) в словарной статье *Ship sb* 9 приведена следующая информация в связи со значением слова *shipmate*.

COED: *Ship sb* 9. *a Special comb.: to be ship-mates with, to sail in the same vessel with; hence transf., to be acquainted with, to have knowledge of (colloq.)*; 'Особое словосочетание: *to be ship-mates with* 'быть друзьями по кораблю; плыть в одном и том же корабле с кем-то'; на этом основании фигуральное значение: 'быть знакомым с кем-то, знать кого-то (разг.)'. Например:

1748 Anson's Voy. iii. iii. 329 *Our Commander and *Shipmates*. 1840 R. H. Dana Bef. Mast xiii, *A handsome, hearty fellow, and a good shipmate*. 1876 W. Lamont *Yachting in Arctic Seas* 13 *These six Tromsönians were, in seagoing phrase, the hardest bargains I was ever shipmates with*. 1880 W. C. Russell *Sailor's Sweetheart* III. ii. 60, *I had never been shipmates with an island of this kind before*. 1883 Stevenson *Treas. Isl.* ii, 'You know an old shipmate, Bill, surely', *said the stranger*. 1961 G. Foulser *Seaman's Voice* i. 13, *I was never shipmates with a boom mainsail*. [COED, 1993: 1745/274].

Семантическое развитие производного значения в ямайском креоле *shipmate* (obs) происходит от исходного английского словосочетания *to be ship-mates with smb* в соответствии с сужением значения и может быть представлено в виде следующей записи:

COED (БОС) *to be ship-mates with* 'плыть на том же корабле; (переносное значение) 'быть знакомым с кем-либо; знать кого-то' → специализация значения → ЯмКр *shipmate* (obs) (арх.) 'корабельный брат; раб-соплеменник, привезенный из Африки на том же корабле, что и его товарищ'.

В словаре ямайского креоля имеется помета, в которой говорится, что «слово *shipmate* является забытым сегодня (now forgotten but cf *pasiero*)» [Cassidy, 1967: 406]. В словаре дается ссылка обратиться к слову *pasiero, pasayro*.

В ямайском креоле ЯМКр слово *pasiero, pasayro, pasearo, pasero, pasiera, passeiro* < Sp *pasajero* (Pg *passajeiro*) обозначает ‘путешественник, пассажир’. Вероятно, исходное значение у лексической единицы *pasiero* то же, что и у слова *shipmate* или у слова *carabela* в кубинском варианте испанского языка, но сейчас оно ослабленное и не четко очерченное’ (т. е. оно обозначает: *A good friend or companion* ‘хороший друг или товарищ’) [Cassidy, 1967: 341]. Например:

1943 Gl Kgn, StAnn, *Pasayro, Pasearo, a fellow, a friend* ‘приятель, друг’. 1954 LeP StAnn, *Passeiro – inseparable companion* ‘неразлучный друг’. 1955 FGC Man, *A good friend: ‘Me good /pasiero/* ‘хороший друг’. 1956 Mc Port */pasiero/*. 1959 LeP StAnd, *My pasero – my pal or best friend* ‘мой лучший друг’ [Cassidy, 1967: 341].

Семантическое развитие производного значения заимствования *pasiero* в ЯМКр от исходного испанско-португальского заимствования Sp *pasajero* происходит в соответствии с сужением значения, и его можно отобразить в виде следующей записи:

Sp *pasajero* (Pg *passajeiro*) ‘путешественник, пассажир’ → специализация значения → ЯМКр *pasiero, pasayro, pasearo, pasero, pasiera, passeiro* ‘хороший друг или товарищ’ [Cassidy, 1967: 341].

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что слово *shipmate* – архаизм. Если историзм – слово, вышедшее из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемый им предмет уже неизвестен говорящим как реальная часть их повседневного быта [Ахманова, 1969: 185], то лексемы *pasiero, shipmate* – известны говорящим на ямайском креоле в их повседневном быту. Слово ЯМКр *pasiero* является живым синонимом слову *shipmate*. Именно поэтому слово *shipmate* является архаизмом, а не историзмом. Отношения между словами *shipmate* и *pasiero* можно назвать синонимичными.

В тринидадо-тобагском креоле слово *jahaji, jehaji* обозначает *someone who travelled to Trinidad from India on the same ship* [Winer, 2009: 459]. ‘Тот, кто плыл из Индии в Тринидад на одном и том же корабле с кем-то’ и имеет синоним *shipmate* ‘товарищ / брат по кораблю’. Например:

There were 1100 bound coolies on the Estates. On Saturday, they went to Waterloo to visit Jehajis (shipmates). Fictive kin ties (especially ones based on jihaji relationships forged on the voyage from India) often played a significant role in determining post-indenture settlement patterns (Vertovec 1992: 75). Among the later people to come from around 1890 or so the names of Jahaji Bhais and Bahens (ship companions) also helped to put truth to your find (Deen 1994: 119) [Winer, 2009: 459].

В индийских языках бходжпури, хинди и ангика (< Bh-Ang-H *bhal bhaiya* ‘brother; friend’) словосочетание *jahaji bhai* обозначает *a shipmate friend, usu. male; jahaji brother*

[Winer, 2009: 459] ‘брат по кораблю’. Например:

*Many who travelled on the same ship regarded one another as blood relations. This is quite understandable. They had shared common experiences at sea – some pleasant, others painful or humiliating. I remember elderly villagers in Trinidad greeting one another as «jahaji bhai» «ship brother» (Ramsaran 1988: 95). ‘Многие из тех, кто ехал на одном и том же корабле считали друг друга кровными родственниками. Это и понятно. В море они испытали много переживаний – приятных и неприятных. Мне вспоминается, как пожилые односельчане приветствовали друг друга, говоря: «Корабельный брат!»’ (перевод наш). *Deep friendship – the renowned jahaji bhai, or ‘ship brother’ relationship – was often forged between diverse individuals (even between Hindus and Muslims) on the voyage to the new country, such friends often sought to serve their indenture contracts on the same estates (Vertovec 1992: 93). ‘Child, my father and his grandfather come on the same boat from India. They was «jahaji bhai» – brothers in the journey. They come from the same Bihari village. They was more than brothers’ [Winer, 2009: 459] ‘Малыш, мой отец и его дед приехали на одном и том же корабле из Индии. Они были братьями по кораблю. Родом они из одной и той же деревни. Они более, чем братья’ (перевод наш).**

С другой стороны, в индийских языках (Bh-Ang) выражение *jahaji bahin* n A female shipmate friend обозначает ‘сестра по путешествию на корабле’. Например:

It is my humble wish that we say a prayer for our jahaji bhais and bahens in Guyana that they may one day liberate themselves from poverty and political oppression that they find themselves in (EX-S 14 Oct 1990: 23). Among the later people to come from around 1890 or so the names of Jahaji Bhais and Bahens (ship companions) also helped to put truth to your find. But I have noticed that for prior to that year today’s people have difficulty remembering their ancestor’s Jahajis [Winer, 2009: 459]. ‘Я заметил, что сегодня люди почти не знают корабельных братьев и сестер своих предков’ (перевод наш).

В XV веке в различных частях света (в Западной Африке, Южной Америке, Юго-Восточной Азии) сформировались и получили распространение варианты португалоязычного пиджина или нескольких португалоязычных пиджинов. Первый англоязычный пиджин сформировался в XVI веке на побережье Западной Африки [Дьячков, 1981: 9].

В тринидадо-тобагском креоле имеются некоторые лексические единицы, которые представляют собой типичные приметы португалоязычного пиджина, распространенного некогда в Южной Америке и других ареалах. К таким чертам некогда существовавшего португалоязычного пиджина относится глагол *sabby, sabbee, saby, savvu* – ‘знать (что-либо; о чем-либо)’.

1. Глагол *sabby, sabbee, saby, savvy* – know; know about; ‘знать (о чем-либо)’. (Obs) (Уст.) (Распространенная черта «пиджина» или «торгового» английского возм.< порт / исп *saber* ‘знать’) (перевод наш). Например: 1809 *When asked if God would forgive him, if he were not baptized, he ans, me no go savvy dat.* 1825. *Me no allow dat sort of ting? Me take away your cutlashes, you savey dat?* 1827. *patience wid full belly sabby tell hungry belly «keep heart!»* 1853. *Massa, You sabby read?* 1854. *Hey, go ‘way! Me sabey very well what fore do.* 1888. *It needs a little apprenticeship for you to understand that when your newly engaged Oriental servant tells you «Gi um pittu mangy, massa, me sabby do um allsometing dis side».* [Winer, 2009: 775].

1a. *n* Knowledge, sense; *savvy* ‘знание; умение’. 1858. *He no hab sabby nuf fou Massa Hinde. Oui foutre! Massa Hinde chap he up lek me bin nuise fou chap beef fo!*

2. Глагол *saber* *v obs* (уст.) ‘знать’. (Распространенная черта «пиджина» или «торгового» английского: возм. < порт / исп *saber* ‘знать’= *sabby* 1) (перевод наш). Например: 1849. *He leave Massa Chase for we – who saber only for say Amen!* 1849. *Me hear ‘y backra say that Massa Parson gone to Goldaformia to dig for gold, and that he leave Massa Crawford for we – who saber only for say the Amen!* [Winer, 2009: 775].

ТГ «Метисация». *Potogee, potagee, puteegee, putegee* – ‘a person of Portuguese descent, or a White Creole, thought to be of Portuguese descent; a Portuguese’ ‘человек, португалец по происхождению или белый креол (White Creole), о котором думают, что он португалец по происхождению = португалец’. Например: 1904. *Ah pay ah Poteegeeman half-a-shilling fo bred wey ah did truss from him, and a gi’ a po fellar wey is me from a shilin.* 1994. *Too besides he is not even Spanish, He is a Potagee!* 1995. *She always going all about like a Potogee midwife.* 2004. *Three rabs and me, take a turn behind a poetegee fellah* [Winer, 2009: 717].

В ямайском и багамском креолях распространенной чертой «пиджина» или «торгового» английского языка является использование формы *done* в качестве маркера завершенности действия [Holm, 1982: 63; Cassidy, 1967: 156].

В португалоязычном пиджине XV–XVI веков эта типичная примета – маркер завершенности действия была представлена формой *caba* [< порт. *acabar*]. Д. Тэйлор отмечает, что слово *caba* употребляется для обозначения завершенного действия в эрмитаньо, кавитеньо и самбоангуэньо, а также в сранан-тонго. Деривативы от португальского *acabar* встречаются также в папиаменту, индо-португальском, маканезском и других креолизированных диалектах Старого Света [Томпсон, 1972: 483].

В современном португальском языке имеется конструкция *acabar de + Inf.* – ‘только что’: *acaba de chegar* – ‘он только что пришел’ [Хлызов, 2001: 16]. Эта португальская конструкция точно соответствует устарелой факультативной модели завершенности действия в БрА XVI века и субстандартной американской модели завершенности в АМА

XIX-XXI веков. Ср COED *do* «Шотландские поэты XVI века расширили использование перифрастических форм с инфинитивом: *done* + Инф. Например: 1508. *He has done petuously devour the noble Chaucer, of Makaris flour.* 1556. *As I afore have done discuss* [COED, 1993: 461/906]. *Done* указывает на завершённое действие: 1966 *She done got a big pan* [Holm, 1982: 63].

Предглагольный маркер *done*, вероятно, происходит от такого африканского маркера комплетивности действия, как форма *tun* в языке мандинго, которая конвергировала с английской формой *done* [Holm, 1982: 63].

Таким образом, модель завершенности действия, которая в португалоязычном пиджине выражалась формулой *caba de comer* ‘я закончил есть; я только что поел’, подверглась релексификации, и в карибских креолях в XXI веке у нее план выражения имеет вид: *(have) done* + Inf. Данная модель является сохранившейся приметой «пиджина» или «торгового» английского языка XVI–XVII веков. (Релексификация – процесс замещения слова или группы слов одного языка соответствующим словом или группой слов другого языка без грамматического согласования вводимых замещающих элементов [COED, 1993: 1551/561] (перевод наш).

В словаре ямайского креоля говорится, что *done* в позиции после глагола указывает на завершенность действия глагола. Например: 1839 Mc Mahon 58, *We pray to God to take poor nega, before backra kill him done.* 1877 Murrey 9, *When him drink done, him fling de bottle in a sea* [Cassidy, 1967: 156].

В ямайском креоле к португальским заимствованиям относится слово *pickney, piccanini, piccanny*. Prob. < Portuguese pidgin-English (cf similar forms in African pidgin-English, e. g. Cameroons, Sierra Leone) < Pg *pequenino*, ‘маленький ребенок’ [Cassidy, 1967: 348]. ‘Возможно, эта лексема происходит из португальского пиджин-инглиш (ср. подобные формы в африканском пиджин-инглиш, например: пиджин-инглиш Камеруна, Сьерра Леоне)’ < Pg *pequenino*, ‘маленький ребенок’. Ср. DA 1653 → (перевод наш). ЛСВ-1. *A child, esp a very young child* ‘ребенок, особ. очень маленький ребенок’.

Например: 1707 Sloane lii, *Their children call'd piganinnies or rather Pequenos Ninnos, go naked till they are fit to be put to clean the Paths.* 1790 Moreton 152, *Pickinnies* (i. e. *children*). 1907 Jekyll 40, *Now Toad have twenty picny.* 1927 Stafford 26, *She drives away the picnies from the muscovado sugar* [Cassidy, 1967: 348].

В багамском креоле лексема *bunday /bondey/* происходит от португальского выражения *bom dia* ‘добрый день’ или от Фр *bon Dieu* ‘господь Бог’. S. Norton (p. c.), опираясь на особенности чередования звуков /w, v, b/, считает, что данное слово происходит от *one day*

‘однажды’, Последняя трактовка поддерживается словарем KED языка крио, где данное слово получает трактовку *wan de ya* ‘однажды’. В английском языке Камеруна этому слову приписывают значение *some day been dey* (Todd 1979). При этом обе последние гипотетические трактовки обозначают ‘*once upon a time*’ ‘жили-были; жил-был ...’, а также гаитянский зачин сказок *wala yon jou* ‘однажды; жил-был’ [Holm, 1982: 32].

Междометие *bunday /bondey/* ЛСВ-1. Используется как зачин сказки: *bunday* (ср. *once upon a time* ‘жили-были’). Это слово – восклицание, используемое чтобы привлечь внимание слушателей к сказке, а также, чтобы ее завершить [Holm, 1982]. Например: 1918 *Bondee* = ‘end’ (Parsons 30). *Bondee*. ‘Вот и сказке конец’.

В багамском креоле имеются португальские заимствования *peel-head, poco-poco, pickaninny* и др. *Peel-head* (‘важный семантический переход от значения *peel* ‘to strip smth of its outer layer’ ‘лишать что-либо внешнего слоя’ указывает на влияние порт. *pellado* ‘лысый’, что поддерживает теорию релексификации [Holm, 1982: 153]; ср. в языке сранантонго *Piri-edé* ‘лысый’) ‘лысый’. Ср. *ball-head, ball-plated, shine-head, mangy-head*.

Семантический процесс релексификации производного значения в багамском креоле можно показать в виде следующей записи: порт. *pellado* ‘лысый’ → релексификация → Багам Кр *peel-head* ‘лысый’.

Таблица. Семантические пути становления архаизмов в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях

Наименование тропа или фигуры	Креольский язык					
	Ямайский		Багамский		Тринидадо-тобагский	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Отсутствие семантического развития	211	39,44	115	47,92	224	53,98
Метонимия и синекдоха	180	33,64	26	10,83	91	21,92
Метафора	82	15,32	40	16,66	36	8,67
Сужение значения	62	11,58	59	24,58	64	15,42
Всего	535	100	240	100	415	100

На основании данного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. К зоне изоморфизма ТГ «Корабельное братство» в ямайском и тринидадо-тобагском креолях относится синонимическая доминанта *shipmate* ‘брат по кораблю’.

2. Сферу алломорфизма в сравниваемых карибских креолях образует лексема *pasiéro* в ямайском креоле и лексемы *jihadji bhai, jihadji bahin, jihadji brother* ‘брат по путешествию на корабле; корабельный брат’ в тринидадо-тобагском креоле.

3. В тринидадо-тобагском креоле слова *shipmate*, *jahaji bahin* 'сестра по путешествию на корабле' образуют синонимическую пару, а слова *shipmate*, *jehaji*, *jahaji bhai* 'корабельный брат' образуют один синонимический ряд, выступая в функции архаизмов.

4. В группе португализмов-архаизмов алломорфными являются *Potogee* в тринидадо-тобагском креоле, зачин и концовка сказки *Bonday!* ('Ну-ка слушайте!' или 'Вот и сказке конец!') и *peelhead* 'лысый' в багамском креоле.

5. В зону изоморфизма португальских архаизмов входят лексемы *pickney* в ее различных орфографических вариантах в тринидадо-тобагском и других креолях; модель завершенности действия с формой *done*, а именно: Причастие II + Инфинитив *I have done eat* 'я только-что поел', которая имеется во всех трех креолях и восходит к английскому языку шотландских поэтов XVI века. Изоморфной представляется также лексема *sabbee* 'знать; знание' (тринидадо-тобагский креоль), имеющаяся в различных креолях и легшая в основу наименования лингва-франка сабир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж Клод. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки; пер. с фр. Б. П. Нарумова. Москва: Эдиториал УРСС, 2003. 304 с.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 351 с.
3. Дьячков М. В. Язык крио. Москва: Наука, 1981. 59 с.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Москва: Просвещение, 1967. 542 с.
5. Томпсон Р. У. Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизированные диалекты Старого и Нового Света // Новое в лингвистике. Москва: Прогресс, 1972. Вып. VI «Языковые контакты». С. 478-485.
6. Corum M. On the origins of the locative «for» in West-African pidgin English: A componential approach // Legon Journal of the Humanities. Special edition. Univ. of Ghana, 2017. P. 43-82.
7. Ofulue I. Christine. Nigerian Pidgin & West African Pidgins: A sociolinguistic Prerspective // Legon Journal of the Humanities. Special edition. Univ. of Ghana, 2017. P. 1-42.
8. Samarin W. J. Slaves and interpreters in the origin of Pidgin Portuguese // Portuguese. 2018. P. 1-20.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. Москва: Советская Энциклопедия, 1969. 605 с.
2. Хлызов В. Португальско-русский и русско-португальский словарь. Москва, 2001. 926 с.
3. Cassidy F. G., Le Page R. B. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the University Press, 1967. 489 p.
4. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. Clarendon Press. Oxford. Published in the USA by OUP, Inc. New York. 1993. 2572 p. [COED].
5. Dictionary of Bahamian English by John A Holm with Alison Watt Shilling. Lexik House Publishers. Cold Spring, New York, 1982. 228 p. [Holm].
6. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. 1041 p. [Winer].

REFERENCES

1. Hagege, Claude. (2003). *Chelovek govoryashchiy: vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki* [A speaking person: Linguistic contribution to arts]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
2. Arnold, I. V. (1959). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Modern English Lexicology]. Moskva: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.).
3. Dyachkov, M. V. (1981). *Yazyk Krio* [Krio]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Reformatskiy, A. A. (1967). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
5. Thompson, R. U. (1972). *Zametka o nekotorykh chertakh sblizhayushchikh kreolizovannye dialekty Starogo i Novogo Sveta* [A Note on some features relating to creolized dialects of the Old and New World]. In *Novoe v lingvistike*. Moskva: Progress. Pp. 478-485. (In Russ.).
6. Corum, M. (2017). On the origins of the locative «for» in West-African pidgin English: A componential approach. In *Legon Journal of the Humanities*. Special edition. Univ. of Ghana, Pp. 43-82.
7. Ofulue, I. (2017). Christine. Nigerian Pidgin & West African Pidgins: A sociolinguistic Prerspective. In *Legon Journal of the Humanities*. Special edition. Univ. of Ghana, Pp. 1-42.
8. Samarin, W. J. (2018). Slaves and interpreters in the origin of Pidgin Portuguese. In *Portuguese*. Pp. 1-20.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.).
2. Khlyzov, V. (2001). *Portugalsko-russkiy i russko-portugalskiy slovar* [Portuguese-Russian and Russian-Portuguese Dictionary]. Moskva. (In Russ.).
3. Cassidy, F. G., Le Page, R. B. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the University Press.
4. *Compact Oxford English Dictionary*. Complete text reproduced micrographically. Clarendon Press. Oxford. Published in the USA by OUP, Inc. New York. 1993.
5. *Dictionary of Bahamian English* by John A Holm with Alison Watt Shilling. Lexik House Publishers. Cold Spring, New York, 1982.
6. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca.

Дроздов Владимир Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода (e-mail: drozdov.va1950@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Vladimir A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Translation Studies Department (e-mail: drozdov.va1950@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 16 сентября 2019 г.

УДК 811.11'373.237:811.161.1

© 2019 В. Д. Калиущенко, Д. Д. Ищенко

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА «СТОЯТЬ» В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена сопоставительному исследованию полисемии глаголов со значением «стоять» в немецком, английском и русском языках. В семантической структуре трех глаголов отмечено 42 лексико-семантических вариантов (ЛСВ), только часть из которых отмечена во всех трех языках. Наибольшим набором ЛСВ характеризуется английский язык. Среди исследуемых ЛСВ преобладают единицы с переносным значением.

Ключевые слова: семантическая структура, статальный позиционный глагол, сопоставительное изучение, лексико-семантический вариант.

© 2019 V. D. Kaliuščenko, D. D. Ishchenko

SEMANTICS OF THE VERB «TO STAND» IN GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN

The paper deals with the comparative study of verbs polysemy with the meaning «to stand» in the German, English and Russian languages. In the semantic structure of the verbs, 42 lexical-semantic variations (LSV) are noted, only a part of which is marked in all three languages. English is characterized by the largest number of LSVs. Units with figurative meaning prevail among the variations under consideration.

Key words: semantic structure, static positional verb, comparative study, lexical-semantic variation.

1. Введение

Данная работа посвящена сопоставительному исследованию позиционных глаголов со значением «стоять» в трех языках – *stehen* в немецком; *to stand* в английском и *стоять* в русском. При этом речь идет не только о прямых значениях рассматриваемых глаголов, но и об их производных, возникающих вследствие вариативных способностей основного значения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания семантики рассматриваемых глаголов различных языков в сопоставительном аспекте, с учетом их семантических, синтаксических и стилистических особенностей, а также данных об их семантической сочетаемости.

Семантика позиционных глаголов изучалась многими авторами (Ю. Д. Апресян [Апресян, 1995], J. Newman [Newman, 2002], Th. Ballmer [Ballmer, 1986], А. Вежицкая [Вежицкая, 1996] и С. Г. Шафиков [Шафиков, 2005] и др.). Так, в частности, Ю. Д. Апресян рассматривал семантическую структуру позиционных глаголов типа

лежать, стоять, сидеть, а также связанные с ними квазисинонимические лексические средства [Апресян, 1974].

Целью настоящей работы является сопоставительное изучение семантики глагола «стоять» в трех языках.

Материал исследования составили данные о семантике глагола «стоять» в словарях (см. список лексикографических источников [1–8]). В целом у данного глагола в трех языках было отмечено 42 ЛСВ, из них 27 в английском, 24 в немецком и 15 ЛСВ в русском языках.

2. Этимология глагола «стоять» в немецком, английском и русском языках

Исследуемый глагол во всех трех языках имеет индоевропейское происхождение, его архетип в праиндоевропейском языке имеет форму **sta*, означающую «стоять», «ставить», а также имеющую непосредственное значение «место или предмет, который стоит».

Согласно «Этимологическому словарю немецкого языка» Ф. Клуге [Клуге, 1884], глагол *stehen* происходит от прагерманской формы **stē-n-* (**standan*).

Согласно словарю «An Etymological Dictionary of Modern English» [Weekley, 1921] первые упоминания глагола со значением «стоять» в английском языке относятся ко времени до 900 г. В древнеанглийском данный глагол имел форму – *standan*, в др.-сакс. *standan*, в ср.-гол. *standen*, в др.-в.-нем. *standan*. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» [Фасмер, 1973] утверждает, что в русском языке исходный глагол *стоять* берет свое начало от праславянской формы **stojati*, которой присуще то же значение. Таким образом, можно проследить, что в период своего становления от праязыка до современных немецкого, английского и русского языков глагол «стоять» сохранил свою функционально-семантическую устойчивость, имеет очень древние, индоевропейские корни, а также широкий диапазон внешних генетических связей.

3. Прямые значения глагола «стоять» в трёх языках

Исследуемый глагол в трех языках в своих прямых и переносных значениях принадлежит к группе позиционных, поскольку он конкретизирует позицию субъекта [Арнольд, 1986]. Опираясь на семантическую структуру, можно их рассмотреть в некоторых соотносительных группах.

3.1. В английском языке у глагола *to stand* отмечено шесть прямых значений:

1) «Находиться в вертикальном положении на ногах, не двигаясь с места (о живых существах)» – ЛСВ, описывающий нахождение в состоянии одушевленного субъекта, например: *I stood outside waiting for him* ‘Я стоял снаружи, ожидая его’.

2) «Находиться в вертикальном положении (о предметах)»: – ЛСВ, описывающий нахождение в состоянии неодушевленного объекта, например: *The lamp stands on the table* ‘Лампа стоит на столе’.

3) «Находиться, быть поставленным, расположенным где-л., каким-л. образом», например: *The castle stands on a hill* ‘Замок расположен на холме’.

4) «Занимать положение относительно чего-л.», например: *The photograph shows the happy couple standing beside a banana tree* ‘На фотографии изображена счастливая пара, стоящая рядом с банановым деревом’.

5) ЛСВ, обозначающий принятие вертикального положения, например: *He took off his shoes and stood on the carpet* ‘Он разулся и встал на ковер.’ ЛСВ данной группы обозначает не только начало нахождения, но и само действие, приводящее к возникновению локального отношения.

6) ЛСВ, описывающий каузирование принятия вертикального положения, например: *Noel stood the log and walked a few steps back* ‘Ноэль поставил бревно и отошёл на несколько шагов назад’ [Leech, 1987; Whiting, 1932].

3.2. Немецкий глагол *stehen* и русский глагол *стоять* соотносятся только с первыми четырьмя ЛСВ английского глагола *to stand*, например:

1) «находиться в вертикальном положении на ногах, не двигаясь с места (о живых существах)»:

нем. *Er steht in Hut und Mantel* ‘Он стоит в шляпе и в пальто.’

рус. *Они стояли на перекрестке.*

2) «находиться в вертикальном положении (о предметах)»:

нем. *Das Buch steht im linken Regal* ‘Книга стоит на левой полке.’

рус. *Ваза стоит на столе.*

3) «находиться, быть поставленным, расположенным где-л., каким-л. образом»:

нем. *Die Sonne steht am Himmel* ‘Солнце находится на небе.’

рус. *Перед домом стоял вяз.*

4) «занимать положение относительно чего-л.»:

нем. *Der Schreibtisch steht schräg vor dem Fenster* ‘Стол стоит по диагонали перед окном’.

рус. *Колеса неровно стоят относительно кузова.*

В качестве эквивалентов двух других английских ЛСВ в немецком языке функционируют другие глаголы. Например, значение «вставать» выражает инхоативный

глагол, то есть глагол с семой начинательности *aufstehen* (например: *Er ist heute wohl mit dem linken Bein aufgestanden* ‘Он, наверное, встал сегодня с левой ноги’), значение «ставить» выражает каузативный глагол *stellen* (например: *Fritz stellt das Glas auf den Tisch* ‘Фриц ставит стакан на стол’) [Калиущенко, 2016].

3.3. Аналогично немецкому в русском языке инхоативное и каузативное значения выражаются другими глаголами, не являющимися семантическими дериватами глагола *стоять*, хотя и однокорневые с ним, а именно *вставлять* и *ставит* [Апресян, 2009].

Отличительной чертой глаголов *стоять*, *stehen*, *to stand* является указание одной из объективно допустимых позиций. К главным признакам, определяющим одну из позиций исследуемого глагола, лингвисты относят следующие:

- контактируемая площадь с опорой (у глагола *стоять* – минимальная);
- пространственная ориентированность (*стоять* – вертикальная);
- функциональность (*стоять* – положение в пространстве).

Однако компонентный анализ структуры глаголов, принадлежащих к группе позиционных, позволил определить, что в ряде контекстов сема «позиция», отличающая данные глаголы от локальных и абстрактных, нейтрализуется или видоизменяется. Следовательно, появляются ЛСВ, обладающие непозиционным значением: локальное (локальные ЛСВ) или экзистенциальное (экзистенциальные ЛСВ). К тому же, с одной стороны, «изменение семантики позиции в пространственную способствует увеличению значения (такой семантический признак как «вертикальное, вертикально-горизонтальное, горизонтальное положение» уходит на второй план)», но, с другой стороны, «ни один из этих глаголов не может сочетаться со всеми объектами, как глагол *находиться где-либо*» [Табаченко, 2010].

Непозиционные ЛСВ глагола в русском, немецком и английском языках со значением «стоять» не только подчеркивают завершение движения (рус. *поезд стоит*, нем. *der Zug steht*, англ. *the train stands*), но и сам активный процесс (рус. *Он стоял за правду*, нем. *Wir standen für die Ehre* ‘Мы стояли за честь’, англ. *We stood for truth* ‘Мы стояли за правду’).

4. Переносные значения глагола «стоять» в трех языках

Компонентный анализ структуры глаголов, принадлежащих к группе позиционных, позволил определить, что в ряде контекстов сема «позиция», отличающая данные глаголы от локальных и абстрактных, нейтрализуется или видоизменяется, появляются новые значения [Шафиков, 2005]. Рассмотренные ниже ЛСВ глагола «стоять» являются

переносными, которые можно объединить в пять групп. (Ниже в каждой группе будут рассмотрены в качестве примеров глаголы в двух подгруппах).

4.1. Первая группа, включающая три ЛСВ, содержит в себе общие переносные значения для всех трех языков, например:

1) «быть написанным, напечатанным, изображенным где-л., на чем-л.; значиться где-л.»:

нем. *Das hat in der Zeitung gestanden* 'Это было написано в газете' (букв. 'Это стояло в газете').

англ. *Leave it as it stands* 'Оставь так, как написано' (букв. 'Оставь, как это стоит').

рус. *Название стоит в начале предложения.*

2) «находиться в бездействии; не работать»:

нем. *Die Uhr steht* 'Часы стоят'.

англ. *The mines [the works] stood all last week* 'Рудники [заводы] стояли всю прошлую неделю'.

рус. *Часы стоят* и др.

3) «защищать, поддерживать»:

нем. *Er stand hinter diesem Mann* 'Он защищал этого мужчину' (букв. 'Он стоял за этим мужчиной').

англ. *He will stand by his friends through thick and thin* 'Он будет стоять горой за своих друзей'.

рус. *Стоять за справедливость.*

4.2. Вторая группа насчитывает шесть общих ЛСВ с переносным значением в немецком и английском языках, например:

1) «быть направленным, указывать направление»

нем. *Der Wind steht nach Norden* 'Ветер дует на север'.

англ. *A boat stands for the harbor* 'Лодка направляется в гавань'.

2) «обстоять – о делах, явлениях»:

нем. *Wie stehen deine Finanzen?* 'Как обстоят дела с твоим бюджетом?'

англ. *The affair stands thus* 'Дело обстоит таким образом' и др.

3) «относиться к кому-л., чему-л., иметь отношения с кем-л., чем-л.»:

нем. *Er steht sich gut mit seiner Mutter* 'Он в хороших отношениях со своей мамой' (stehen в сочетании с рефлексивным местоимением *sich*).

англ. *He stands well with his mother* 'Он в хороших отношениях со своей мамой'.

4) «проявлять особое (не) / предпочтение к кому-л., чему-л.»:

нем. *Ich stehe auf Jazz* 'Я люблю джаз'.

англ. *I stand her soft voice* 'Мне нравится ее нежный голос'.

5) «В отношении уголовного преступления – наказываться конкретным приговором»:

нем. *In diesem Land steht auf Mord die Todesstrafe* 'В этой стране убийство наказывается смертью'.

англ. *Two men are to stand trial next month for their part in the bombing* 'В следующем месяце два человека предстанут перед судом за участие о взрыве бомбы'.

б) «зависеть от чье-то решения »:

нем. *Die Entscheidung stand bei ihm* 'Решение зависит от него'.

англ. *I stand or fall by their decision* 'Я завишу от их решения'.

4.3. Третья группа содержит три общих ЛСВ глагола «стоять» для английского и русского языков, например:

1) «наклоняться над кем-л. (стоять над душой)»:

англ. *I hate to be stood over when I am doing a job of work* 'Я не выношу, когда у меня стоят над душой во время работы'.

рус. *Я не люблю, когда стоят у меня над душой.*

2) «настаивать на чем-л., стоять на своем»:

англ. *He will stand on his rights* 'Он будет настаивать на своих правах'.

рус. *Он стоял на своем до конца* и др.

3) «выдерживать, выносить, переносить»:

англ. *I stood the test of time* 'Я выдержал проверку временем'.

рус. *Они храбро стояли в бою.*

4.4. В четвёртой группе отмечен один общий ЛСВ в немецком и русском языках, например:

1) «иметься в наличии, нуждаясь в решении»:

нем. *Es steht die Frage der Erhöhung der Arbeitsproduktivität* 'Стоит вопрос о повышении производительности труда'.

рус. *Перед нами стоят важные задачи.*

4.5. Пятая группа состоит из уникальных ЛСВ глагола «стоять» в немецком, английском и русском языках. Немецкий глагол *stehen* обнаруживает 10 уникальных ЛСВ, например:

1) «быть готовым, завершённым»: нем. *Bis morgen muss die Rede stehen* 'Речь должна быть готовой до завтра';

2) «подходить человеку, быть к лицу»: нем. *Dieses Kleid steht ihr gut* 'Это платье идет ей';

3) «выделяться жесткостью, окаменелостью из-за грязи (о материале), быть покрытым грязью»: нем. *Die Bluse steht vor Dreck (ist überaus dreckig)* 'Блузка грязная (очень грязная)';

4) «пролететь дистанцию при прыжке на лыжах с трамплина и устоять уверенно на обеих ногах при прыжке»: нем. *Er stand 98 Meter, das war der weiteste gestandene Sprung* 'Он пролетел 98 метров, это был самый длинный прыжок';

5) «иметь, зарабатывать много средств для существования»: нем. *Die Genossenschaftsbauern stehen sich nicht schlecht* 'Сельскохозяйственный кооператив хорошо зарабатывает' (stehen в сочетании с рефлексивным местоимением *sich*);

6) «следует что-то делать (инф.)»: нем. *Es steht zu erwarten* 'Это следует ожидать';

7) «быть характерным для кого-л., чего-л.»: нем. *Diese Namen stehen (stellevertretend) für viele* 'Эти имена характерны (репрезентативны) для многих';

8) «использовать что-л. в значении грамматических правил»: нем. *Der Konjunktiv steht in der Regel in der indirekten Rede* 'Сослагательное наклонение, как правило, используется в косвенной речи';

9) «находиться под влиянием алкоголя или наркотиков»: нем. *Er steht unter dem Einfluss von Alkohol* 'Он находится под влиянием алкоголя';

10) «обеспечивать, гарантировать»: нем. *die Marke steht für Qualität* 'Бренд гарантирует качество'.

Английский глагол *to stand* обнаруживает 11 уникальных ЛСВ, например:

1) «быть определённого роста»: англ. *He stands six feet two* 'Его рост шесть футов два дюйма';

2) «выступать в качестве кого-л., быть кем-л.»: англ. *He stands my godfather* 'Он приходится мне крестным отцом';

3) «быть устойчивым, крепким, прочным»: англ. *The colour will stand* 'Эта краска устойчивая';

4) «подвергаться чему-л.»: англ. *She stood an assault* 'Она подверглась нападению';

5) «оставаться в силе, сохранять силу, тождество (чаще юр.)»: англ. *The resolution will stand* 'Решение останется в силе';

6) «терпеть что-л., мириться с чем-л.»: англ. *He cannot stand criticism* 'Он не терпит критики';

7) «символизировать, обозначать»: англ. *White stands for purity* 'Белый цвет - символ чистоты';

8) «платить за угощение, угощать»: англ. *I stand my friends a dinner* ‘Я угостил друзей обедом’;

9) «быть кандидатом (от какого-л. округа); баллотироваться (в каком-л. округе)»: англ. *He stood as a Labour candidate* ‘Он был кандидатом от лейбористов’;

10) «быть устойчивым, не линять – о краске»: англ. *This colour will stand* ‘Эта краска не линяет’;

11) «стоять, иметь цену»: англ. *The suit I got on stood me five bucks* ‘Костюм, который на мне, стоил пять баксов’;

Русский глагол *стоять* обладает 4 уникальными ЛСВ, например:

1) «сохраняться, удерживаться в каком-л. состоянии; не портиться»: рус. *Сметана долго не стоит*;

2) «быть – о времени (день, месяц и т. д.)»: рус. *Стоял ноябрь уж у двора*;

3) «занимать какое-л. положение, выполняя определенную работу, какие-л. обязанности»: рус. *Он стоял у власти 10 лет*;

4) «призыв остановиться, не торопиться»: рус. *Стой(те), давай(те) сначала всё хорошенько обдумаем*.

4.6. Обращает на себя факт частого использования глагола *stehen* в немецком языке в переносном значении по отношению к неодушевленным предметам (например, «обеспечивать, гарантировать»: *die Marke steht für Qualität* ‘Бренд гарантирует качество’), в то время как глагол *to stand* в английском в переносных значениях чаще сочетается с наименованием лиц (например, «выступать в качестве кого-л., быть кем-л.»: *He stands my godfather* ‘Он приходится мне крестным отцом’), а глагол *стоять* в русском языке соотносится с пространственно-временным положением (например, «быть – о времени – (года, месяце, дне и т.д.)»: *Стоял ноябрь уж у двора*).

5. Выводы

Таким образом, сопоставление результатов семантического анализа позиционного глагола немецкого языка *stehen*, английского *to stand* и русского *стоять*, позволяет сделать следующие выводы:

5.1. Все 42 ЛСВ глагола «стоять» в трех языках делятся на 2 типа: 1) прямые и связанные с ним конкретные значения («находиться в вертикальном положении на ногах, не двигаясь с места (о живых существах)», «находиться в вертикальном положении (о предметах)», «располагаться где-то, каким-либо образом, быть помещенным где-л., каким-л. образом», «занимать положение относительно чего-л.»). 2) переносные, не связанные непосредственно с доминантным значением (нем. *stehen*: зависеть, подходить

кому-л., быть к лицу и др.; англ. *to stand*: подвергаться чему-л., символизировать и др.; рус. стоять: не портиться, выдерживать и др.). Наиболее высокой степенью полисемичности обладает глагол *to stand* в английском языке (27 ЛСВ). Данный факт подтверждает известное положение о развитой системе полисемии лексики английского языка. Второе место занимает глагол *stehen* в немецком (24 ЛСВ) и на третьем месте глагол *стоять* в русском языке (15 ЛСВ).

5.2. Из всех 42 ЛСВ – семь являются общими для всех языков. В немецком и английском насчитывается шесть общих ЛСВ с переносным значением; в английском и русском таких значений три; в немецком и русском языках – один ЛСВ. Близкородственные немецкий и английский языки по сравнению с дальнеродственным русским обладают большим количеством общих переносных значений, основная причина этого факта заключается в генетической общности и большей близости лингвокультурных ареалов английского и немецкого языков.

5.3. Следует также отметить значительные семантические и функциональные различия исследуемых глаголов в трех языках. Каждый из языков обладает своими уникальными ЛСВ: в немецком языке их насчитывается – 10, в английском – 11 и в русском – 4. Более того, сопоставительный анализ глагола «стоять» в немецком, английском и русском языках показал, что можно выделить три основных типа семантической сочетаемости данного глагола в переносных значениях: 1) с наименованиями людей; 2) с наименованиями предметов, объектов; 3) с наименованиями абстрактных понятий, времени и пространства. Немецкий глагол *stehen* в своих переносных значениях чаще сочетается с наименованиями объектов, предметов, английский глагол *to stand* чаще используется в конструкциях с наименованием людей, а русский глагол *стоять* – в конструкциях с наименованиями пространственно-временных понятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Москва: Языки славянских культур, 2009. Т. I: Парадигматика. 568 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). Москва: Наука, 1974. 367 с.
4. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1986. 295 с.
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание. Москва: 1996. С. 291-325.

6. Калиущенко Д. В. Типология локативных, посессивных и атрибутивных отсубстантивных глаголов // От лингвистической типологии к исторической лингвистике. Донецк: ДонНУ, 2016. С. 59-61.

7. Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ. 2010. Доступ: <http://dis.podelise.ru/text/index-43095>. (дата обращения: 10.10.2019).

8. Шафиков С. Г. Лексическая типология языков. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 164 с.

9. Ballmer Th. Deutsche Verben. Eine sprachanalytische Untersuchung des deutschen Wortschatzes. Tübingen: Narr, 1986. 413 S.

10. Leech G. N. Meaning and the English verb. London: Longman, 1987. 139 p.

11. Newman J. English sit, stands, and lie in small and large corpora Text // The ICAME Journal. 2002. № 25. P. 109-133.

12. Whiting V. J. The Nature of the Proverb. Cambridge: Harvard University Press. 1932. 307 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Клуге Ф. Этимологический словарь немецкого языка. Страбург: Karl Crubner, 1884. 428 с.

2. Толковый словарь Ефремовой. Доступ: <https://www.efremova.info/>. (дата обращения: 10.10.2019).

3. Толковый словарь Ушакова. Доступ: <http://ushakovdictionary.ru/>. (дата обращения: 10.10.2019).

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1973. Т. 4. 855 с.

5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>. (accessed: 10.10.2019).

6. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <http://www.dwds.de/>. (accessed: 10.10.2019).

7. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden / CDROM. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2000.

8. Weekley E. An Etymological Dictionary of Modern English. London: John Murray, Albemarle Street, W., 1921. 864 p.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1995). *Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral language description and systemic lexicography]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

2. Apresyan, Yu. D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Research on semantics and lexicography]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. T. I: Paradigmatika. (In Russ.).

3. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskiye sredstva yazyka)* [Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

4. Arnold, I. V. (1986). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of modern English]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

5. Vezhbitskaya, A. (1996). *Semanticheskie universalii i «primitivnoye myshlenie»* [Semantic universals and «primitive thinking»]. In *Yazyk. Kultura. Poznanie*. Moskva. Pp. 291-325. (In Russ.).

6. Kaliuščenko, V. D. (2016). *Tipologiya lokativnykh, posessivnykh i atributivnykh otsubstantivnykh glagolov* [A typology of locative, possessive, and attributive sub-substantive verbs]. In *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike*. Donetsk: DonNU. Pp. 59-61. (In Russ.).

7. Tabachenko, L. V. (2010). *Pristavochnye pozitsionnye glagoly v istorii russkogo yazyka: poliaspektnyy analiz* [Prefixed positional verbs in the history of the Russian language: polyaspect analysis]. Available at: <http://dis.podelise.ru/text/index-43095>. (accessed: 10.10.2019). (In Russ.).
8. Shafikov, S. G. (2005). *Leksicheskaya tipologiya yazykov* [Lexical typology of languages]. Ufa: RIO BashGU. (In Russ.).
9. Ballmer, Th. (1986). *Deutsche Verben. Eine sprachanalytische Untersuchung des deutschen Wortschatzes*. Tübingen: Narr.
10. Leech, G. N. (1987). *Meaning and the English verb*. London: Longman.
11. Newman, J. (2002). English sit, stands, and lie in small and large corpora Text. In *The ICAME Journal*. No. 25. Pp. 109-133.
12. Whiting, B. J. (1932). *The Nature of the Proverb*. Cambridge: Harvard University Press.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Kluge, F. (1884). *Etimologicheskii slovar nemetskogo yazyka* [The etymological dictionary of the German language]. Straburg: Karl Crubner. (In Russ.).
2. *Tolkovyy slovar Yefremovoy* [Explanatory Dictionary of Yefremova]. Available at: <https://www.efremova.info/>. (accessed: 10.10.2019). (In Russ.).
3. *Tolkovyy slovar Ushakova* [Explanatory Dictionary of Ushakov]. Available at: <http://ushakovdictionary.ru/>. (accessed: 10.10.2019). (In Russ.).
4. Fasmer, M. (1973). *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moskva: Progress. T. 4. (In Russ.).
5. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>. (accessed: 10.10.2019).
6. *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <http://www.dwds.de/>. (accessed: 10.10.2019).
7. *Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden / CDROM*. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2000.
8. Weekley, E. (1921). *An Etymological Dictionary of Modern English*. London: John Murray, Albemarle Street, W.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: vladimirkaliuscenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kaliuščenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of Germanic Philology Department (e-mail: vladimirkaliuscenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Ищенко Дарья Дмитриевна – бакалавр кафедры германской филологии (e-mail: d.ischtschenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Ishchenko Dariya D. – Bachelor of Germanic Philology Department (e-mail: d.ischtschenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 17 октября 2019 г.

КОМПОЗИТЫ И СЛОВСОЧЕТАНИЯ, НОМИНИРУЮЩИЕ РОДСТВЕННИКОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ СУБСТАНДАРТНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье исследуются композиты и словосочетания, номинирующие родственников в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках. Определяются критерии разграничения композитов и словосочетаний (фонетический, орфографический, морфологический, синтаксический и семантический). Устанавливаются структурные типы субстандартных наименований родственников, выраженных композитами и словосочетаниями.

Ключевые слова: *композит, сложное слово, словосочетание, словообразование, словосложение, субстандарт.*

© 2019 E. I. Petrishcheva

COMPOSITES AND PHRASES NAMING RELATIVES IN ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND UKRAINIAN SUBSTANDARD LANGUAGES

The article deals with composites and phrases naming relatives in English, German, Russian and Ukrainian substandard languages. The criteria for composites and phrases distinguishing (phonetic, spelling, morphological, syntactic and semantic) have been determined. The structural types of substandard names of relatives expressed by complex words and word combinations have been specified.

Key words: *composite, complex word, word-combination, word formation, stem composition, substandard.*

1. Введение

Развитие словарного состава любого языка происходит по существующим в нем словообразовательным способам, моделям, с помощью словообразовательных средств, а также путём заимствования. Многочисленными и активно пополняющимися разрядами слов в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках являются словосочетания и композиты (сложные слова). Они составляют заметный пласт среди субстандартной лексики.

Сложные слова и словосочетания были и остаются центром исследовательской деятельности многих лингвистов, в частности: В. С. Вашунина [Вашунин, 1990], Ш. Р. Басырова [Басыров, 2014; Басыров, 2019], Е. М. Ефремовой [Ефремова, 2012], Е. А. Земской [Земская, 2011], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1965], В. Флейшера [Fleischer, 2007] и других. Такой интерес обусловлен комплексностью и многоаспектностью данных языковых единиц.

Настоящая статья посвящена изучению наименований родственников композитами и словосочетаниями в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках,

ср.: англ. *sparring partner* (букв. ‘спарринг-партнёр’) перен. разг. ‘муж’, *baby in the bushes* (букв. ‘ребенок в кустах’) груб. ‘незаконнорождённый ребенок’; нем. *Familienminister* (букв. ‘министр семьи’) перен. разг. ‘отец’, *nicht die Mama* (букв. ‘не мама’) разг. ‘отец’; рус. *папье-маше* разг. ‘родители’, *моя прелесть* перен. разг. ‘муж / жена’; укр. *кіндер сюрприз* перен. разг. ‘ребенок’, *мамин скарб* перен. разг. ‘ребенок’.

Актуальность настоящего исследования обусловлена его антропоцентрической направленностью, недостаточной изученностью структурных особенностей наименований родственников в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках как в отдельно взятых исследуемых языках, так и в сопоставительном аспекте, а также большим корпусом анализируемого эмпирического материала.

Объектом исследования являются субстандартные наименования родственников (СНР), а **предметом** – структурно-семантические и стилистические особенности СНР-композитов и СНР-словосочетаний в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и описании структурных и функциональных особенностей СНР-композитов и СНР-словосочетаний в названных языках.

Для достижения данной цели в работе следует решить следующие **задачи**:

- 1) создать корпус СНР-композитов и СНР-словосочетаний.
- 2) определить критерии выявления и разграничения композитов и словосочетаний.
- 3) выявить словообразовательные модели СНР-композитов и СНР-словосочетаний и установить степень их продуктивности в сопоставляемых языках.
- 4) установить общие и дифференциальные свойства в образовании СНР-композитов и СНР-словосочетаний в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужили СНР-композиты и СНР-словосочетания, полученные из толковых и переводных словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого, русского и украинского языков, а также Интернет-ресурсов (нем. – 145 ед.; англ. – 144 ед.; рус. – 26 ед.; укр. – 23 ед.).

2. Способы разграничения сложных слов и словосочетаний

Сложное слово (комполит) рассматривают обычно как производное, которое состоит из двух и более основ или слов, находящихся между собой в определенных структурно-семантических отношениях, сходных отношениям языковых образований другого плана, а именно словосочетаний и предложений. Таким образом, не всегда легко разграничить сложное слово, представляющее собой соединение нескольких простых (отдельных) компонентов, и словосочетание.

Данная проблема особенно актуальна для английского языка. Для английского, как для языка анналитического строя, характерны три варианта написания сложных слов: слитное, дефисное и раздельное. Для немецкого, русского и украинского языков данная проблема неактуальна, что связано с их флективным строем. Сравним в этой связи следующее справедливое замечание Е. С. Кубряковой: «В языках флективного типа, например, распознавание сложных слов не представляет особой трудности, напротив, в так называемых аналитических языках грани между сложными словами и словосочетаниями не всегда достаточно отчётливы» [Кубрякова, 1965: 27].

Определение статуса раздельнооформленных образований, состоящих из определяющего и определяемого компонентов, вызывает у лингвистов противоречивые мнения, так как подобные языковые единицы находятся на границе сложного слова и словосочетания. В этой связи лингвистами предлагаются различные критерии для разграничения сложного слова и словосочетания, в частности: орфографический, морфологический, фонетический, семантический и синтаксический. Рассмотрим каждый из них.

2.1. В отношении орфографического критерия О. Д. Мешков пишет следующее: «... в то время как раздельное написание не является признаком словосочетания (в отличие от сложного слова), слитное написание является признаком сложного слова (в отличие от словосочетания)» [Мешков, 1985: 68]. Отсюда, можно сделать вывод, что словосочетания характеризуются исключительно раздельным написанием.

2.2. Морфологический критерий цельнооформленности сложных слов определяется исследователями как формальная цельность. Так, А. И. Смирницкий отмечает, что эта цельность выражается в том, что в слове (в том числе и в сложном слове), в отличие от словосочетания, все компоненты грамматически оформлены как единое целое, например: *shipwreck* (ед. ч.) и *shipwrecks* (мн. ч.), тогда как во мн. ч. каждый элемент данных единиц оформляется отдельно: «*wrecks of ships*» [Смирницкий, 1998: 33]. Но и морфологический критерий подвергается критике. Так, И. В. Арнольд пишет о том, что ввиду небольшого количества морфологических средств в английском языке, данный критерий работает очень редко [Арнольд, 1986: 114].

2.3. Согласно фонетическому критерию сложные слова отличаются от словосочетаний тем, что первые имеют основное ударение (´) на одном (чаще первом) из компонентов (´*door-knob*, ´*bank holiday*), а для вторых характерно двойное ударение (´*stone wall*) [Bloomfield, 1994: 228; Kürschner, 1974: 123; Marchand, 1969: 23]. Однако, ударение в таких конструкциях может быть лексически или семантически обусловленным и по своей сути является случайным делением поверхностной структуры сложного слова,

ввиду чего фонетический критерий лишается системности [Bauer, 1983: 104-112]. В некоторых случаях конструкции, характеризующиеся семантической цельностью, могут не иметь обобщающего ударения, ср.: *'paper 'tiger* (букв. 'бумажный тигр') 'человек, с виду сильный и опасный, а на самом деле слабый и нерешительный', *'stone`wall* (букв. 'каменная стена') 'оппозиция, сопротивление' [Мешков, 1985: 68; Bauer, 1983: 104].

2.4. Синтаксический критерий связан с тем, что между компонентами сложного слова нельзя вставить ещё одно слово или несколько слов. Однако, данный критерий также несостоятелен, поскольку он не позволяет отграничить сложные слова от идиом, которые обладают аналогичным синтаксическим свойством.

2.5. Согласно ссемантическому критерию сложное слово всегда выражает цельное понятие, которое не равно простой сумме значений его компонентов в их самостоятельном употреблении. Данный критерий вызывает критику со стороны И. В. Арнольд, т. к. непонятно выражает ли в действительности сложное слово или фраза одну интегрированную идею или нет. Кроме того, поскольку все идиомы также состоят из нескольких элементов, выражающих одну мысль, то согласно ссемантическому критерию необходимо и их отнести к разряду сложных слов, хотя это совсем не так [Арнольд, 1986: 114].

Итак, обзор различных подходов к разграничению сложного слова и словосочетания свидетельствует о том, что во внимание следует принимать не один критерий, а их комбинацию, а также учитывать их частеречную принадлежность.

Отметим, что в английском субстандартном языке зафиксированы СНР, которые в лексикографическом источнике имеют две пометы – существительное и словосочетание, ср.:

small fry n phr (букв. 'мелкая рыбёшка') перен. разг. 'ребенок', *latchkey child* (букв. 'ребёнок с ключом на шее') перен. разг. 'ребёнок работающих родителей (имеющий ключ от квартиры)', *doorkey child* n phr (букв. 'ребёнок с ключом на шее') перен. разг. 'ребёнок работающих родителей (имеющий ключ от квартиры)', *chief of staff* n phr (букв. 'начальник штаба') перен. разг. 'жена офицера' и др. Возможно, данные сочетания располагаются на границе сложного слова и словосочетания, т. е. находятся на стадии перехода из словосочетания в сложное слово, и ни один из критериев не сможет показать, чем именно является это объединение.

3. СНР-композиции

Образование СНР путем словосложения является самым продуктивным в английском и немецком языках (англ. – 134 ед.; нем. – 122 ед.; рус. – 2 ед.; укр. – 2 ед.).

С точки зрения орфографии для английских СНР-композиций характерно слитное, дефисное и раздельное написание (*chitty-face* перен. разг. 'ребенок', *sweetiepie* перен. разг.

‘жена’, *war department* перен. разг. ‘жена’), для немецких – слитное и дефисное (*Teppich-Ratten* перен. разг. ‘ребенок’, *Hausbesen* перен. разг. ‘жена’), для украинских – раздельное и дефисное (*бобасік-колбасік* перен. разг. ‘ребенок’, *кіндер сюрприз* перен. разг. ‘ребенок’), а для русских – дефисное (*круть-верть* перен. разг. ‘ребенок’).

По наличию или отсутствию соединительного элемента СНР-компози́ты в сопоставляемых языках распадаются на два типа:

1) **полносложные композиты** (без соединительного элемента), ср.: англ. *fussbudget* (букв. ‘хлопотный бюджет’) перен. разг. ‘ребёнок, который постоянно суетится, надоедает, пристаёт с пустяками’, *alarm clock* (букв. ‘будильник’) перен. разг. ‘жена, которая постоянно ругает своего мужа’; нем. *Milchbubi* (букв. ‘молочный малыш’) перен. разг. ‘ребенок’, *Hausbesen* (букв. ‘домашний веник’) перен. разг. ‘сварливая жена’; укр. *кіндер сюрприз* перен. разг. ‘ребенок’ [Петрищева, 2016: 76].

2) **неполносложные композиты** (с соединительным элементом). В функции соединительного элемента выступают:

-s: нем. *Zwang/s/verwalter* (букв. ‘управляющий секвестрированным имуществом, назначенный в принудительном порядке’) перен. разг. ‘отец’, *Bevölkerung/s/rat* (букв. ‘совет населения’) перен. разг. ‘муж’;

-(e)n: нем. *Familie/n/minister* (букв. ‘семейный министр’) перен. разг. ‘отец’, *Alimente/n/frucht* (букв. ‘алиментный плод’) перен. разг. ‘ребенок’;

- дефис: англ. *tail-fruit* (букв. ‘хвост + плод’) перен. разг. ‘ребенок’, *pillow-mate* (букв. ‘подушка + мат’) перен. разг. ‘жена’; нем. *Hip-Hop-Produzent* (букв. ‘хип хоп производитель’) перен. разг. ‘отец’, *Teppich-Ratten* (букв. ‘ковровые крысы’) перен. разг. ‘дети’; рус. *круть-верть* перен. разг. ‘ребенок’; укр. *бобасік-колбасік* перен. разг. ‘ребенок’.

Отметим, что в английском (123 ед.) и немецком (99 ед.) языках СНР-компози́ты являются преимущественно полносложными образованиями, в русском – исключительно неполносложными (2 ед.). В украинском языке неполносложные и полносложные СНР-компози́ты представлены единичными образованиями.

В зависимости от количества непосредственно составляющих выделяются двукомпонентные и многокомпонентные композиты [Косицкая, 2018: 10]. Композит считается двукомпонентным, если его структура состоит из двух непосредственно составляющих, даже если сами составляющие являются сложными по структуре словами (англ. *backyard cousin* разг. ‘незаконнорожденный ребенок’, нем. *Nachwuchsterrorist* перен. разг. ‘ребенок’). Композит рассматривается как многокомпонентный, если он содержит более двух непосредственно составляющих, то есть если производное слово образовано в результате одновременного сложения трех и более производящих основ (англ. *load of*

mischief (букв. ‘много убытков’) перен. разг. ‘жена’, нем. *Haar/kreisel/spardose* (‘волосы + юла + копилка’) перен. разг. ‘бабушка’).

В русском и украинском языках СНР представлены лишь двухкомпонентными композитами, ср.: рус. *nanьe-mашe* перен. разг. ‘родители’, укр. *bobacik-kolbacik* перен. разг. ‘ребенок’.

В английском и немецком языке отмечены следующие типы СНР-композитов:

1) **двухкомпонентные композиты**, ср.: англ. *old cheese* (букв. ‘старый сыр’) перен. разг. ‘мать’; *junior wolf* (букв. ‘младший волк’) перен. разг. ‘младший брат’; нем. *Haus/teufel* (букв. ‘домашний черт’) перен. разг. ‘жена’, *Kron/prinz* (букв. ‘кронпринц’) перен. разг. ‘старший сын’;

2) **трехкомпонентные композиты**, ср.: англ. *red diaper baby* (букв. ‘ребенок в красных пеленках’) перен. разг. ‘ребенок родителей, которые были членами Коммунистической партии Соединенных Штатов или были близки к партии или сочувствовали ее целям’, *old curiosity pate* (букв. ‘антикварная башка’) груб. ‘жена’; нем. *Haar/kreisel/spardose* (букв. ‘волосы + юла + копилка’) перен. разг. ‘бабушка’, *Sahne-Butter-Hupfdohle* (букв. ‘сливки + масло + танцовщица кабаре’) груб. ‘толстый ребенок’.

Добавим, что трехкомпонентные СНР-композиты (англ. – 7 ед., нем. – 2 ед.) существенно уступают по своей продуктивности двухкомпонентным наименованиям (англ. – 127 ед., нем. – 120 ед.).

Двухкомпонентные СНР-композиты представлены в сопоставляемых языках различными структурными моделями. Общей для всех четырех сопоставляемых языков является модель **N + N** (англ. – 54 ед., нем. – 83 ед., рус. – 2 ед., укр. – 2 ед.), ср.: англ. *zoo daddy* (букв. ‘зоопарк + папа’) разг. ‘разведённый отец с правом встречаться с детьми, которых он водит в зоопарк по выходным, когда они гостят у него’, *house ape* (букв. ‘домашняя обезьяна’) перен. разг. ‘ребенок’; нем. *Herd/managerin* (букв. ‘печной менеджер’) перен. разг. ‘мать’.

Кроме того, в английском и немецком языках выявлены следующие типы двухкомпонентных СНР-композитов:

1) **Adj + N** (англ. – 51 ед., нем. – 10 ед.): англ. *empty-nesters* (букв. ‘пара в опустевшем гнезде’) перен. разг. ‘родители, дети которых выросли и разъехались’, *mucky pup* (букв. ‘грязный щенок’) перен. разг. ‘грязный ребенок’; нем. *Gold/köpfe* (букв. ‘золотые головы’) мол. жаргон ‘родители’, *Doppel/hose* (букв. ‘двойные брюки’) перен. разг. ‘властная жена’.

2) **Pron + N** (нем. – 2 ед., англ. – 1 ед.): англ. *other half* (букв. ‘другая половина’) перен. разг. ‘жена’; нем. *Sie/mann* (букв. ‘она + мужчина’) разг. ‘муж-подкаблучник’,

Sie/mandl (букв. 'она + мужчина') разг. 'муж-подкаблучник'.

3) **V + N** (нем. – 22 ед., англ. – 10 ед.): англ. *spit-cat* (букв. 'фыркать / шипеть + кошка') перен. разг. 'вспыльчивая/несдержанная жена', *old wolf* (букв. 'старый волк') перен. разг. 'муж, который изменяет своей жене'; нем. *Dresch/maschine* (букв. 'молотильная машина') перен. разг. 'отец, который бьет своих детей', *Kack/maschine* (букв. 'какающая машина') перен. разг. 'ребенок'.

Отличительной особенностью английских двухкомпонентных СНР-композигов является наличие двухкомпонентных словосочетаний, построенных по моделям:

1) **Ger + N** (5 ед.): *relieving officer* (букв. 'попечитель, ведающий оказанием помощи бедным (в приходе, районе)') перен. разг. 'отец', *carving knife* (букв. 'разделочный нож') перен. разг. 'сварливая жена'.

2) **Num + N** (1 ед.): *first sergeant* (букв. 'первый сержант') перен. разг. 'жена'.

3) **PI + N** (1 ед.): *crooked rib* (букв. 'перекошенное ребро') перен. разг. 'жена'.

4) **Pron + Adv** (1 ед.): *her indoors* (букв. 'ее внутри') перен. разг. 'властная жена'.

В немецком языке уникальной моделью двухкомпонентных СНР-композигов является модель **Neg Part + N** (нем. – 1 ед.) нем. *Nicht/nichte* (букв. 'не – племянница') разг. 'племянник'.

Трехкомпонентные СНР-композигов обнаружены только в английском и немецком языках. Общей моделью образования анализируемых СНР является модель **N + N + N** (нем. – 2 ед., англ. – 1 ед.): англ. *fence-comer child* (букв. 'забор + посетитель + ребенок') перен. разг. 'незаконорожденный ребенок'; нем. *Sahne-Butter-Hupfdohle* (букв. 'сливки + масло + танцовщица кабаре') груб. 'толстый ребенок', *Haar/kreisel/spardose* (букв. 'волосы + юла + копилка') перен. разг. 'бабушка'.

В английском языке, в отличие от немецкого выявлены две структурные модели трехкомпонентных СНР-словосочетаний:

1) **Adj + N + N** (3 ед.): *red diaper baby* (букв. 'ребенок в красных пеленках') перен. разг. 'ребенок родителей, которые были членами Коммунистической партии Соединенных Штатов или были близки к партии или сочувствовали ее целям', *old curiosity pate* (букв. 'антикварная башка') груб. 'жена'.

2) **N + Prep + N** (2 ед.): *chief of staff* (букв. 'начальник штаба') перен. разг. 'жена', *load of mischief* (букв. 'убыточная ноша') перен. разг. 'жена'.

4. СНР-словосочетания

В английском языке насчитывается 10 СНР-словосочетаний, в немецком – 13, в русском – 24 и в украинском – 21. Субстандартные наименования родственников, выраженные словосочетаниями, являются атрибутивными образованиями.

В английском и украинском языках СНР-словосочетания представлены двух- и трехкомпонентными словосочетаниями, в немецком – двух-, трех- и четырехкомпонентными словосочетаниями, в украинском зафиксированы исключительно двухкомпонентные СНР-словосочетания.

Двухкомпонентные СНР-словосочетания во всех сопоставляемых языках образуются по различным моделям, отражающим частеречную принадлежность непосредственных составляющих словосочетания. Общей для всех четырех языков является модель **Pron + N** (рус. – 17 ед., нем. – 2 ед., укр. – 2 ед., англ. – 1 ед.), ср.: англ. *our kid* разг. ‘ребенок’; нем. *meine Leute* (букв. ‘мои люди’) перен. разг. ‘родители’, *meine Regierung* (букв. ‘мое правительство’) перен. разг. ‘родители’; рус. *мой мужчина* перен. разг. ‘муж’, *моя прелесть* перен. разг. ‘муж / жена’; укр. *моя радість* (букв. ‘моя радость’) перен. разг. ‘муж/жена’, *мій скарб* (букв. ‘мое сокровище’) перен. разг. ‘муж / жена’.

В немецком, русском и украинском языках СНР-словосочетания образуются по модели **Adj + N** (нем. – 7 ед., укр. – 6 ед., рус. – 1 ед.), ср.: нем. *die alten Herrschaften* (букв. ‘старые господа’) перен. разг. ‘родители’, *oberste Herstellung* (букв. ‘высшее производство’) перен. разг. ‘родители’; рус. *пушистая крокозябра* перен. разг. ‘жена’; укр. *мамин скарб* (букв. ‘мамино сокровище’) перен. разг. ‘ребенок’, *мала зараза* (букв. ‘маленькая зараза’) перен. разг. ‘ребенок’.

Общими для русского и украинского языков являются две модели:

1) **Pron + Adj** (укр. – 9 ед., рус. – 4 ед.), ср.: рус. *мой / моя сладкая/ий* перен. разг. ‘муж / жена’, *мой / моя сахарный/ая* перен. разг. ‘муж / жена’; укр. *мій/моя рідна/ий* (букв. ‘мой / моя родная/ой’) перен. разг. ‘муж / жена’, *мій / моя кохана/ий* (букв. ‘мой / моя любимая/мий’) перен. разг. ‘муж / жена’.

2) **N + Adj** (рус. – 2 ед., укр. – 1 ед.), ср.: рус. *скатик электрический* перен. разг. ‘муж’, *любончик любовнистый* перен. разг. ‘жена’; укр. *батареї гарячі* перен. разг. ‘родители’.

Выявлены также структурные типы СНР-словосочетаний, отмеченные лишь в одном языке.

В английском языке СНР-словосочетания образуются по модели **N + N** (англ. – 2 ед.): *bachelor's baby* (букв. ‘ребенок холостяка’) груб. ‘незаконнорожденный ребёнок’, *devil's daughter* (букв. ‘дочь дьявола’) груб. ‘жена’.

В немецком языке выявлены СНР типа:

1) **Adv + N** (1 ед.): *nicht die Mama* (букв. ‘не мама’) разг. ‘отец’.

2) **Part II + N** (1 ед.): *ausgekochtes Schlitzohr* (букв. ‘прожжённый пройдоха’) перен.

разг. 'ребенок'.

Только в украинском языке выявлена модель двухкомпонентных СНР-словосочетаний **Adv + Adj** (1 ед.): *десь там зроблений* (букв. 'где-то там сделанный') перен. разг. 'ребенок'.

Трехкомпонентные СНР-словосочетания в английском, немецком и украинском языках образуются по одной модели **N + Prep + N** (англ. – 7 ед., укр. – 2 ед., нем. – 1 ед.): англ. *baby in the bushes* (букв. 'ребенок в кустах') груб. 'незаконнорождённый ребёнок', *mother-out-law* (букв. 'мать вне закона') разг. 'свекровь / теща'; нем. *Regierung zu Hause* (букв. 'правительство дома') перен. разг. 'родители'; укр. *шило в поні / в дуні* перен. разг. 'ребенок'.

Модель четырехкомпонентного СНР-словосочетания зафиксирована лишь в английском языке и представлена единичным примером:

Adj + N + Prep + N (1 ед.): *die beste Kuh im Stall* (букв. 'лучшая корова в хлеву') перен. разг. 'самая успешная дочка в семье'.

5. Выводы

Сопоставительный анализ субстандартных наименований родственников, образованных путем словосложения и синтаксической деривации в английском, немецком, русском и украинском языках, позволяет сделать следующие выводы:

5.1. Для разграничения сложного слова и словосочетания в лингвистике предлагаются 5 критериев: орфографический, морфологический, фонетический, семантический и синтаксический. Ни один из данных критериев в отдельности не позволяет достаточным образом четко дифференцировать СНР-компози́ты и СНР-словосочетания. Целесообразным представляется одновременное использование нескольких критериев.

5.2. В английском и немецком языках среди СНР доминируют полносложные слова, в русском языке исключительно неполносложными СНР-компози́ты. В украинском языке неполносложные и полносложные СНР-компози́ты обладают сходной продуктивностью.

5.3. В русском и украинском языках СНР представлены лишь двухкомпонентными компози́тами, в английском и немецком – двух- и трехкомпонентными. Трехкомпонентные СНР-компози́ты английского и немецкого языков существенно уступают по своей продуктивности двухкомпонентным наименованиям.

5.4. В английском и украинском языках СНР – словосочетания представлены двух- и трехкомпонентными образованиями, в немецком – двух-, трех- и четырехкомпонентными, в украинском языке зафиксированы исключительно двухкомпонентные СНР-словосочетания. Общей для всех четырех сопоставляемых языков является модель **Pron + N**.

5.5. В каждом из сопоставляемых языков обнаружены структурные типы СНР-композигов и СНР-словосочетаний, характерные только для одного языка.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Adj – прилагательное; Adv – наречие; Ger – герундий; N – существительное; Neg Part – отрицательная частица; Num – числительное; Part I – причастие первое; Part II – причастие второе; Prep – предлог; Pron – местоимение; V – глагол.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1986. 295 с.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках: сб. науч. статей. Донецк: ДонНУ, 2019. 287 с.
3. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.
4. Вашунин В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. Москва: Высшая школа, 1990. 159 с.
5. Ефремова Е. М. Структурно-семантические и функциональные особенности многокомпонентных композигов в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.02.04. Москва, 2012. 19 с.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 2011. 328 с.
7. Косицкая А. Г. Структурно-семантические особенности наименований человека в искусстве (на материале английского и немецкого языков): автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.02.04. Донецк, 2018. 26 с.
8. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. Москва: Наука, 1965. 78 с.
9. Мешков О. Д. Словосложение в современном английском языке. Москва: Высшая школа, 1985. 187 с.
10. Петрищева Е. И. Наименования мужа и жены в субстандартной лексике: сопоставительный аспект // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2016. Т. 14. Вып. 1 (39). С. 70-83.
11. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. Москва: ИПО «Лев Толстой», 1998. 260 с.
12. Bauer L. *English Word-Formation*. Cambridge University Press, 1983. 328 p.
13. Bloomfield L. *Language*. Motilal Banarsidass Publishe, 1994. 576 p.
14. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 3. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. 382 S.
15. Kürschner W. *Zur syntaktischen Beschreibung deutscher Nominalkomposita*. Tübingen: Niemeyer, 1974. 228 S.
16. Marchand H. *The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach*. C. H. Beck'sche Verlag; 2nd Revised & Enlarged edition, 1969. 545 p.

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (1986). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Contemporary English: study book for colleges and foreign language departments]. Moskva: Vysshya shkola. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metafory i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonyms in multistructured languages: Collection of scientific articles]: sb. nauch. statey. Donetsk: DonNU. (In Russ.).

3. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskoy osveshchenii* [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).
4. Vashunin, V. S. (1990). *Substantivnye slozhnye slova v nemetskom yazyke* [Substantive Compound Words in the German Language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Efremova, E. M. (2012). *Strukturno-semanticheskie i funktsionalnye osobennosti mnogokomponentnykh kompozitivov v sovremennom angliyskom yazyke* [Structural-semantic and functional features of multicomponent composites in modern English]: avtoref. diss. ... k. filol. n.: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
6. Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation: study guide]. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva. (In Russ.).
7. Kositskaya, A. G. (2018). *Strukturno-semanticheskie osobennosti naimenovaniy cheloveka v iskusstve (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Structural and semantic features of names of people in art (based on English and German) languages]: avtoref. diss. ... k. filol. n.: 10.02.04. Donetsk. (In Russ.).
8. Kubryakova, E. S. (1965). *Chto takoe slovoobrazovanie* [What is word formation]. Moskva: Nauka (In Russ.).
9. Meshkov, O. D. (1985). *Slovoslozhenie v sovremennom angliyskom yazyke* [Stem composition in modern English]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
10. Petrishcheva, E. I. (2018). *Naimenovaniya muzha i zheny v substandartnoy leksike: sopostavitelnyy aspekt* [Names of husband and wife in substandard lexis: comparative aspect]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 14. Vyp. 1 (39). Pp. 70-83. (In Russ.).
11. Smirnitkiy, A. I. (1998). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [English lexicology]. Moskva: IPO «Lev Tolstoy». (In Russ.).
12. Bauer, L. (1983). *English Word-Formation*. Cambridge University Press.
13. Bloomfield, L. (1994). *Language*. Motilal Banarsidass Publishes.
14. Fleischer, W. (2007). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
15. Kürschner, W. (1974). *Zur syntaktischen Beschreibung deutscher Nominalkomposita*. Tübingen: Niemeyer, 1974. 228 S.
16. Marchand, H. (1969). *The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach*. C. H. Beck'sche Verlag; 2nd Revised & Enlarged edition.

Петрищева Елена Игоревна – преподаватель
кафедры германской филологии
(e-mail: petrishchewa-elen@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Petrishcheva Elena I. – Lecture of Germanic
Philology Department
(e-mail: petrishchewa - elen@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education is «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 октября 2019 г.

СОЦИАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследуются социативные конструкции немецкого, английского, русского и украинского языков. Определяется место социативности в кругу смежных категорий, описываются релевантные признаки социативных конструкций, устанавливаются типы социативных конструкций.

Ключевые слова: совместность, реципрокальный глагол, социативная конструкция, комитатив, синтаксический маркер.

SOCIATIVE CONSTRUCTIONS IN GERMAN, ENGLISH, RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

The article studies sociative constructions in German, English, Russian and Ukrainian languages. The place of sociativity in the sphere of related categories is determined, relevant features of sociative constructions are described, types of sociative constructions are established.

Key words: cooperation, reciprocal verb, sociative construction, comitative, syntactic marker.

1. Введение

Категория совместности является одной из древнейших языковых категорий. В отечественной и зарубежной лингвистике различные аспекты категории совместности рассматривались в связи с изучением таких грамматических категорий, как залог, вид, возвратность, множественность и др. (А. В. Бондарко, Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, Э. Ш. Генюшене, И. Б. Долинина, И. П. Мучник, М. И. Откупщикова, Е. В. Падучева, А. А. Шахматов, С. А. Шубик, Н. Я. Янко-Триницкая и др.).

В этой связи заслуживают внимания работы, посвященные изучению отдельных подтипов категории совместности (множественность, симметричность, социативность, комитативность) (Т. И. Дешериева, Е. С. Маслова, В. П. Неद्याлков, Г. А. Рачков, А. А. Холодович и др.). Однако на сегодняшний день в лингвистике отсутствуют специальные исследования по комплексному сопоставительному изучению социативных глаголов и их конструкций на материале разноструктурных языков, что и определяет актуальность предлагаемого исследования.

В настоящей статье под совместностью понимается значение, присущее синтаксическим конструкциям, которые называют ситуации с двумя и более субъектами, выполняющими одно и то же действие, являющимися субъектами одного и того же процесса или состояния, носителями одного и того же признака [Лещинская, 2000: 81; Кожокина, 2019: 27].

Материалом для настоящего исследования послужила выборка синтаксических конструкций со значением социативного действия русского, украинского, немецкого и английского языков, выполненная на базе толковых, переводных словарей и художественных произведений данных языков, а также специальных исследований.

2. Совместность и смежные с нею категории

Совместность анализируется на уровне синтаксической конструкции (типового предложения) и рассматривается как семантический и структурный центр предложения. Она определяет число, семантику и форму других компонентов конструкции, в которой глагол имеет минимум необходимых синтаксических связей.

Совместность как подтип множественности тесно связана и реализуется в таких субкатегориях как реципрок и социатив с их комитативными вариантами.

2.1. Социатив и реципрок. В. П. Недялков в монографии «Типология взаимных конструкций» впервые рассматривает и соотносит между собой три субкатегории совместности, исследуя морфологические, лексические, синтаксические реципроки и социативы, отмечая совпадения средств выражения реципрока и социатива, рассматривая их комитативные варианты. Автор отмечает, что объединяющим признаком трёх субкатегорий является множественность актантов действия, а также наличие по две разных симметричных роли у каждого из актантов реципрокной конструкции и по одной одинаковой симметричной роли у каждого из актантов социативной ситуации [Недялков, 1991: 276-312].

В лингвистической литературе, посвященной взаимным глаголам, отмечается, что взаимное значение сначала возникло у возвратных глаголов именно в формах множественного числа. Понятие взаимности прежде всего содержит в себе признак перехода действия с одного субъекта на другой (или другие субъекты), то есть признак взаимодействия двух или нескольких человек (участников ситуации). В таких случаях рефлексивный показатель *-ся* в русском и украинском языках, *sich* в немецком обозначает *друг друга* [Басыров, Юшкова, 2018: 34]. Например:

(1) рус. *Друзья видятся редко, почти не перезваниваются* = *Друзья видят друг друга редко, почти не звонят друг другу*;

(2) укр. *А Юхим з Цигулею зглянулися і знов посхилялися* = *Юхим з Цигулею глянули один на одного і знов посхилялися*;

(3) нем. *Holger und Annette lieben sich* ‘Хольгер и Анnette любят друг друга’ = *Holger und Annette lieben einander* ‘Хольгер и Анnette любят друг друга’.

Взаимное действие В. К. Радзиховская определяет как «действие, которое определенным образом регламентировано в пространстве и во времени, скоррелировано своей значимой целью и образом выполнения» [Радзиховская, 1980: 63].

Квант взаимного действия (= наименьшая порция действия) представлен действием двух субъектов, которые находятся в реальной зависимости друг от друга. В пространственном отношении такое действие характеризуется распространением действия от одного субъекта к другому, как к непосредственному или косвенному объекту, который, в свою очередь, находится в аналогичном отношении к первому [Храковский, 1981: 17].

Взаимное действие характеризуется как реципрокное, хотя относительно этих отдельных встречных актов исполнителей взаимного действия указанное взаимонаправленное действие выступает не как арифметическая сумма действий, а как качественно новое действие, которое имеет свою результативную [Храковский, 1981: 17].

Реципрокное значение (см. (1)-(3)) тесно пересекается со значением социативности (см. (4)-(7)), которое также предполагает множественность участников действия:

(4) рус. *Соседи на выходных спускаются во двор, шумят и веселятся до утра;*

(5) укр. *Хлопці і дівчата ввечорами співають, танцюють;*

(6) нем. *Wir wollen nur mitarbeiten* 'Мы просто хотим сотрудничать';

(7) англ. *Paul and his mother debated it endlessly between them* 'Пол и его мать бесконечно обсуждали это между собой'.

Некоторые лингвисты считают совместность более широким понятием по сравнению с реципрокностью. Так, А. Зализняк и А. Шмелев отмечают, что совместность возможна только тогда, когда субъект одного действия выступает одновременно объектом такого же действия, и наоборот. Такие глаголы авторы называют взаимно-возвратными или реципрокными [Зализняк, 2000: 135; Мухин, 2001: 51-55].

Реципрокность И. П. Мучник рассматривает как степень дальнейшего развития совместности, выделяет в ней значение простой совместности и взаимное значение и указывает на различие между ними [Мучник, 1971: 57-59].

В. П. Недялков понимает совместность (социатив) более широко по сравнению с реципрокностью и трактует социатив, как реципрок, который обозначает симметричное отношение между актантами действия с одинаковой семантической ролью [Недялков, 1991: 277].

Симметричное отношение, которое выражается конструкциями реципрока, может быть описано через значение «взаимно», «друг друга» (см. (1)-(2)), а социатива – через значение «совместно», «взаимосвязанно», «упорядочено в пространстве и времени» типа:

(8) рус. *Молодожёны вошли в дом → Молодожёны вошли в дом вместе;*

(9) укр. *Петро та його брат працюють → Петро та його брат працюють разом.*

Взаимное и социативное значение объединяет неединичность (множественность)

участников при совпадении их семантических ролей, что заложено в семантике глаголов совместного действия [Князев, 2007: 318-320; Неद्याлков, 1991: 277].

Дифференциальным признаком категорий реципрока и социатива является то, что со взаимностью связывается представление о наличии между участниками ситуации отношений противодействия, взаимной направленности активного действия, влияния участников ситуации друг на друга, в то время как за совместностью связи партнеров социативное действие ограничивается их параллельным участием в сообщаемом явлении, то есть участники социативной ситуации дополняют и определяют действия других [Kemmer, 1988: 133-134].

К основным отличиям реципрока и социатива надо отнести также количество участников действия. Прототипичная (каноническая) реципрокная ситуация ассоциируется с двумя (и не более) участниками действия, в то время как социативная ситуация предусматривает чаще участие более двух действующих лиц. Более значимым отличием этих категорий является то, что в социативных ситуациях, в отличие от реципрокных, каждый участник выполняет семантическую роль инициатора действия, то есть каждый партиципant является агенсом и одновременно равноправным «компаньоном» второго аналогичного партиципанта [Kemmer, 1988: 133-134].

Грамматическим средством выражения социативности в русском языке являются префиксы *с-/со* и рефлексивный показатель *-ся* (*слиться, сомкнуться*), в украинском языке – префиксы *спів-* (*співпрацювати, співпереживати*), *з-*, *роз-* и рефлексивный показатель *-ся* (*з'їхатися, розбігтися*), а в немецком – *mit-* (*mitarbeiten, mitbenutzen*), *zusammen-* (*zusammenarbeiten, zusammenfahren*), что указывает на синкретизм средств выражения социатива и реципрока. Отметим, что в английском языке отсутствуют специальные грамматические средства выражения социативности.

Глаголы соединения / разъединения (*сойтись, разойтись*) В. В. Виноградов относит к группе возвратно-моторных глаголов [Виноградов, 1947: 635]. Указанные глаголы обозначают совместную деятельность, то есть взаимодействие и взаимное влияние участников, установление и поддержку контактов между ними, что соответствует значению взаимности.

М. С. Зарицкий выделяет глаголы этого типа в отдельную подгруппу возвратно-взаимных глаголов и называет их «внешне-взаимными» (укр. *зібратися, розлучитися, скластися* и др.) [Зарицкий, 1961: 30].

Р. П. Михайлик также отмечает, что такие глаголы выражают совместное действие субъектов. Это действие выполняется одним из субъектов и направлено на другой, имеет определенную ориентацию относительно второго субъекта и определенной мерой зависит

от него. На первый план выступает значение совместности действия, выполняемого субъектами [Михайлик, 1995: 12].

М. А. Шелякин выделяет взаимно-возвратные глаголы и определяет их как единицы, которые обозначают действия, выполняемые совместно двумя или больше субъектами друг относительно друга (рус. *бороться, советоваться, целоваться, шептаться, подружиться* и др.) [Шелякин, 1991: 322]. Автор отмечает, что специфика этих глаголов состоит в том, что они очерчивают действия, в которых признаки объекта слиты с признаками активного субъекта и речь идет о взаимной направленности активного действия, а не о взаимной пассивности. Поэтому реципрокные глаголы легко допускают взаимно-социативное понимание активного действия двусторонней направленности. В связи с этим реципрокные глаголы можно рассматривать как подтип глаголов социативного действия.

В диссертационной работе, посвященной категории совместности во французском языке, С. В. Кокла рассматривает социативность как разновидность более широкой категории совместности и трактует ее как относительное равноправие двух или более участников и форм их движения [Кокла, 2004: 9]:

(10) фр. *A et B font ce travail* 'А и Б выполняют эту работу'.

Вместе с социативностью, автор рассматривает также комитативное действие, которое обозначает неравноправное участие совместных партиципантов в общем действии, то есть одному из участников действия приписывается ведущая роль. Например:

(11) фр. *A fait ce travail avec B* 'А выполняет эту работу с Б'.

2.2. Социатив и комитатив. Комитатив выделяется тогда, когда симметричные актанты неравноправны в реципрокной или социативной конструкциях, т. е. второй актант имеет сниженный синтаксический ранг по отношению к первому актанту и занимает позицию дополнения. Таким образом, происходит прагматическое выделение первого участника ситуации как более активного, инициативного, ср.:

(12) рус. *Петя пришёл с компаньоном*;

(13) укр. *Цибулько давно кохав Олену, щовечора гуляв з нею*;

(14) нем. *Er hat mit altem Freund gespielt* 'Он играл со старым другом';

(15) англ. *Clara went with her husband to Sheffield* 'Клара поехала с мужем в Шеффилд'.

По мнению А. В. Архипова, комитативные показатели служат для выражения «множественного участника», и «эта функция несводима к падежным, обстоятельственным, атрибутивным и прочим отношениям, которые так же могут выражаться с их помощью» [Архипов, 2004: 12].

М. А. Шелякин считает социативное значение исходным для творительного падежа

и отмечает, что «творительный падеж указывает на предмет, который является совместным с другим предметом и независимым от направленности глагольного действия, т.е. второстепенным для глагольного предиката» [Шелякин, 1987: 109].

В английском языке, по мнению Нильсена, все виды отношений, выражаемых предлогом *with*, имеют семантический признак социативности. Автор также отмечает, что *with* является средством выражения грамматического отношения совместности между именными группами [Nilsen, 1973: 64]. Например:

(16) англ. *She often travelled with her aunt* ‘Она часто путешествовала со своей тётёй’;

(17) англ. ... *the king came in with his guards and hurried her off to prison* ‘... вошёл король со своими охранниками и поспешил забрать ее в тюрьму’.

В ходе анализа фактического материала установлено, что главным средством выражения социативности в сопоставляемых языках являются синтаксические маркеры. В русском языке в их роли выступают наречия *вместе, дружно, рядом (рядышком), сообща, совместно*, а также предложные сочетания типа *рука об руку, плечом к плечу*, в украинском – *разом, гуртом, пліч-о-пліч* и др. Например:

(18) рус. *Мы вместе выходили на поле*;

(19) рус. *Наш отдел кадров совместно с начальником цеха устроил проверку цехов*;

(20) укр. *Матюха з Данюшею сіли пліч-о-пліч на генеральшиній канані*;

(21) укр. *По вулиці йшов якийсь чоловік поруч з молодницею*.

Отметим, что наречие *вместе* может употребляться со всеми глаголами. Чаще оно встречается в конструкциях, в которых в качестве сказуемого используются глаголы, обозначающие конкретные физические действия (см. (8), (18)). При этом наречие *вместе* называет равноправного участника общего действия, а комитативное дополнение, выраженное предлогом «с» и существительным в творительном падеже – подчинённого или зависимого участника действия, например:

(22) рус. *Маша пошла в магазин с подругой*.

В немецком и английском языках к синтаксическим маркерам социативности относятся соответственно наречия нем. *zusammen, gemeinsam*; англ. *together*, а также словосочетания *Hand in Hand; hand in hand, side by side* и др. Например:

(23) нем. *Tom und Maria haben schon lange nicht mehr zusammen geschwommen*. ‘Том и Мария давно не плавали вместе’;

(24) англ. *They were laughing and talking together* ‘Они вместе смеялись и разговаривали’.

Итак, социативная конструкция описывает ситуацию, в которой два или более симметричных актанта в одном и том же месте и / или в одно время выполняют одну и ту же

семантическую роль, и которую схематично можно представить следующим образом:
A и B выполняют действие вместе = *A выполнит действие* + *B выполняет действие*.

3. Основные признаки социативных конструкций

Анализ лингвистической литературы, посвященной категории социативности, позволяет выделить следующие релевантные признаки для социативных конструкций (СК): 1) количество участников социативного действия (ситуации) (два и более); 2) характер действия участников социативной ситуации (СС) (симметричность / асимметричность; активность / инактивность действия); 3) семантический тип партиципантов (однородность / неоднородность); 4) семантическая роль участников СС (одинаковая / неодинаковая) и их набор (состав); 5) время выполнения социативного действия (одновременное / неодновременное); 6) место протекания социативного действия (единое / разное место).

С учетом названных признаков выделяются два типа социативной ситуации: 1) каноническая СС и 2) неканоническая СС [Лещинская, 1995: 10].

Под *канонической социативной ситуацией* (КСС) понимается такая ситуация, в которой принимают участие не более двух симметричных актантов, каждый из которых одновременно выполняет идентичное действие с одинаковой степенью активности, в одном и том же месте, в одно и то же время. В свою очередь, под *неканонической социативной ситуацией* (НСС) понимается такая ситуация, в которой не выполняется хотя бы один из указанных выше признаков.

3.1. Канонический тип социативной ситуации. Каноническая социативная ситуация (КСС) является сложной и может быть предоставлена двумя простыми ситуациями. Так, СК (25) *Братья вместе подошли к мосту* можно разложить на две составные несоциативные конструкции (НСК): *Младший брат подошёл к мосту* + *Старший брат подошёл к мосту*.

3.1.1. Одним из важных условий реализации КСС является наличие в ее структуре не больше двух действующих лиц (предметов) (множественный субъект) (см. (20)-(23)).

Релевантность данного признака заключается в том, что при замене множественного субъекта на единичный исчезает значение совместного действия, которое является предпосылкой реализации семантики социативности. Например:

(26) рус. *Казаки толпою быстро двинулись к речке*, но нельзя сказать: **Казак толпою быстро двинулся к речке*, аналогично в украинском языке:

(27) укр. *Дівчата гуртом пішли до Кучеренків за квітами*, но нельзя сказать: **Дівчина гуртом пішла до Кучеренків за квітами*.

В качестве множественного субъекта в структуре канонической социативной

конструкции (КСК) чаще выступают одушевлённые лица (человек, птицы) (см. (28)-(38)), реже неодушевлённые предметы (39):

(28) нем. *Bei einem Projekt haben zahlreiche Spezialisten zusammengewirkt* ‘Над проектом работало вместе большое количество специалистов’;

(29) англ. *Jo and Swann moved together* ‘Джо и Свонн переехали вместе’;

(30) рус. *Тучами проползли мимо него жёлтые муравьи.*

3.1.2. Вторым существенным признаком КСС является выполнение участниками социативной ситуации одинаковых действий [Бужинский, 2013: 84]:

(31) рус. *Они ползли все вместе, вольные и заключённые;*

(32) укр. *Так і роз'їхалися бояри;*

(33) нем. *Der richtige ist, dass Freunde Ball spielen* ‘Правильно, что друзья играют в мяч’;

(34) англ. *They went up into the hill together and gathered a great basket of wild oranges* ‘Они вместе поднялись на холм и собрали большую корзину диких апельсинов’.

3.1.3. Ещё один релевантный признак КСС – нахождение семантических актантов в одинаковых пространственных отношениях (см. (33), (34)).

3.1.4. Следующим существенным условием является характер действия участников ситуации, которые должны обладать *одинаковой степенью активности* (инициативности):

(35) рус. *Сказали, что незнакомый человек и его жена удочерили девочку*, т. е.: *Незнакомый человек удочерил девочку + Его жена удочерила девочку;*

(36) укр. *А потім хлопці і дівчата розбіглися по домівках, хутір засинав*, т. е.: *Хлопці розбіглися по домівках + Дівчата розбіглися по домівках;*

(37) англ. *The bystanders made a ring at some yards' distance* ‘Наблюдатели сделали кольцо на расстоянии нескольких ярдов’.

3.1.5. Пятым условием реализации КСС является симметричное отношение между участниками социативной ситуации, т. е. один участник социативного действия находится в таком же отношении ко второму участнику, как и второй участник к первому (см. (35)-(38)).

3.1.6. Следующим признаком КСС выступает семантический тип участников СС. Они должны принадлежать к одному семантическому классу: одушевлённых (см. (38)) или неодушевленных лиц (см. (39)), то есть быть семантически однородными. Например:

(38) рус. *Около нового председателя группировались земляки;*

(39) нем. *Ihre Wege lagen immer zusammen* ‘Их пути всегда были рядом’.

3.1.7. Ещё одна релевантная особенность КСС – *одинаковая роль каждого участника*, то есть каждый участник СС выполняет только одну роль субъекта социативного действия (см. (35)-(37)).

3.1.8. Существенным признаком КСС является также *темпоральный* признак, согласно которому оба участника СС в одно и то же время (одновременно) выполняют одинаковые действия:

(40) рус. *В полночь, разбудив хозяев, ворвались двое незнакомых парней;*

(41) укр. *До самого ранку простояли Петро та Олеся ;*

(42) нем. *Hundert Soldaten standen drei Stunden in Reserve* ‘Сотни солдат простояли в резерве часа три’;

(43) англ. *In the morning the gypsies disappeared without a trace* ‘Утром цыгане исчезли бесследно’.

3.1.9. Для КСС существенным является также *локативный* признак, то есть одновременное выполнение симметричными актантами общего действия в одном и том же месте. Ср.:

(44) рус. *В яру молча сидели братья Томилины;*

(45) укр. *Біля тину стояло декілька чоловіків, дожидалися Івана;*

(46) нем. *Die Musiker saßen schweigend am Tisch* ‘Музыканты сидели молча за столом’;

(47) англ. *Nick and Marjorie pulled the boat up the beach* ‘Ник и Марджори вытащили лодку на пляж’.

3.2. Неканонический тип СС. Под неканонической социативной ситуацией (НСС) понимается СК, которая отличается по одному из указанных выше признаков от канонической социативной конструкции. Приведем примеры с нарушением некоторых описанных выше условий реализации КСС.

3.2.1. Неопределенное количество актантов. В НСС, в отличие от КСС, количество участников может быть больше чем два (три, четыре или неопределённое множество):

(48) рус. *Пятеро бойцов поселились в квартире Василисы;*

(49) укр. *Усі вони були збуджені, весело перемовлялися...;*

(50) нем. *Alle Gäste grüßten sich* ‘Все гости поприветствовали друг друга’;

(51) англ. *All drivers stood silent and waited for the decision* ‘Все водители стояли молча и ждали решения’.

В конструкции (48) множественность субъекта (*пятеро бойцов*) выражена количественным числительным (пятеро). В примерах (49)-(51) множественный субъект (*uci; alle Gäste; all drivers*) называет неопределенное количество участников СС и выражается местоимением *все*.

В исследуемых языках выявлены конструкции, в которых количество участников явно не выражено (имплицитно). Под имплицитными симметричными актантами понимаются участники СС, которые частично не выражены (отсутствует один из

актантов) (см. (51)) или совсем не представлены (см. (52)). В таких НСК множественное число участников СС предполагается наличием социативных маркеров:

(51) рус. *Курил со всеми вместе*, т. е. (*я*) *курил со всеми вместе*;

(52) рус. *В школу ходили вместе*, т. е. *в школу ходили (Иван и его друг) вместе*.

3.2.2. НСС может отличаться от КСС различной степенью участия симметричных актантов. Так, в конструкциях (53)-(55) одному участнику СС приписывается бóльшая активность, чем второму: (53) рус. *Она помогла Сабурову найти недорогой ночлег*.

Из приведенного примера видно, что первый участник (*она*) логически выделен как более активный, употребляется в именительном падеже и занимает позицию подлежащего. Менее активный (инертный) участник (*Сабуров*) выражается антропонимом в дательном падеже и занимает позицию дополнения. Глагол-сказуемое имеет форму единственного числа. Приведем аналогичные примеры из других языков:

(54) укр. *Вони довгенько балакали про щось з Прохором*;

(55) нем. *Sie haben mit meinem Freund gearbeitet* ‘Они работали с моим товарищем’;

(56) англ. *They met with Mary* ‘Они встретились с Мэри’.

3.2.3. Следующим отличием НСС от КСС является *невыполнение НСС темпорального и / или локативного признака*, присущего КСС. Так, в НСС (57) рус. *Дети один за другим вбежали в комнату* участники социативного действия (*дети*) выполняют одну и ту же роль субъекта не одновременно, а поочередно. Итеративное значение СК усиливается наличием в ней обстоятельства образа действия (*один за другим*), которое указывает на очерёдность выполнения субъектами симметричных ролей.

4. Выводы

4.1. Социативные конструкции в славянских (русском, украинском) и германских (немецком, английском) являются основными структурами категории совместности.

4.2. Под социативными понимаются конструкции, которые описывают ситуацию, в которой множественный субъект в одном и том же месте одновременно выполняет одну и ту же семантическую роль субъекта.

4.3. Релевантными признаками социативной ситуации в сопоставляемых языках являются: 1) количество участников; 2) характер действия участников; 3) семантический тип партиципантов; 4) семантическая роль участников; 5) время выполнения социативного действия и 6) место протекания социативного действия.

4.4. В исследуемых языках выделяются два типа СС: 1) каноническая СС и 2) неканоническая СС.

4.5. Размежевание канонических и неканонических СС в сопоставляемых языках происходит по следующим признакам: 1) количество участников СС (два участника –

в КСС; три и больше – в НСС); 2) время выполнения симметричными актантами социативного действия (одновременное – в КСС; неодновременное – в НСС); 3) степень активности участников социативного действия (одинаковая – в КСС; неодинаковая – в НСС).

4.6. СК сопоставляемых языков проявляют близость с реципрокными конструкциями. Их общим признаком является множественность участников ситуации, различие заключается в направлении действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов А. В. Типология комитативных конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2004. 20 с.
2. Басыров Ш. Р., Юшкова С. А. Диатезы реципрокных глаголов в немецком и украинском языках. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. 302 с.
3. Бужинский С. В. Семантика инструментальности в явной и скрытой грамматике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2013. 147 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. Москва: Учпедгиз, 1947. 734 с.
5. Зализняк А. А. Введение в русскую аспектологию. Москва: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
6. Зарицкий Н. С. Формы и функции возвратных глаголов. Киев: Изд-во Киевского университета, 1961. 315 с.
7. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. Москва: Языки славянских культур, 2007. 702 с.
8. Кожокина А. В. Семантическая организация категории совместности в английском языке // Филологические науки. Вопросы истории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 27-30.
9. Кокла С. В. Категория совместности в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Москва, 2004. 18 с.
10. Лещинская А. Е. Категория совместности в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб, 1995. 16 с.
11. Лещинская А. Е. О структуре функционально-семантического поля совместности: основные периферийные значения (на материале немецкого языка) // Вестник СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. Серия 2. Вып. 1. № 2. С. 81-88.
12. Михайлик Р. П. Семантико-грамматична структура дієслів на -ся в сучасній українській мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Київ, 1995. 16 с.
13. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном литературном языке. Москва: Наука, 1971. 298 с.
14. Мухин А. М. Морфологические и синтаксические категории // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. СПб., 2001. С. 51-55.
15. Неद्याлков В. П. Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики. СПб., 1991. С. 276-312.
16. Радзиховская В. К. О залоговой характеристике глаголов взаимного действия. Москва: Прометей, 1980. С.63-66.
17. Храковский В. С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. 288 с.
18. Шелякин М. А. Опыт семантического описания творительного падежа русского языка // Ученые записки Таврического государственного университета. 1987. С. 108-119.
19. Шелякин М. А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // Теория функциональной грамматики. СПб., 1991. С. 312-327.

20. Kemmer S. The middle voice: a typical and diachronic study. Thesis (Ph.D.). Stanford University, 1988. 363 p.
21. Nilsen D. The instrumental case in English. Syntactic and semantic considerations. The Hague-Paris, Mouton, 1973. 187 p.

REFERENCES

1. Arkhipov, A. V. (2004). *Tipologiya komitativnykh konstruksiy* [Typology of comitative constructions]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moskva. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R., Yushkova, S. A. (2018). *Diatezy retsiprokhnykh glagolov v nemetskom i ukrainskom yazykakh* [Diathesis of reciprocal verbs in German and Ukrainian]. Sankt-Peterburg: Svoe izdatelstvo. (In Russ.).
3. Buzhinskiy, S. V. (2014). *Semantika instrumentalnosti v yavnoy i skrytoy grammatike* [The semantics of instrumentality in explicit and hidden grammar]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Voronezh. (In Russ.).
4. Vinogradov, V. V. (1947). *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: grammatical teaching about the word]. Moskva: Uchpedgiz. (In Russ.).
5. Zaliznyak, A. A. (2000). *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
6. Zaritskiy, N. S. (1961). *Formy i funktsii vozvratnykh glagolov* [Forms and functions of reflexive verbs]. Kiev: Izd-vo Kievskogo universiteta. (In Russ.).
7. Knyazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics. Russian language in the typological perspective]. Moskva: Yazyki slovyanskikh kultur. (In Russ.).
8. Kozhokina, A. V. (2019). Semanticheskaya organizatsiya kategorii sovmestnosti v angliyskom yazyke [Semantic organization of the category of sociativity in English]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy istorii i praktiki*. Tambov: Gramota. T. 12. Vyp. 2. Pp. 27-30. (In Russ.).
9. Kokla, S. V. (2004). *Kategoriya sovmestnosti v sovremennom frantsuzskom yazyke* [The category of sociativity in modern French]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Moskva. (In Russ.).
10. Leshchinskaya, A. E. (1995). *Kategoriya sovmestnosti v nemetskom yazyke* [The category of sociativity in German]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. SPb. (In Russ.).
11. Leshchinskaya, A. E. (2000). *O strukture funktsionalno-semanticheskogo polya sovmestnosti: osnovnye periferiynye znacheniya (na materiale nemetskogo yazyka)* [About the structure of the functional-semantic field of sociativity: basic peripheral meanings (based on German material)]. In *Vestnik SPbGU*. SPb.: Izd-vo SPbGU. Seriya 2. Vyp. 1. No. 2. Pp. 81-88. (In Russ.).
12. Mikhaylik, R. P. (1995). *Semantiko-grammatichna struktura diyestiv na -sya v suchasniy ukrayinskiy movi* [The semantic-grammatical structure of -sya verbs in modern Ukrainian]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kiyiv. (In Ukr.).
13. Muchnik, I. P. (1971). *Grammaticheskije kategorii glagola i imeni v sovremennom literaturnom yazyke* [Grammatical categories of verb and name in modern literary language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
14. Mukhin, A. M. (2001). Morfologicheskie i sintaksicheskie kategorii [Morphological and syntactic categories]. In *Issledovaniya po yazykoznaniiyu: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko*. SPb. Pp. 51-55. (In Russ.).
15. Nedyalkov, V. P. (1991). Tipologiya vzaimnykh konstruksiy [Typology of reciprocal constructions]. In *Teoriya funktsionalnoy grammatiki*. SPb. Pp. 276-312. (In Russ.).
16. Radzikhovskaya, V. K. (1980). *O zalogovoy kharakteristike glagolov vzaimnogo deistviya* [About the voice characteristic of reciprocal verbs]. Moskva: Prometei. Pp. 63-66. (In Russ.).

17. Khrakovskiy, V. S. (1981). *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh* [Voice constuctions in languages with different structure]. L.: Nauka. (In Russ.).

18. Shelyakin, M. A. (1987). Opyt semanticheskogo opisaniya tvoritel'nogo padezha russkogo yazyka [The experience of the semantic description of the instrumental case in Russian]. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo gosudarstvennogo universiteta*. Pp. 108-119. (In Russ.).

19. Shelyakin, M. A. (1991). Russkie vozvratnye glagoly v obshchey sisteme otnosheniy zalogovosti [Russian reflexive verbs in the general system of voice relations]. In *Teoriya funktsionalnoy grammatiki*. SPb. Pp. 312-327. (In Russ.).

20. Kemmer, S. (1988). *The middle voice: a typical and diachronic study*. Thesis (Ph.D.). Stanford University.

21. Nilsen, D. (1973). *The instrumental case in English. Syntactic and semantic considerations*. The Hagues-Paris, Mouton.

Юшкова Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
(e-mail: teacher13@rambler.ru),
Автомобильно-дорожный институт Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет»
84646, Горловка, Кирова, 51

Iushkova Svetlana A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department
(e-mail: teacher13@rambler.ru),
Automobile Highway Institute of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University»
51 Kirova, Gorlovka, 84646

Поступила в редакцию 31 октября 2019 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 15 Выпуск 4 (46) 2019

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринёва

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 07.12.2019 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 15,69.
Тираж 100 экз. Заказ № 19-Декабрь167/2.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.